

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

РИМОНОВ

ВЛОТОВ БАЛОН

Handwritten signature or name in cursive script.

Не выдается на до...

СОЧИНЕНІЯ

НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

1083331

САЛКОНЕРЕНБЕРГЕ.

1842.

ВІСНИКЪ

ПЕЧАТАТЬ ПУЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Свѣтпетербургъ, Іюня 5 дня 1842 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

1842

1842

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. КОРОЛЕНКА И К^о.

17
Предпринимая издание сочинений
моихъ, выходявшихъ досель отдѣльно
и разбросанныхъ частію въ повремен-
ныхъ изданіяхъ, я пересмотрѣлъ ихъ
вновь: много незрѣлаго, много неовдуман-
наго, много дѣтски - несовершеннаго!
Что было можно исправить, то ис-
правлено, чего нельзя, то осталось не-
исправленнымъ, такъ какъ было. Всю
первую часть слѣдовало бы исключить
вовсе: это первоначальные ученическіе
опыты, недостойные строгаго внима-
нія читателя; но при нихъ кубетво-
вались первыя сладкія минуты молодая

го вдохновенія, и мнѣ стало жалко
исключить ихъ, какъ жалко исторгнуто
изъ памяти первыя игры невозвратной
юности. Снисходительный читатель
можетъ пропустить весь первый томъ
и начать чтение со втораго.

Д. Б.

В Е Ч Е Р А

НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

=

П О В Ъ С Т И,

ИЗДАНЫЯ

ПИСАЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

=

Ч А С Т Ъ П Е Р В А Я.

=

БІБЛІОТЕКА

НАУКОВО-БІБЛІОТЕКА

ХАРКІВ

1918

ХАРКІВСЬКА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА

ХАРКІВ

ПРЕДИСЛОВІЕ

==

«Это что за невидаль: Вечера на хуторъ близъ Диканьки? Что это за вечера? И швырнулъ въ свѣтъ какой-то пасичникъ! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! еще мало народу; всякаго званія и сброду, вымарало пальцы въ чернилахъ! Дернула же охота и пасичника потащиться вслѣдъ за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть въ нее».

Слышало, слышало вѣщес мое всё эти рѣчи еще за мѣсяць! то есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть носъ изъ своего захолустья въ большой свѣтъ — батюшки мои! — это все равно, какъ случается, иногда зайдешь въ покои великаго пана: всё обступать тебя и пойдутъ дурачить; еще бы ничего, пусть уже высшее лакейство, иѣтъ, какой-

нибудь оборваный мальчишка, посмотрѣть — дрянъ, который копается на заднемъ дворѣ, и тотъ пристанеть; и начнутъ со всѣхъ сторонъ притопывать ногами: «куда, куда, зачѣмъ? пошолъ, мужикъ, пошолъ!...» Я вамъ скажу... Да что говорить! Мнѣ легче два раза въ годъ съѣздить въ Миргородъ, въ которомъ, вотъ уже пять лѣтъ, какъ не видалъ меня ни подсудокъ изъ земскаго суда, ни почтенный іерей, чѣмъ показаться въ этотъ великій свѣтъ; а показался — плачь, не плачь, давай отвѣтъ.

У насъ, мои любезные читатели, не во гнѣвъ будь сказано (вы, можетъ-быть, и разсердитесь, что пасичникъ говоритъ вамъ запросто, какъ-будто какому-нибудь свату своему, или куму), у насъ, на хуторахъ, водится издавна: какъ-только окончатся работы въ полѣ, мужикъ залѣзетъ отдыхать на всю зиму на печь, и нашъ братъ припрячетъ своихъ пчель въ темный погребъ, когда ни журавлей на небѣ, ни грушъ на деревѣ не увидите болѣе, тогда, только вечеръ, уже навѣрно гдѣ-нибудь въ концѣ улицы брежжетъ огонекъ, смѣхъ и пѣсни

слышатся издаече, бренчить балалайка, а подчасъ и скрышка, говоръ, шумъ... это у насъ *вечерицы!* Онѣ, извольте видѣть, онѣ похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсѣмъ. На балы если вы ѣдете, то именно для того, чтобы повертѣть ногами и позѣвать въ руку; а у насъ, соберется въ одну хату толпа дѣвушекъ совсѣмъ не для бала, съ веретеномъ, съ гребнями; и сначала будто и дѣломъ займутся: веретена шумать, льются пѣсни, и каждая не подыметъ и глазъ въ сторону; но только награнуть въ хату парубки съ скрышачемъ — подымется крикъ, затѣется шаль, пойдутъ танцы и заведутся такія штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются всѣ въ тѣсную кучку и пустятся загадывать загадки, или просто, нести болтовню. Боже ты мой! чего только не расскажутъ! откуда старины не выкопаютъ! какихъ страховъ не нанесутъ! Но нигдѣ, можетъ-быть, не было рассказываемо столько диковницъ, какъ на вечерахъ у пасичника Рудаго Панька. За что меня міране про-

звали Рудымъ Панькомъ—ейбогу не умѣю сказать. И волосы, кажется, у меня теперь болѣе сѣдые, чѣмъ рыжіе. Но у насъ, не извольте гнѣваться, такой обычай: какъ дадутъ кому люди какое прозвище, то и во вѣки вѣковъ останется оно. Бывало, соберутся, наканунѣ праздничнаго дня, добрые люди, въ-гости, въ пасичникову лачужку, усядутся за столъ, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простаго десятка, не какіе-нибудь мужики хуторянскіе; да, можетъ, иному и повыше пасичника, сдѣлали бы честь посѣщеніемъ. Вотъ напримѣръ, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Оому Григорьевича? Эхъ голова! что за-исторіи умѣлъ онъ отпускать! Двѣ изъ нихъ найдете въ этой книжкѣ. Онъ никогда не носилъ пестрядеваго халата, какой встрѣтите вы на многихъ деревенскихъ дьячкахъ; но заходите къ нему и въ будни, онъ васъ всегда приметъ въ балахонѣ изъ тонкаго сукна, цвѣта застуженаго картофельнаго киселя, за которое платилъ онъ въ Полтавѣ, чуть не по шести рублей за аршинъ.

ХІІІ

Отъ сапогъ его, у насъ никто не скажетъ на цѣломъ хуторѣ, чтобы слышенъ былъ запахъ дегтя; но всякому извѣстно, что онъ чистилъ ихъ самымъ лучшимъ смальцемъ, какого, думаю, съ радостью иной мужикъ положилъ бы себѣ въ кашу. Никто не скажетъ также, чтобы онъ когда-либо утиралъ носъ полою своего балахона, какъ то дѣлаютъ иные люди его званія; но вынималъ изъ-за пазухи опрятно сложенный, бѣлый платокъ, вышитый по всеѣмъ краямъ красными нитками, и исправивши что слѣдуетъ, складывалъ его снова, по обыкновенію въ двѣнадцатую долю, и пряталъ за пазуху. А одинъ изъ гостей... ну, тотъ уже былъ такой панничъ, что хотъ сейчасъ нарядить въ засѣдателя, или подкоморія. Бывало, поставитъ передъ собою палець, и глядя на конецъ его, пойдетъ рассказывать — вычурно, да хитро, какъ въ печатныхъ книжкахъ! Иной разъ слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападетъ. Ничего, хотъ убей, не понимаешь. Откуда онъ словъ понабрался такихъ? Юма Григорьевичъ разъ ему на счетъ этого славную смель присказку: онъ

разсказалъ ему, какъ одинъ школьникъ, учившійся у какого-то дьяка грамотѣ, пріѣхалъ къ отцу, и сталъ такимъ латинщикомъ, что позабылъ даже нашъ языкъ православный; всѣ слова сворачиваетъ на усъ: лопата, у него лопатусъ; баба, бабуся. Вотъ, случилось разъ, пошли они вмѣстѣ съ отцомъ въ поле. Латинщикъ увидѣлъ грабли и спрашиваетъ отца: «какъ это, батьку, по вашему называется?» да и наступилъ, разинувши ротъ, ногою на зубцы. Тотъ не успѣлъ собраться съ отвѣтомъ, какъ ручка, размахнувшись, поднялась и—хватъ его по лбу. «Проклятыя грабли!» закричалъ школьникъ, ухватясь рукою за лобъ и подскочивши на аршинъ. «какъ же онѣ, чортъ бы спихнулъ съ мосту отца ихъ, больно бьются!» Такъ вотъ какъ! припомнилъ и имя, голубчикъ! — Такая присказка не по душѣ пришлась затѣйливому разсказчику. Не говоря ни слова, всталъ онъ съ мѣста, разставилъ ноги свои посреди комнаты, нагнулъ голову немного впередъ, засунулъ руку въ задній карманъ гороховаго кафтана своего, вытащилъ круглую подъ лакомъ та-

бакерку, щелкнулъ пальцемъ по намазанной рожѣ какого-то бусурманскаго генерала и захвативши не малую порцію табаку, растертаго съ золою и листьями любистка, поднесъ ее ко-ромысломъ къ носу, и вытянулъ носомъ нале-ту всю кучку, не дотронувшись даже до боль-шаго пальца, — и все ни слова; да какъ полѣзъ въ другой карманъ и вынулъ синій въ клѣткахъ бумажный платокъ, тогда-только проворчалъ про-себя, чуть ли еще не поговорку: *«не мечи-те бисеръ предъ свиньями...»* Быть же теперь ссорѣ, подумалъ я, замѣтивъ, что пальцы у Оо-мы Григорьевича такъ и складывались, дать дулю. Къ счастью, старуха моя догадалась по-ставить на столъ горячій кнись съ масломъ; всѣ прицались за дѣло. Рука Оомы Григорье-вича, вмѣсто того, чтобъ показать шишъ, про-тянулась къ кнису и, какъ всегда водится, на-чали прихваливать мастерицу-хозяйку. Еще былъ у насъ одинъ разскащикъ; но тотъ (нече-го бы къ ночи и вспоминать о немъ) такіа вы-капывалъ страшныя исторіи, что волосы ходи-ли по головѣ. Я нарочно и не помѣщалъ ихъ

сюда. Еще напугаешь добрыхъ людей такъ, что пасичника, прости Господи, какъ чорта всѣ стануть бояться; пусть лучше какъ доживу, если дастъ Богъ, до новаго года и выпущу другую книжку, тогда можно будетъ пострашать выходцами съ того свѣта и дивами, какія творились въ старину, въ православной сторонѣ нашей. Межъ ними, статья-можетъ, найдете побасенки самого пасичника, какія рассказывалъ онъ своимъ внукамъ. Лишь бы слушали, да читали, а у меня, пожалуй, лѣнь только проклятая рыться, наберется и на десять такихъ книжекъ.

Да, вотъ—было и позабылъ самое главное: какъ будете, господа, ѣхать ко мнѣ, то прямохонько берите путь по столбовой дорогѣ, на Диканьку. Я нарочно и выставилъ ее на первомъ листкѣ, чтобы скорѣе добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы слышались вдоволь. И то сказать, что тамъ домъ почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про садъ и говорить нечего: въ Петербургѣ вашемъ, вѣрно, не сыщется такого. При-

ѣхавши же въ Диканьку, спросите только перваго попавшагося на-встрѣчу мальчишку, пасущаго въ запачканной рубашкѣ гусей: «а гдѣ живетъ пасичникъ Рудый Панько?» «А вотъ тамъ!» скажетъ онъ, указавши пальцемъ, и если хотите, доведетъ васъ до самаго хутора. Прошу однакожь не слишкомъ закладывать назадъ руки и, какъ говорится, финтить, потому-что дороги по хуторамъ нашимъ не такъ гладки, какъ передъ вашими хоромами. Ома Григорьевичъ, третьяго году, прїѣзжая изъ Диканьки, понаѣдался-таки въ провалъ съ новою таратайкою своею и гнѣдою кобылою, несмотря на то, что самъ правиль, и что сверхъ своихъ глазъ, надѣвалъ по-временамъ еще покупные.

За то уже, какъ покажете въ гости, то-дѣньш подамъ такихъ, какихъ вы отроду, можетъ-быть, не ѣли; а меду, и забожусь, лучшаго не сыщете на хуторахъ: представьте себѣ, что какъ внесешь сотъ—духъ пойдетъ по всей комнатѣ, вообразить нельзя, какой: чистъ, какъ слеза, или хрусталь дорогой, что бываетъ въ

XVIII

серьгахъ. А какими пирогами накормить моя старуха! что за пироги, если бъ вы только знали: сахаръ, совершенный сахаръ! а масло, такъ вотъ и течеть по губамъ, когда начнешь ѣсть. Подумаешь право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квасъ съ терновыми ягодами, или варенуху съ изюмомъ и сливами? или, не случилось ли вамъ, подчасъ, ѣсть пугрю съ молокомъ? Боже ты мой, какихъ на свѣтѣ нѣтъ кушаньевъ! Станешь ѣсть—объяденье, да и полно; сладость неописанная! Прошлаго года.... Однако жъ, что я въ-самомъ-дѣлѣ разболтался?... Пріѣзжайте только, пріѣзжайте поскорѣй; а накормимъ такъ, что будете рассказывать и встрѣчному и поперечному.

Пасичникъ Рудый Панько.

СОРОЧИНСКАЯ

ЯРМАРКА.

ТОМЪ I.

I

КОРОЛЕНКО

ЛЕНКА

ТОР 1

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА.

I.

Миня вудно въ хати жить.
Ой вси жь мєня изъ дому,
Де богачько грому, грому,
Де гошцюють все диньки.
Де гуляють варубки!

Изъ старой легенды.

Какъ упонтемень, какъ роскошень лѣтній день
въ Малороссiи! Какъ томительно-жарки ть ча-
сы, когда полдень блещеть въ тишинѣ и зноѣ,
и голубой, неизмеримый океанъ, сладостраст-
нымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, ка-
жется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгъ, обнимая
и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятiяхъ
своихъ! На немъ ни облака. Въ полѣ ни рѣчи.

Все какъ-будто умерло; вверху только, въ небесной глубинѣ дрожить жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лениво и безумно, будто гуляющіе безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительныя удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другіе темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало — рѣка въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!

Такою роскошью блистала одинъ изъ дней жаркаго августа тысячу-восемь-сотъ... восемь-сотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога, верстъ за десять до мѣстечка Сорочи-

нець, кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницею чумаки съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныхъ въ сѣно, медленно двигались, кажется, скучая своимъ заключеніемъ и темнотою; мѣстами только какая-нибудь расписанная яркомиска, или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко-взгроможденнаго на возу плетня, и привлекала умиленные взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ поглядывало съ завистью на высокаго гончара, владѣльца сихъ драгоценностей, который медленными шагами шель за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ щеголей и кокетокъ ненавистнымъ для нихъ сѣномъ.

Одинокю всторонѣ тащился истомленными волами возъ, наваленный мѣшками, пенькою, полотномъ и разною домашнею поклажею, за которымъ брель, въ чистой полотняной рубашкѣ и запачканныхъ полотняныхъ шароварахъ, его хозяинъ. Лѣзвюю рукой обтиралъ онъ катившійся градомъ потъ со смуглаго лица и даже казавшій съ длинныхъ усовъ, напудренныхъ тѣмъ неумолимимъ парикмахеромъ, который безъ

зову является и къ красавицѣ, и къ уроду, и насильно пудритъ нѣсколько тысячъ уже лѣтъ весь родъ человѣческій. Рядомъ съ нимъ шла привязанная къ возу кобыла, смиренный видъ которой обличалъ преклонныя лѣта ея. Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шанку, поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однако жъ не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать; стоило только поднять глаза немного вверхъ, чтобъ увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ круглымъ личкомъ, съ черными бровями, ровными дугами, поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно-улыбавшимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя, вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, богатою короною покоились на ея очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее; все было ей чудно, ново.... и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали съ одного предмета на другой. Какъ не разсвѣяться! въ первый разъ на ярмаркѣ! Дѣвушка въ осмнадцать лѣтъ въ первый разъ на ярмаркѣ!... Но ни одинъ изъ прохожихъ и проез-

жихъ не зналъ, чего ей стоило упрямить отна
взять съ собою, который и душою радъ бы
былъ это сдѣлать прежде, еслибы не зная ма-
чиха, выучившаяся держать его въ рукахъ
такъ же ловко, какъ онъ возжи своей старой
кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, те-
перь на продажу. Неугомонная супруга... но
мы и позабыли, что и она тутъ же сидѣла на
высотѣ воза въ нарядной шерстяной, засаленной
кофть, по которой, будто по горнистасовому мѣ-
ху, нашиты были хвостики краснаго только цвѣ-
та, въ богатой плахть, нестрѣвшею какъ шах-
матная доска, и въ ситцевомъ цвѣтномъ очинкѣ,
придававшемъ какую-то особенную важность ея
красному, полному лицу, по которому проскаль-
зывало что-то столь непріятное, столь дикое,
что каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встре-
воженный взглядъ свой на веселенькое личико
дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ
уже открываться Псѣль; издали уже вѣло про-
хладою, которая казалась ошутительнѣе послѣ
томительнаго, разрушающаго жара. Сквозь тем-
но и светло-зеленые листья небрежно раскидан-
ныхъ по лугу осокоровъ, березъ и тополей, за-

сверкали огненные, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица блистательно обнажила серебряную грудь свою, на которую роскошно падали зеленыя кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ тѣ упительные часы, когда вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ ея полное гордости и ослѣпительнаго блеска чело, лилейныя плечи и мраморную шею, освѣненную темною, упавшею съ русой головы волною, когда съ презрѣніемъ кидаетъ однѣ украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца нѣтъ— она почти каждый годъ перемѣняетъ свои окрестности, выбираетъ себѣ новый путь и окружаетъ себя новыми, разнообразными ландшафтами. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мощно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей красотѣ и величїи, какъ цѣльное стекло, раскинулась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, стояло и ходило вверху ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну. Красавица наша задумалась, глядя на роскошь

вида, и позабыла даже лущить свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималась во все продолженіе пути, какъ вдругъ слова: «ай да дѣвушка!» поразили слухъ ея. Оглянувшись, увидѣла она толпу стоявшихъ на мосту парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголеватѣе прочихъ, въ бѣлой свиткѣ и въ сѣрой шапкѣ ршеттиловскихъ смушекъ, подпершись въ бока, молодецки поглядывалъ на проезжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, казалось, стремившихся видѣть ее насквозь, и потушила глаза при мысли, что, можетъ-быть, ему принадлежало произнесенное слово. «Славная дѣвушка!» продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. «Я бы отдалъ все свое хозяйство, чтобы поцѣловать ее. А вотъ впереди и дьяволъ сидитъ!» Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ; но раздраженной сожительницѣ медленно выступавшаго супруга не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: красныя щеки ея превратились въ огненные, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на голову разгульнаго парубка:

«Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ!

Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло!
Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ
проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтъ чортъ бо-
роду обжегъ!»

«Видишь, какъ ругается!» сказалъ парубокъ, вы-
таращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный
такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ при-
вѣтствій: «и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы,
не заболитъ выговорить эти слова».

«Столѣтней!» подхватила пожилая красавица.
«Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ
негодный! Я не видала твоей матери, но знаю,
что дрянъ! и отецъ дрянъ! и тетка дрянъ! Сто-
лѣтней! что у него молоко еще на губахъ...»
Тутъ возъ началъ спускаться съ мосту, и по-
слѣднихъ словъ уже невозможно было разслу-
шать; но парубокъ не хотѣлъ, кажется, кончить
этимъ: не думая долго, схватилъ онъ комокъ
грязи и швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ
былъ удачнѣе, нежели можно было предпола-
гать: весь новый ситцевый очипокъ забрызганъ
былъ грязью, и хохоть разгульныхъ новѣсь
удвоился съ новою силой. Дородная щеголиха
вскипѣла гнѣвомъ; но возъ отѣхалъ въ это вре-
мя довольно далеко, и месть ея обратилась на

безвинную падчерицу и медленнаго сожителя, который, привыкнувъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе и хладнокровно принималъ мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги. Однако жъ, не смотря на это, неутомимый языкъ ея трещалъ и болтался во рту до-тѣхъ-поръ, пока не пріѣхали они въ пригородъ, къ старому знакомому и куму, казаку Цыбуль. Встрѣча съ кумовьями, давно невидавшимся, выгнала на время изъ головы это неприятное происшествіе, заставивъ нашихъ путешественниковъ поговорить объ ярмаркѣ и отдохнуть немного послѣ дальняго пути.

II.

Що Боже, ты мій Господе! чого нема на тій ярмарци! колеса, скло, деготь, тютюнь, ремешь, цыбуля, крамари велки... такъ, що хоть бы въ кешени було рубливъ и съ тридцять, то и тогда бь не закупишь у сіей ярмарки.

Изъ малороссійской комедіи.

Вамъ вѣрно случалось слышать гдѣ-то валящійся, отдаленный водопадъ, когда встревоженная окрестность полна гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрь сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ

на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричать, гогочеть, греметь? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ, все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыганы, горшки, бабы, прѣлики, шапки — все ярко, нестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломаются возы, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ съ чернобровою дочкой давно уже толкался въ народъ. Подходилъ къ одному возу, шупалъ другой, примѣшивался къ цѣнамъ; а между-тѣмъ, мысли его вращались безостановочно около десяти мѣшковъ пшеницы и старой кобылы, привезенныхъ имъ на продажу. По лицу его дочки замѣтно было, что ей не слишкомъ пріятно тереться около возовъ съ мукою и пшеницею. Ей бы хотѣлось туда, гдѣ подъ полотняными ятками нарядно развѣшены красныя ленты, серьги, оловянные, мѣдные кресты и дука-

ты. Но и тутъ однако жъ она находила себѣ много предметовъ для наблюденія: ее смѣшило до крайности, какъ цыганъ и мужикъ били одинъ другаго по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя; какъ поссорившіяся перѣкупки перекидывались бранью и раками; какъ москаль, поглаживая одною рукою свою козлиную бороду, другою... Но вотъ почувствовала она, кто-то дернулъ ее за шитый рукавъ сорочки. Оглянулась — и парубокъ въ бѣлой свиткѣ съ яркими очами стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилося такъ, какъ еще никогда, ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею. «Не бойся, серденько, не бойся!» говорилъ онъ ей въ-полголоса, взявши ея руку: «я ничего не скажу тебѣ худаго!» — Можетъ-быть, это и правда, что ты ничего не скажешь худаго — подумала про себя красавица: — только мнѣ чудно... вѣрно это лукавый! Сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а силы недостаетъ взять отъ него руку. — Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что-то промолвить дочери, но всторонѣ послышалось слово: пшеница. Это магическое слово за-

ставило его, въ ту же минуту, присоединиться къ двумъ, громко разговаривающимъ негоціантамъ, и приковавшася къ нимъ вниманія уже ничто не въ состояніи было развлечьъ.

Въ продолженіи этой минуты
онъ слышалъ, какъ одинъ изъ
негоціантовъ говорилъ другому
о важности этого дела.

Въ продолженіи этой минуты
онъ слышалъ, какъ одинъ изъ
негоціантовъ говорилъ другому
о важности этого дела.

III.

Чи бачишь винъ якый парныще?
На свити трохи есть такихъ.
Сывуху такъ мовъ брагу хлыще!

Котляревскій. Энеида.

«Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?» говорилъ человекъ, съ виду похожій на забъзгаго мѣщанина, обитателя какого-нибудь мѣстечка, въ пестрядевыхъ, запачканныхъ дегтемъ и засаленныхъ шароварахъ, другому въ синей, мѣстами уже съ заплатами, свиткѣ и съ огромною шишкою на лбу.

«Да думать нечего тутъ; я готовъ вскинуть

на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса предъ рождествомъ на хать, если мы продадимъ хоть одну мѣрку».

«Кого ты, землякъ, морочишь? Привозу вѣдь, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе» возразилъ человекъ въ пестрадевыхъ шароварахъ. — «Да, говорите себѣ, что хотите» думалъ про себя нашъ знакомецъ, не пропускавшій ни одного слова изъ разговора двухъ негоціантовъ: «а у меня десять мѣшковъ есть въ запасѣ».

«То-то и есть, что если гдѣ замѣшалась чертовщина, то ожидай столько проку, сколько отъ голоднаго москаля» значительно сказалъ человекъ съ шишкою на лбу.

«Какая чертовщина?» подхватилъ человекъ въ пестрадевыхъ шароварахъ.

«Слышалъ ли ты, что поговариваютъ въ народѣ?» продолжалъ съ шишкою на лбу, наводя на него искоса свои угрюмыя очи.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Засѣдатель, чтобъ ему не довелось обтирать губы послѣ панской сливки, отвелъ для ярмарки проклятое мѣсто, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишь. Видишь ли ты тотъ старый, развалившійся сарай,

что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?» (Тутъ любопытный отецъ нашей красавицы подвинулся еще ближе и весь превратился, казалось, во вниманіе). «Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни; и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостной писарь проходилъ поздно вечеромъ, только глядь— въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ; того и жди, что опять покажется *красная свитка!*»

«Что жъ это за *красная свитка?*»

Тутъ у нашего внимательнаго слушателя волосы поднялись дыбомъ; со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка его и парубокъ спокійно стояли, обнявшись и напѣвая другъ другу какія-то любовныя сказки, позабывъ про всѣ находящіяся на свѣтѣ свитки. Это разогнало его страхъ и заставило обратиться къ прежней безпечности.

«Эге, ге, ге, землякъ! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься! Чортъ меня возьми, если я не на четвертый только день послѣ свадьбы выучился обнимать покойную свою Хвеську, да и

то спасибо куму: бывши дружкойю, уже надуумилъ».

Парубокъ замѣтилъ тотъ же часъ, что отецъ его любезной не слишкомъ далекъ, и въ мысляхъ принялся строить планъ, какъ бы склонить его въ свою пользу. «Ты вѣрно, человекъ добрый, не знаешь меня, а я тебя тотчасъ узналъ».

«Можетъ и узналъ».

«Если хочешь, и имя, и прозвище, и всякую всячину расскажу: тебя зовутъ Солопій Черевикъ».

«Такъ, Солопій Черевикъ».

«А взглядишь-ко хорошенько: не узнаешь ли меня?»

«Нѣтъ, не познаю. Не во гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось наглядѣться рождъ всякихъ, что чортъ ихъ и припомнить всѣхъ!»

«Жаль же, что ты не припомнишь Голопупенкова сына!»

«А ты будто Охримовъ сынъ?»

«А кто жъ? Развѣ одинъ только лысый дидько, если не онъ».

Тутъ пріятели побрались за шапки, и пошло

лобызание; нашъ Голопушковъ сынъ одинакожъ, не теряя времени, рѣшился въ ту же минуту осадить новаго своего знакомаго.

«Ну, Солоній, вотъ какъ видишь, я и дочка твоя полюбили другъ друга такъ, что хоть бы и на-вѣки жить вмѣстѣ».

«Что жъ, Параска» сказалъ Черевикъ, оборотившись и смѣясь къ своей дочери: «можетъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того.... чтобы и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ? А ну-ка, новобранный зять, давай могоарычу!»—и всѣ трое очутились въ известной армарочной рестораціи — подъ яткою у жидовки, усѣянною многочисленною флотиліей сулей, бутылей, флажекъ всѣхъ родовъ и возрастовъ. «Эхъ, хватъ! за это люблю!» говорилъ Черевикъ, немного подгулявши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку величиною съ полкварти и, нимаю не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее въ дребезги. «Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри: какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную!..» и, посмѣиваясь и покачиваясь, побрелъ онъ съ нею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными

товарами, въ которыхъ находились купцы изъ
Гадяча и Миргорода — двухъ знаменитыхъ го-
родовъ полтавской губернии, выглядывать по-
лучше деревянную люльку въ мѣдной, щеголь-
ской оправѣ, цветистый по красному полю пла-
токъ и шанку для свадебныхъ подарковъ тестю
и всѣмъ, кому слѣдуетъ.

IV.

Хоть холопикамъ не овецъ,
Да коли жинци, бачишь, тесъ,
Такъ треба угодыты....

Котляревскій.

«Ну жинка! а я нашель жениха дочкѣ!»

«Вотъ, какъ разъ до того теперь, чтобы жениховъ отыскивать. Дурень, дурень! тебѣ вѣрно и на роду написано остаться такимъ! Гдѣ жъ таки ты видѣль, гдѣ жъ таки ты слышалъ, чтобы добрый человекъ бѣгалъ теперь за женихами? Ты подумалъ бы лучше, какъ пшеницу съ рукъ сбыть; хорошъ долженъ быть и женихъ»

тамъ! Думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодранцевъ».

«Э, какъ бы не такъ, посмотрѣла бы ты, что тамъ за парубокъ! Одна свитка больше стóитъ, чѣмъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху *важно* дуешь... Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварти, не поморщившись».

«Ну, такъ: ему если пьяница, да бродяга, такъ и его масти. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до-сихъ-поръ онъ не попадетъ мнѣ: я бы дала ему знать».

«Что жъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чѣмъ же онъ сорванецъ?»

«Э! чѣмъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! слышишь! чѣмъ же онъ сорванецъ! Куда же ты запрятала дурацкiе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы; ему хоть бы тутъ же, передъ его запачканнымъ въ табачницъ носомъ, нанесли жинкъ его безчестье, ему бы и нуждочки не было».

«Все однако же я не вижу въ немъ ничего

худаго; парень хоть куда! Только развѣ, что заклеилъ на мигъ образину твою навозомъ».

«Эге! да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить! А что это значить? Когда это бывало съ тобою? Верно, успѣлъ уже хлебнуть, не продавши ничего...»

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разгорячился черезчуръ, и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою руками, предполагая безъ-сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими супружескими когтями. «Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ сильно наступавшей супруги. «Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. Господи, Боже мой, за что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? и такъ много всякой дряни на свѣтъ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

V.

Не хлился дворошкы,
 Ще ты зеленый;
 Не журися козаченькы,
 Ще ты молодой!

Малорос. пѣсн.

Разсыянно глядѣлъ парубокъ въ бѣлой свѣткѣ, сидя у своего воза, на глухо шумѣвшей вокругъ него народъ. Усталое солнце уходило отъ міра, спокойно пропылавъ свой полдень и утро; день и пльнительно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жертвы неумолимаго недуга въ торжественную минуту ея отлета на небо. Ослѣпительно блистали верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, освѣщенные какимъ-то едва примет-

нымъ огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучами оконницъ горѣли; зеленныя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше, и усталые языки перекупокъ, мужиковъ и цыганъ лѣнивѣе и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовоный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ. «О чемъ загорюнился, Грыцько?» вскричалъ высокій, загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. «Чтожь, отдавай волю за двадцать!»

«Тебѣ бы все волю, да волю. Вашему племени все бы корысть только; поддѣть, да обмануть добраго человека».

«Тѣфу, дьяволь! да тебя не-на-шутку забрало. Ужь не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?»

«Нѣтъ, это не по моему; я держу свое слово; что разъ сдѣлалъ, тому и на-вѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и на поль-шеляга: сказалъ, да и назадъ... Ну, его и винить нечего, онъ пень, да и полно. Все это

штуки старой вѣдьмы, которую мы сегодня съ хлопцами на мосту ругнули на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ, или паномъ великимъ, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ тѣхъ дурней, которые позволяютъ себя сѣдлатъ бабамъ...»

«А спустишь воловъ за двадцать, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?»

Въ недоумѣніи посмотрѣлъ на него Грыцько. Въ смуглыхъ чертахъ цыгана было что-то злобное, извительное, низкое и вмѣстѣ высокомерное; человекъ, взглянувшій на него, уже готовъ былъ сознаться, что въ этой чудной душѣ кипятъ достоинства великія, но которымъ одна только награда есть на землѣ—висьлица. Совершенно провалившійся между носомъ и острымъ подбородкомъ ротъ, вѣчно осѣненный извительною улыбкой, небольшіе, но живые какъ огонь глаза и безпрестанно мѣняющіяся на лицѣ молніи предпріятій и умысловъ, все это какъ будто требовало особеннаго, такого же страннаго для себя костюма, какой именно былъ тогда на немъ. Этотъ темнокоричневый кафтанъ, прикосновеніе къ которому, казалось, превратило бы его въ пыль, длинныя, валившіеся по плечамъ охляпями черные волосы, башмаки, надѣтые на босыя,

загорьлыя ноги,—все это, казалось, приросло къ нему и составляло его природу. «Не за двадцать, а за пятнадцать отдамъ, если не солжешь только!» отвѣчалъ парубокъ, не сводя съ него испытательныхъ очей.

«За пятнадцать? ладно! Смотри же, не забывай: за пятнадцать! Вотъ тебѣ и синица въ задатокъ!»

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу — задатокъ твой».

«Ладно! Ну, давай же по рукавъ!»

«Давай!»

VI.

Отъ бѣды Романъ иде, отгнетьрь,
якъ разъ, вадсадыть мене бебе-
хивъ, да и вамъ, пане Хомо, не
безъ лаха буде.

Изъ малорос. комедій.

«Сюда, Аѳанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ пле-
тень пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь :
дурень мой отиравился на всю ночь съ кумомъ
подъ возы, чтобъ москали на-случай не под-
цѣпили чего». Такъ грозная сожительница Че-
ревика масково ободряла трусливо льбившагоса
около забора поповича, который поднялся скоро
на плетень и долго стоялъ въ недоумьѣи на

немъ, будто длинное, страшное привидѣніе, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

«Вотъ беда! Не ушиблись ли вы, не сломились ли еще, Боже оборони, шею?» лепетала заботливая Хивря.

«Тсъ! ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья Никифоровна!» болѣзненно и шопотно произнесъ поповичъ, подымаясь на ноги: «выключая только узавленія со стороны крапивы, сего змѣеподобнаго злака, по выраженію покойнаго отца протопопа».

«Пойдемте же теперь въ хату; тамъ никого нѣтъ. А я думала было уже, Аѳанасій Ивановичъ, что къ вамъ болячка, или соняшница пристала: нѣтъ, да и нѣтъ. Каково же вы поживаете? Я слышала, что пань-отцу перепало теперь немало всякой всячины!»

«Суцая бездѣлица, Хавронья Никифоровна: батюшка всего получилъ за весь востъ мѣшковъ пятнадцать яроваго, проса мѣшка четыре, кнѣшей съ сотню, а куръ, если сосчитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ, лица же большею частію протухлыя. Но воистину сладостныя приношенія, сказать примѣрно, единственно отъ

вась предстоитъ получить, Хавронья Никифоровна!» продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на нее и подсовываясь поближе.

«Вотъ вамъ и приношеніе, Аванасій Ивановичъ!» проговорила она, ставя на столъ миски и жеманно застегивая свою, будто ненарочно разстегнувшуюся, кофту: «вареники, галушечки пшеничныя, пампушечки, товченички!»

«Бьюсь объ закладъ, если это сдѣлано не хитрѣйшими руками изъ всего свина рода!» сказалъ поповичъ, принимаясь за товченички и подвигая другою рукою варенички. «Однако жъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ отъ вась кушанья послаще всѣхъ пампушечекъ и галушечекъ».

«Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Аванасій Ивановичъ!» отвѣчала дородная красавица, притворяясь не понимающею.

«Разумѣется, любви вашей, несравненная Хавронья Никифоровна!» шопотомъ произнесъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая широкій станъ ея.

«Богъ знаетъ, что вы выдумаете, Аванасій Ивановичъ!» сказала Хивря, стыдливо поту-

пивъ глаза свои. «Чего добраго! вы, пожалуй, затѣете еще цаловаться!»

«На счетъ этого я вамъ скажу хоть бы и про себя» продолжалъ поповичъ: «въ бытность мою, примѣрно сказать, еще въ бурсы, вотъ, какъ теперь помню...» Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и возвратилась вся поблѣднѣвшая. «Ну, Аванасій Ивановичъ! мы попались съ вами; народу стучится куча, и мнѣ почудился кумовъ голосъ...» Вареникъ остановился въ горлѣ поповича... Глаза его выпялились, какъ будто какой-нибудь выходецъ съ того свѣта только-что сдѣлалъ ему передъ симъ визитъ свой. «Ползайте сюда!» кричала испуганная Хивря, указывая на положенныя подъ самымъ потолкомъ на двухъ перекладинахъ доски, на которыхъ была навалена разная домашняя рухлядь. Опасность придала духу нашему герою. Опамятавшись немного, вскочилъ онъ на лежанку и ползъ оттуда осторожно на доски; а Хивря побѣжала безъ памяти къ воротамъ, потому-что стукъ повторялся въ нихъ съ бѣльшею силою и нетерпѣливѣе.

VII.

Да тутъ чулася, мосмане!

Изъ малорос. комедіи.

На ярмаркѣ случилось странное происшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась *красная свитка*. Старухъ, продававшей бублики, почудился сатана, въ костюмъ ужасной свиньи, который безпрестанно наклонялся надъ возами, какъ будто ища чего. Это быстро разнеслось по всемъ угламъ уже утихнувшаго табора; и все считали преступле-
томъ 1.

ніемъ не вѣрять, несмотря на то, что продавица бубликовъ, которой подвижная лавка была рядомъ съ лткою шинкаря, раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе лакомага товара. Къ этому присоединились еще увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣнномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ - что къ - ночи всѣ тѣснѣе жались другъ къ другу; спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои; а тѣ, которые были несовсѣмъ изъ храбраго десятка и имѣли притоны въ избахъ, убрались домой. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые вмѣстѣ съ напросившимися къ нимъ въ хату гостями произвели сильный стукъ, такъ перепугавшій нашу Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза проѣхалъ съ своимъ возомъ по двору, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были въ веселомъ расположеніи духа и безъ церемоніи вошли прежде самого хозяина. Супруга нашего Черевика сидѣла, какъ на иголкахъ, когда принялись они шарить по всѣмъ угламъ хаты. «Что, кума» вскричалъ вошедшій

кумъ: «тебя все еще трясеть лихорадка?» — «Да, нездоровится» отвечала Хивря, безпокойно поглядывая на наклеенныя подъ потолокомъ доски. — «А ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажку!» говорилъ кумъ прїѣхавшей съ нимъ жень: «мы черпнемъ ее съ добрыми людьми; а то проклятыя бабы вонанугали насъ такъ, что и сказать стыдно. Въдь мы, ейбогу, братцы, по-пустякамъ прїѣхали сюда!» продолжалъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. «Я тутъ же ставлю новую шанку, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. Да хоть бы и въ-самомъ-дѣль сатана: что сатана? Плюйте ему на голову! Хоть бы сію же минуту вздумалось ему стать, вотъ здѣсь, напримѣръ, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему дулю подъ самый носъ!» — «Отъ чего же ты вдругъ поблѣднѣлъ весь?» закричалъ одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ головою и старавшійся всегда выказывать себя храбрцомъ. «Я?... Господь съ вами! приснилось!» Гости усмѣхнулись. Довольная улыбка показалась на лицѣ высокаго бонмотиста-храбреца. «Куда теперь ему поблѣднѣть!» подхватилъ другой: «щеки у него разцвѣли, какъ макъ; те-

перь онъ не цыбуля, а бурякъ — или лучше, какъ та *красная свитка*, которая такъ напугала людей». Баклажка покатила по столу и сделала гостей еще веселѣе прежняго. Тутъ Черевикъ нашъ, котораго давно мучила *красная свитка* и не давала ни на-минуту покою любопытному его духу, приступилъ къ куму. «Скажи, будь ласковъ, кумъ! вотъ прошусь, да и не допрошусь исторіи про эту проклятую *свитку*».

«Э, кумъ! оно бы не годилось рассказывать на ночь; да развѣ уже для того, чтобы угодить тебѣ и добрымъ людямъ (при семъ обратился онъ къ гостямъ), которымъ, я примѣчаю, столько же, какъ и тебѣ, хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте жь!» Тутъ онъ почесалъ плеча, утерся полою, положилъ обѣ руки на столъ и началъ:

«Разъ, за какую вину, ейбогу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта изъ пекла».

«Какъ же, кумъ!» прервалъ Черевикъ: «какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?»

«Что жь дѣлать, кумъ? выгнали, да и выгнали, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ ха-

ты. Можетъ-быть, на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло: ну, и указали двери. Вотъ, чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно по неклѣ, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ-горя пьянствовать. Угнѣздила въ томъ самомъ сараѣ, который, ты видѣлъ, развалился подъ горою, и мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не оградивъ напередъ себя крестомъ святымъ, и сталъ чортъ такой гуляка, какого не сыщешь между парубками. Съ утра до вечера, то-и-дѣло, что сидитъ въ шинкѣ!...»

Тутъ опять строгій Черевикъ прервалъ нашего разскащика: «Богъ знаетъ, чтò говоришь ты, кумъ! Какъ можно, чтобы чорта впустилъ кто-нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же есть, слава Богу, и когти на лапахъ, и рожки на головѣ».

«Вотъ то-то и штука, что на немъ была шапка и рукавицы. Кто его распознаетъ? Гулялъ, гулялъ — наконецъ пришлось до того, что пропилъ все, чтò имѣлъ съ собою. Шинкаръ долго вѣрилъ, потомъ и пересталъ. Пришлось чорту заложить красную свитку свою, чуть ли не въ треть цѣны, жиду, шинковавшему тогда

на сорочинской ярмаркѣ; заложилъ и говорить ему: «смотри, жидъ, я приду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и пропалъ какъ будто въ воду. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! а красный цвѣтъ горитъ, какъ огонь, такъ-что не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. Почесалъ себѣ песики, да и содралъ съ какого-то прѣзжаго пана мало не пять червонцевъ. Какъ вотъ разъ, подъ-вечерокъ, приходитъ какой-то человекъ: «ну, жидъ, отдавай свитку мою!» Жидъ сначала-было и не позналъ, а послѣ какъ разглядѣлъ, такъ и прикинулся, будто въ глаза не видалъ: «какую свитку? у меня нѣтъ никакой свитки? я знать не знаю твоей свитки!» Тотъ, глядъ — и ушелъ; только къ-вечеру, когда жидъ, заперши свою конуру и пересчитавши по сундукамъ деньги, накиннулъ на себя простыню и началъ по-жидовски молиться Богу — слышитъ шорохъ.... глядъ — во всѣхъ окнахъ повѣстались свиные рыла...»

Тутъ въ-самомъ-дѣлѣ послышался какой-то пещный звукъ, весьма похожій на хрюканье

свиньи; всё поблѣднѣли... Потъ выступилъ на лицъ разскащика.

«Что?» произнесъ въ испугъ Черевикъ.

«Ничего!...» отвѣчалъ кумъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

«Ась!» отозвался одинъ изъ гостей.

«Ты сказалъ?..»

«Нѣтъ!»

«Кто жь это хрюкнулъ?»

«Богъ знаетъ, чего мы переполюшились! Никого нѣтъ!» Всѣ боязливо стали осматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. Хивря была ни жива, ни мертва. «Эхъ вы, бабы! бабы!» произнесла она громко: «вамъ ли казаковать, и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да и посадить за гребень! Одинъ кто-нибудь можетъ, прости Господи... подъ кѣмъ-нибудь скамейка закричала, а всѣ и метнулись какъ полоумные!» Это привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться; кумъ хлебнулъ изъ кружки и началъ разсказывать далѣе: «Жидъ обмеръ; однако жь свиньи на ногахъ, длинныхъ, какъ ходули, повѣзали въ оква и мигомъ оживили жида плетеными тройчатками, заставя его плясать новыше

вотъ этого сволока. Жидь — въ ноги, признался во всемъ... Только свитки не лѣзя уже было воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ свитку перекупкѣ; та привезла ее снова на сорочинскую ярмарку, но съ-тѣхъ-поръ уже никто ничего не сталъ покупать у нея. Перекупка дивилась, дивилась и наконецъ смекнула: вѣрно виною всему красная свитка. Недаромъ всегда, когда вздумывалось ей надѣвать, чувствовала, что ее все давить что-то. Не думая, не гадая долго, бросила въ огонь — не горитъ бѣсовская одежда! «Э, да это чортовъ подарокъ!» Перекупка умудрилась, и подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ сѣкиру и изрубилъ ее въ куски; глядь—и лѣзетъ одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свитка. Перекрестившись, хватилъ сѣкирою въ другой разъ, куски разбросалъ по всему мѣсту и уѣхалъ. Только съ-тѣхъ-поръ каждый годъ, и какъ разъ во время ярмарки, чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей

свитки. Теперь, говорят, одного только лѣваго рукава недостаетъ ему. Люди съ-тѣхъ-поръ от-крещиваются отъ того мѣста, и вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на немъ яр-марки. Да нелегкая дернула теперь засѣдателя о...» Другая половина слова замерла на устахъ рассказчика:

Окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая: а что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?

VIII.

...Ииджавъ хвистъ, мовъ собака,
Мовъ Каиъ затрусывеъ увесь;
Изъ носа потекла кабака.

Котляревскій. Энеида.

Ужась оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ съ разинутымъ ртомъ превратился въ камень; глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить; разверзтые пальцы остановились въ судорожной недвижности въ воздухѣ. Высокій храбрець, въ ничѣмъ непобѣдимомъ страхѣ, подскочилъ подъ потолокъ и ударился головою о перекладину; доски посу-

нулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю. «Ай! ай! ай!» кричалъ одинъ, повалившись на лавкѣ, болтая въ ужасѣ руками и ногами. — «Спасайте!» горлавили другой въ отчаяніи, закрывшись тулупомъ. Кумь, выведенный изъ своего окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, поползъ въ сугорогахъ подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрець ползъ въ печь, несмотря на узкое отверстіе, и самъ задвинулъ себя заслонкою. А Черевикъ, какъ будто облитый горячимъ кипяткомъ, схвативши на голову горшокъ, вмѣсто шапки, бросился къ дверямъ и, какъ полоумный, бѣжалъ по улицамъ, не видя земли подъ собою; одна усталость только заставила его уменьшить немного скорость бѣга. Сердце его колотилось, какъ мельничная ступа, потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи, готовъ уже былъ онъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что сзади кто-то гонится за нимъ..... Духъ у него занялся..... «Чортъ! чортъ!» кричалъ онъ безъ памяти, утраивая силы, и черезъ минуту безъ чувствъ повалился на землю. «Чортъ! чортъ!» кричало вслѣдъ за нимъ, и онъ слышалъ только, какъ

что-то съ шумомъ ринулось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный жилецъ тѣснаго гроба, остался нѣмъ и недвижимъ посреди дороги.

=

IX.

Ще сверем, и такъ, и такъ;
А сади, ей же ей, на чорта!

Изъ простонародн. сказки.

«Слышишь, Власъ!» говорилъ, приподнявшись, одинъ изъ толпы спавшаго на улицѣ народа: «возлѣ насъ кто-то помянулъ чорта!»

«Мнѣ какое дѣло?» проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него цыганъ: «хоть бы и всѣхъ своихъ родичей помянулъ».

«Но, вѣдь, такъ закричалъ, какъ будто давятъ его!»

«Мало ли чего человекъ не совреть спр-сонья!»

«Воля твоя, хоть посмотреть нужно; а выруби-ка огня!» Другой цыганъ, ворча про-себя, поднялся на ноги; два раза осветилъ себя искрами, будто молніями, раздулъ губами трутъ и съ каганцемъ въ рукахъ, обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ разбитаго черенка, налитаго бараньимъ жиромъ—отправился, освѣщая дорогу. «Стой; здѣсь лежитъ что-то, свѣти сюда!»

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человекъ.

«Что лежитъ, Власъ?»

«Такъ, какъ будто бы два человекъ: одинъ наверху, другой нанизу; который изъ нихъ чортъ, уже и не распознаю!»

«А кто наверху?»

«Баба!»

«Ну, вотъ, этожь-то и есть чортъ!» Всеобщій хохотъ разбудилъ почти всю улицу.

«Баба взлѣзла на человекъ; ну, вѣрно, баба эта знаетъ, какъ ѣздить!» говорилъ одинъ изъ окружавшей толпы.

«Смотрите, братцы!» говорилъ другой, под-

нимая черепокъ отъ горшка, котораго одна только уцѣлѣвшая половина держалась на головѣ Черевика: «какую шапку надѣлъ на себя этотъ добрый молодецъ!» Увеличившійся шумъ и хохотъ заставили очнуться нашихъ мертвецовъ, Солонія и его супругу, которые, полные прошедшаго испуга, долго глядѣли въ ужасъ неподвижными глазами на смуглыя лица цыганъ. Озаряясь мѣстами невѣрно и трепетно горѣвшимъ светомъ, они казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ тяжелымъ подземнымъ паромъ и облаками мрака непробудной ночи.

=

X.

Щуръ тобі, некъ тобі, сатаньське
наважденіе!

Изъ малорос. комедій.

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися
Сорочинцами. Клубы дыму, со всѣхъ трубъ, по-
неслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Яр-
марка зашумѣла. Овцы заблеяли, лошади заржа-
ли; крикъ гусей и торговокъ понесся снова по
всему табору — и страшные толки про *красную*
свитку, наведшіе такую робость на народъ, въ
таинственные часы сумерекъ, исчезли вмѣстѣ

съ освѣтившимъ мѣръ утромъ. Зѣвая и потягиваясь, дремалъ Черевикъ у кума, подъ крытымъ соломою сараемъ, вмѣстѣ съ волами, мѣшками муки и пшеницы, и, кажется, вовсе не имѣлъ желанія разстаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосъ, такъ же знакомый, какъ убѣжище льви — благословенная печь его хаты, или шинокъ дальней родички, находившійся не далѣе десяти шаговъ отъ его порога. «Вставай, вставай!» дребезжала ему на-ухо нѣжная супруга, дергая его изо всей силы за руку. Черевикъ, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

«Сумасшедшій!» закричала она, уклоняясь отъ замашки руки его, которою онъ чуть-было не задѣлъ ея по лицу. Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ: «Врагъ меня возьми, если мнѣ, голубко, не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня заставили выбивать зорю, словно москаля, тѣ самыя свиныя рожи, отъ которыхъ, какъ говорить кумъ...» — «Полно, полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди скорѣй кобылу на продажу. Смѣхъ, право, людямъ: прѣхали на ярмарку и хотѣ бы горсть пеньки продали...»

«Какъ же, жинка» подхватилъ Солоній: «съ насъ, вѣдь, теперь смѣяться будутъ».

«Ступай! ступай! съ тебя и безъ того смѣются!»

«Ты видишь, что я еще не умывался» продолжалъ Черевикъ, зѣвая и почесывая спину и стараясь между прочимъ выиграть время для своей лѣни.

«Вотъ некстати пришла блажь быть чисто-плотнымъ! Когда это за тобою водилось? Вотъ ручникъ, оботри свою маску...» Тутъ схватила она что-то свернутое въ комокъ — и съ ужасомъ отбросила отъ себя: это былъ красный обшлагъ свитки!

«Ступай, дѣлай свое дѣло» повторила она, собравшись съ духомъ, своему супругу, видя, что у него страхъ отнял ноги и зубы колотились одинъ объ другой.

«Будетъ продажа теперь!» ворчалъ онъ самъ-себѣ, отвязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Не даромъ, когда я собирался на эту проклятую ярмарку, на душѣ было такъ тяжело, какъ будто кто взвалилъ на тебя дохлую корову, и во-лы два раза сами поворачивали домой. Да чуть ли еще, какъ вспомнилъ я теперь, не въ поне-

дѣльникъ мы выѣхали. Ну, вотъ и зло все!... Неугомоненъ и чортъ проклятый: носилъ бы уже свитку безъ одного рукава; такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать покою. Будь, примѣрно, я чортъ — чего оборони Боже: сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ. Предъ нимъ стоялъ высокій цыганъ: «Что продаешь, добрый человекъ?» Продавецъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы и сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не останавливаясь и не выпуская изъ рукъ узды:

«Самъ видишь, что продаю!»

«Ремешки?» спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

«Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки».

«Однако жъ, чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормилъ!»

«Соломою?» Тутъ Черевикъ хотѣлъ — было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу и обличить во лжи безстыднаго поносителя, но рука его съ необыкновенною легкостью удари-

лась въ подбородокъ. Глянулъ — въ ней перерезанная узда и къ уздѣ привязанный — о ужасъ! волосы его поднялись горою! — кусокъ *краснаго рукава!*... Плонувъ, крестясь и болтая руками, побѣжалъ онъ отъ неожиданнаго подарка и, быстрее молодаго парубка, пропалъ въ толпѣ.

=

VI.

За мое жъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

«Лови! лови его!» кричало нѣсколько хлопцевъ, въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ почувствовалъ себя вдругъ схваченнымъ дѣжкими руками.

«Вязать его! это тотъ самый, который укралъ у добраго челоувѣка кобылу».

«Господь съ вами! за что вы меня вяжете?»

«Онъ же и спрашиваетъ! А за что ты укралъ кобылу у прѣзжаго мужика, Черевика?»

«Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ видано, чтобы человекъ самъ у себя красть что-нибудь?»

«Старыя штуки! старыя штуки! Зачѣмъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ-будто бы самъ сатана за тобою по пятамъ гнался?»

«По-неволѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...»

«Э, голубчикъ! обманывай другихъ этимъ; будетъ еще тебѣ отъ засѣдателя, за то, чтобы не пугалъ чертовщиною людей».

«Лови! лови его!» послышался крикъ на другомъ концѣ улицы: «вотъ онъ, вотъ бѣглець!» и глазамъ нашего Черевика представился кумъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, съ заложенными назадъ руками, ведомый нѣсколькими хлопцами. «Чудеса завелись!» говорилъ одинъ изъ нихъ: «послушали бы вы, что рассказываетъ этотъ мошенникъ, которому стѣитъ только заглянуть въ лицо, чтобы увидѣть вора, когда стали спрашивать, отъ-чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный. Пользѣ, говоритъ, въ карманъ понюхать табаку и, вмѣсто тавлинки, вытащилъ кусокъ чортовой свит-

ки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь, а
онъ давай Богъ ноги!»

«Эге, ге! да это изъ одного гнезда обѣ пти-
цы! Вязать ихъ обонхъ вмѣстѣ!»

=

XII.

• Чыжъ, люди добри, такъ оце я провинился?
За що глазуєте - сказавъ нашъ неборакъ,
• За що звучаетесь вы надо мною такъ?
За що, за що.. • сказавъ, тай посвустивъ патіюки,
Патіюки гирнихъ слезъ, узавшиелъ за боки.

Артамовскій-Гулакъ. Паивъ та собака.

«Можеть, и въ-самомъ-дѣлѣ, кумъ, ты подцѣпилъ что-нибудь?» спросилъ Черевникъ, лежа связаный вмѣстѣ съ кумомъ, подъ соломенною лткой.

«И ты туда же, кумъ! Чтобы мнѣ отсохнули руки и ноги, если что-нибудь когда-либо крадь, выключая развѣ вареники съ сметаною у матери, да и то еще, когда мнѣ было лѣтъ десять отъ-роду».

«За что же это, кумъ, на насъ напастъ такаа? Тебъ еще ничего; тебя винять по-крайней-мѣрь за то, что у другаго украль; за что мнѣ, несчастливцу, недобрый поклѣвъ такой: будто у самого себя стануль кобылу. Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья!»

«Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ!» Тутъ оба кума принялись всхлипывать на - взрыдъ. «Что съ тобою, Солопій?» сказалъ вошедшій въ это время Грицько. «Кто это связаль тебя?»

«А! Голопуенко, Голопуенко!» закричалъ, обрадовавшись, Солопій: «Вотъ, это тотъ самый, кумъ, объ которомъ я говорилъ тебѣ. Эхъ, хватъ! вотъ, Богъ убей меня на этомъ мѣстѣ, если не высуслилъ при мнѣ кухоль мало не съ твою голову, и хотъ бы разъ поморщился!»

«Что жъ ты, кумъ, такъ не уважилъ такого славнаго парубка?»

«Вотъ, какъ видишь» продолжалъ Черевикъ, оборотясь къ Грицьку: «наказаль Богъ, видно, за то, что провинился предъ тобою. Прости, добрый человекъ! Ейбогу, радъ бы былъ сдѣлать все для тебя... Но что прикажешь? Въ старухъ дьяволь сидитъ!»

«Я не злопамятенъ, Солопій. Если хочешь, я

освобожу тебя!» Тутъ онъ мигнулъ хлопцамъ, и тѣ же самые, которые сторожили его, кинулись развязывать. «За то и ты дѣлай какъ нужно: свадьбу! да и попируемъ такъ, чтобы цѣлый годъ болѣли ноги отъ гопака!»

«Добре! отъ добре!» сказалъ Солопій, хлопнувъ руками. «Да мнѣ такъ теперь сдѣлалось весело, какъ будто мою старуху москали увезли. Да что думать: годится, или негодится такъ — сегодня свадьбу, да и концы въ воду!»

«Смотри жь, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ; а теперь ступай домой: тамъ ожидаютъ тебя покупщики твоей кобылы и пшеницы!»

«Какъ! развѣ кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевикъ отъ радости сталъ неподвиженъ, глядя въ-слѣдъ уходившему Грицьку.

«Что, Грицько, худо мы сдѣлали свое дѣло?» сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку.
«Волеы, вѣдь, мои теперь?»

«Твои! твои!»

==

XIII.

Не бійся, матинько, не бійся,
Въ червоныя чобитки обуйся,
Тончи пороги
Пидь ноги;
Щобъ твои подшивки
Брязчали!
Щобъ твои пороги
Мовчали!

Свадебная тьма.

Подперши локтемъ хорошенькій подбородокъ свой, задумалась Параска, одна сидя въ хатѣ. Много грезъ обвивалось около русой головы. Иногда вдругъ легкая усмѣшка трогала ея алмыя губки, и какое-то радостное чувство поднимало темныя ея брови; то снова облако задумчивости опускало ихъ на каріи, свѣтлыя очи. «Ну, что, если не сбудется тó, чтó говорилъ онъ?»

шентала она съ какимъ-то выраженіемъ сомнѣнія. «Ну, что, если меня не выдадутъ? если... Нѣтъ, нѣтъ; этого не будетъ! Мачиха дѣлаетъ все, что ей ни вздумается; развѣ и я не могу дѣлать того, что мнѣ вздумается? Упрямства-то и у меня достанетъ. Какой же онъ хорошій! какъ чудно горять его черныя очи! какъ любо говорить онъ: *Парасю, голубко!* какъ пристала къ нему бѣлая свитка! еще бы полясь поярче!... пускай, уже правда, я ему вытку, какъ перейдемъ жить въ новую хату. Не подумаю безъ радости» продолжала она, вынимая изъ-за-пазухи маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою, кушленное ею на ярмаркѣ, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: «какъ я встрѣчусь тогда гдѣ-нибудь съ нею — я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себя тресни. Нѣтъ, мачиха, полно колотить тебѣ свою надчерницу! Скорѣ песокъ взойдетъ на камень и дубъ погнется въ воду, какъ верба, нежели я нагнусь передъ тобою! Да я и позабыла... дай примѣрять очиннокъ, хоть мачихинъ, какъ-то онъ мнѣ придется!» Тутъ встала она, держа въ рукахъ зеркальце и, наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, какъ будто-бы опасалась

упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ наложенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся недавно поповичъ, и полки, уставленныя горшками. «Что я, въ-самомъ-дѣль, будто дитя» вскричала она смѣясь: «боюсь ступить ногою.» И начала притопывать ногами, все чѣмъ далѣе, смѣлѣе, наконецъ лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла танцовать, побрякивая подковами, держа передъ собою зеркало и напѣвая любимую свою пѣсню:

Зеленькій баривочку,
Стелся низенько!

А ты милый, чернобрыый,
Приеушься близенько!

Зеленькій баривочку,
Стелся ще низше!

А ты милый, чернобрыый,
Приеушься ще ближе!

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь, и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего; но когда же услышалъ знакомые звуки пѣсни, —

жилки въ немъ зашевелились; гордо подбоченившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ про весь дѣла свои. Громкій хохоть кума заставилъ обоихъ вздрогнуть. «Вотъ хорошо, батька съ дочкой затыли здѣсь сами свадьбу! Ступайте же скорѣе: женихъ пришелъ!» При последнемъ словѣ Параска вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а безпечный отецъ ея вспомнилъ, зачѣмъ пришелъ онъ. «Ну, дочка! пойдемъ скорѣе! Хивря съ радости, что я продалъ кобылу, побѣжала» говорилъ онъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ: «побѣжала закутать себѣ плахть и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до прихода ея все кончить!» Не успѣла Параска переступить за порогъ хаты, какъ почувствовала себя на рукахъ парубка въ бѣлой свиткѣ, который съ кучею народа выжидаль ея на улицѣ. «Боже, благослови!» сказала Черевикъ, складывая имъ руки. «Пусть ихъ живутъ, какъ вѣки выють!» Тутъ послышался шумъ въ народѣ: «я скорѣе тресну, чѣмъ допущу до этого!» кричала сожительница Солопія, которую однако жъ съ хохотомъ отталкивала толпа народа. «Не бѣсись, не бѣсись, жинка!» говорилъ хладнокровно Че-

ревикъ, видя, что пара дюжихъ цыганъ овладѣла ея руками: «что сдѣлано, то сдѣлано; я перемѣнять не люблю!» — «Нѣтъ! нѣтъ! этого-то не будетъ!» кричала Хивря, но никто не слушалъ ея; нѣсколько паръ обступило новую пару и составили около нея непроницаемую, танцующую стѣну.

Странное, неизъяснимое чувство овладѣло бы зрителемъ, при видѣ, какъ отъ одного удара смычкомъ музыканта въ сермяжной свиткѣ, съ длинными закрученными усами, все обратилось, волею и неволею, къ единству и перешло въ согласіе. Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, при топыивали ногами и вздрагивали плечами. Все несло. Все танцовало. Но еще страннѣе, еще неразгаданнѣе чувство пробудилось бы въ глубинѣ души при взглядѣ на старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣло равнодушіе могилы, толкавшихся между новымъ, смѣющимся, живымъ человекомъ. Безпечныя! даже безъ детской радости, безъ искры сочувствія, которыхъ одинъ хмель только, какъ механикъ своего безжизненнаго автомата, заставляетъ дѣлать что-то подобное человѣческому, онъ тихо покачивали

охмѣлѣвшими головами, подтанцывая за веселящимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету.

Громъ, хохоть, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умиралъ, слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотъ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропоть отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодинокъ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ наконецъ одного, стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело и грустно становится сердцу, и не чѣмъ помочь ему!

1829.

В Е Ч Е Р Ъ

НАКАНУНЪ

ИВАНА КУПАЛА.

ТОМЪ 1.

5

ВЪ НАЧАЛѢ

ВЪВЕДЕНІЕ

СЪСТАВЪ

За Омою Григорьевичемъ водилась особеннаго рода странность: онъ до-смерти не любилъ пересказывать одно и то же. Бывало, иногда если упросишь его рассказать что съизнова, то смотри, что-нибудь да вкнпнетъ новое, или перепначить такъ, что узнать нельзя. Разъ, одинъ изъ тѣхъ господъ — намъ простымъ людямъ мудрено и назвать ихъ — писаки они, не писаки; а вотъ то самое, что барышники на нашихъ ярмаркахъ. Нахватають, попросятъ, накрадутъ всякой всячины, да и выпускають книжечки не толще букваря, каждый мѣсяць, или недѣлю. Одинъ изъ этихъ господъ и выманялъ у Омы Григорьевича эту самую исторію, а онъ вовсе и позабылъ о ней. Только прїѣзжаетъ изъ Полтавы тотъ самый панничъ въ гороховомъ кафтанѣ, про котораго говорилъ я, и котораго одну повѣсть вы, думаю, уже прочли; привозить съ собою небольшую кни-

жечку, и, развернувши по срединѣ, показываеъ намъ. Ома Григорьевичъ готовъ уже былъ осѣдлатъ носъ свой очками, но, вспомнивъ, что онъ забылъ ихъ подмотать нитками и облѣпить воскомъ, передалъ мнѣ. Я, такъ какъ грамоту кое-какъ разумѣю и не ношу очковъ, принялся читать. Не успѣлъ перевернуть двухъ страницъ, какъ онъ вдругъ остановилъ меня за руку. «Постойте! напередъ скажите мнѣ, чтò это вы читаете?» Признаюсь, я немного пришелъ въ-тупикъ отъ такого вопроса. «Какъ чтò читаю, Ома Григорьевичъ? вашу былъ, ваши собственныя слова». — «Кто вамъ сказалъ, что это мои слова?» — «Да чего лучше, тутъ и напечатано: рассказанная такимъ-то дьячкомъ». — «Плюйте жъ на голову тому, кто это напечаталъ! бреше, сучый москаль! Такъ ли я говорилъ? *Що-то-вже, якъ у кого чортъ ма клепки въ голови!* Слушайте, я вамъ расскажу ее сейчасъ». Мы придвинулись къ столу, и онъ началъ:

ВЕЧЕРЪ

НАКАНУНЪ

ИВАНА КУШАЛА.

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ "СКОЙ ЦЕРКВИ.

—

Дядь мой (царство ему небесное! чтобъ ему на томъ свѣтѣ бѣлись одни только буханци пшеничные, да маковники въ меду) умѣлъ чудно разсказывать. Бывало, поведеть рѣчь — цѣлый день не подвинумся бы съ мѣста, и все бы слушаль. Ужъ не-чета какому-нибудь нынѣшнему балагуру, который какъ начнетъ москала *везть**, да еще и языкомъ такимъ, будто

* Т. е. лгать.

ему три дня ѣсть не давали, то хоть берись за шанку, да изъ хаты. Какъ теперь помню — покойная старуха, мать моя, была еще жива — какъ въ долгій зимній вечеръ, когда на дворъ трещалъ морозъ и замуравывалъ на-глухо узенькое стекло нашей хаты, сидѣла она передъ гребнемъ, выводя рукою длинную нитку, колыша ногою люльку и напѣвая пѣсню, которая какъ-будто теперь слышится мнѣ. Каганецъ, дрожа и вспыхивая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатъ. Веретено жужжало; а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слезавшаго отъ старости, болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодецкія дѣла Подковы, Полтора-Кожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ рассказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу и волосы ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ бывало такой забрать отъ нихъ, что все съ-вечера показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей укладся спать

выходецъ съ того свѣта. И, чтобы мнѣ не до-
велось рассказывать этого въ другой разъ, ес-
ли я не принималъ часто издали собственную сви-
тку, положенную въ головахъ, за свернувшаго-
ся дьявола. Но главное въ рассказахъ дѣда бы-
ло то, что въ жизнь свою онъ никогда не
лгалъ; и что, бывало, ни скажетъ, тѣ именно
такъ и было. Одну изъ его чудныхъ исторій
перескажу теперь вамъ. Знаю, что много набе-
рется такихъ умниковъ, пописывающихъ по су-
дамъ и читающихъ даже гражданскую грамо-
ту, которые, если дать имъ въ руки простой
часословъ, не разобрали бы ни аза въ немъ,
а показывать на позоръ свои зубы — есть умъше.
Имъ все, что ни расскажешь — въ смѣхъ. Этакое
невѣрье разошлось по свѣту! Да чего, — вотъ, не
люби Богъ меня и Пречистая Дѣва! вы, можетъ,
даже не повѣрите: разъ, какъ-то заикнулся
про вѣдьмъ — что жъ? нашелся сорви-голова,
вѣдьмамъ не вѣрить! Да слава Богу, вотъ я,
сколько живу уже на свѣтъ, видѣлъ такихъ
иноверцевъ, которымъ *провозитъ попа въ рѣ-
шетъ* * было легче, нежели нашему брату по-
нюхать табаку; а и тѣ открещивались отъ

* Т. е. солгать на исповѣди.

вѣдьмъ. Но приснись имъ.... не хочется только выговорить, что такое, нечего и толковать объ нихъ.

Лѣтъ, куда! болѣе чѣмъ за сто, говорилъ покойникъ дѣдъ мой: нашего села и не узналъ бы никто: хуторъ—самый бѣдный хуторъ! Избеночъ десять, необмазанныхъ, неукрытыхъ, торчало то сямъ, то тамъ посреди поля. Ни плетня, ни сарая порядочнаго, гдѣ бы поставить скотину, или возъ. Это жъ еще богачи такъ жили; а посмотрѣли бы на нашу братью, на голь: вырытая въ землѣ яма — вотъ вамъ и хата! Только по дыму и можно было узнать, что живетъ тамъ человекъ божій. Вы спросите, отъ-чего они жили такъ? Бѣдность, не бѣдность; потому что тогда козаковалъ почти всякій, и набиралъ въ чужихъ земляхъ немало добра; а больше отъ-того, что не-зачѣмъ было заводиться порядочною хатою. Какого народу тогда не шаталось по всѣмъ мѣстамъ: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои наѣдутъ кучами и обдираютъ своихъ же. Всего бывало.

Въ этомъ-то хуторѣ показывался часто человекъ или, лучше, дьяволъ въ человѣческомъ об-

разъ. Откуда онъ, зачѣмъ приходилъ, никто не зналъ. Гуляетъ, пьянствуетъ и вдругъ пропадетъ, какъ въ воду—и слуху нѣтъ. Тамъ, глядь— снова будто съ неба упалъ; рыскаетъ по улицамъ села, котораго теперь и слѣду нѣтъ, и которое было, можетъ, не дальше ста шаговъ отъ Диканьки. Понабереть встречныхъ козаковъ: хохотъ, пѣсни, деньги сыплются, водка—какъ вода... Пристанеть, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ: надарить лентъ, серегъ, монистъ— дѣвать нѣкуда! Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ, въ-самоѣ-дѣлѣ перешли они черезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шиннокъ, но нынѣшней опошлянской дорогъ, въ которомъ часто разгульничалъ Басаврюкъ (такъ называли этого бѣсовскаго человѣка), именно говорила, что ни за какія благополучія въ свѣтъ не согласилась бы принять отъ него подарковъ. Опять, какъ же и не взять: всякаго пробереть страхъ, когда нахмурить онъ, бывало, свои шестинныя брови и вуснуть изъ подлбья такой взглядъ, что, кажется, унесъ бы ноги, Богъ знаетъ куда; а возьмешь—

такъ на другую же ночь и тащится въ-гости какой-нибудь пріятель изъ болота, съ рогами на головѣ, и давай душить за шею, когда на шею монисто, кусать за палець, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда вплетена въ нее лента. Богъ съ ними тогда, съ этими подарками! Но вотъ бѣда — и отвязаться не лъзя: бросишь въ воду — плыветъ чертовскій перстень или монисто поверхъ воды, и къ тебѣ же въ руки.

Въ селѣ была церковь, чуть ли еще, какъ вспомню, не святаго Пантелея. Жилъ тогда при ней іерей, блаженной памяти отецъ Аонасій. Замѣтивъ, что Басаврюкъ и на Свѣтлое Воскресеніе не бывалъ въ церкви, задумалъ было пожурить его — наложить церковное покаяніе. Куда! насилу ноги унесъ. «Слушай, паноче!» загремѣлъ онъ ему въ отвѣтъ: «знай лучше свое дѣло, чѣмъ мѣшаться въ чужія, если не хочешь, чтобы козлиное горло твое было залылено горячею кутьею». Что дѣлать съ окаяннымъ! Отецъ Аонасій объявилъ только, что всякаго, кто зазнается съ Басаврюкомъ, станетъ считать за католика, врага христовой церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ селѣ былъ у одного казака, прозвѣ-
щемъ Коржа, работникъ, котораго люди звали
Петромъ Безроднымъ; можетъ, отъ-того, что
никто не помнилъ ни отца его, ни матери. Ста-
роста церкви говорилъ, правда, что они на дру-
гой же годъ померли отъ чумы; но тетка моего
дѣда знать этого не хотѣла, и всѣми силами
старалась надѣлать его родней, хотя бѣдному
Петру было въ ней столько нужды, сколько
намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила,
что отецъ его и теперь на Запорожьи; былъ въ
пльну у турокъ, натерѣлся мукъ, Богъ знаетъ
какихъ, и какимъ-то чудомъ, переодѣвшись въ
нухомъ, далъ тягу. Чернобровымъ дѣвчатамъ и
молодицамъ мало было нужды до родни его.
Онѣ говорили только, что если бы одѣть его въ
новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, на-
дѣть на голову шанку изъ черныхъ смушекъ
со щегольскимъ синимъ верхомъ, привѣсить къ
боку турецкую саблю, дать въ одну руку ма-
лахай, въ другую люльку въ красивой оправѣ, то
заткнулъ бы онъ за-поясъ всѣхъ парубковъ то-
гдашнихъ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся
всего-на-всего была одна сѣрая свитка, въ ко-
торой было больше дыръ, чѣмъ у инаго жида

въ карманъ злотыхъ. И это бы еще не большая бѣда; а вотъ бѣда: у стараго Коржа была дочка, красавица, какую, я думаю, врядъ ли доставалось вамъ видывать. Тетка покойнаго дѣда рассказывала — а женщины, сами знаете, легче поцаловаться съ чортомъ, не во гнѣвъ будь сказано, нежели назвать кого красавицею — что полненькія щеки казачки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда умывшись божьею росою, горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только-что поднявшимся солнышкомъ; что брови, словно черныя шнурочки, какіе покупаютъ теперь для крестовъ и дукатовъ дѣвушки наши у проходящихъ по селамъ съ коробками москалей, ровно нагнувшись, какъ-будто глядѣлись въ ясныя очи; что ротикъ, на который глядя облизывалась тогдашняя молодежь, кажись, на то и созданъ былъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни; что волосы ея, черныя, какъ крылья ворона, и мягкіе, какъ молодой лень (тогда еще дѣвушки наши не заплетаи ихъ въ дрибушки, перевивая красивыми, яркихъ цвѣтовъ, синдячками), падали курчавыми кудрями на шитый золотомъ кунтушъ. Эхъ! не доведи

Господь возглашать мнѣ больше на клирость аллилуя, если бы, вотъ тутъ же, не распаловалъ ея, несмотря на то, что съдѣ пробираетъ ся по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушку, и подѣ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу. Ну, если гдѣ парубокъ и дѣвка живутъ близко одинъ отъ другаго... сами знаете, что выходитъ. Бывало, ни свѣтъ, ни заря, подковы красныхъ сапоговъ и приметны на томъ мѣстѣ, гдѣ раздобаривала Пидорка съ своимъ Петрусемъ. Но все бы Коржу и въ умѣ не пришло что-нибудь недоброе, да разъ — ну, это уже и видно, что никто другой, какъ лукавый дернулъ — вздумалось Петрусю, не осмотрѣвшись хорошенько въ сѣняхъ, вѣспить поцалууй, какъ говорятъ, отъ всей души, въ розовыя губки казачки, и тотъ же самый лукавый, чтобъ ему собачьему сыну приснился крестъ святой! настроилъ съ-дуру стараго хрѣна отворить дверь хаты. Одеревянѣлъ Коржъ, разинувъ ротъ и ухватясь рукою за двери. Проклятый поцалууй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, котормъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за немѣнѣемъ фузен и пороха.

Очнувшись, снялъ онъ со стѣны дѣдовскую нагайку и уже хотѣлъ-было покропить ею спину бѣднаго Петра, какъ откуда-ни-возьмись шестилѣтній братъ Пидоркинъ, Ивась, прибѣжалъ и въиспугъ схватилъ ручонками его за ноги, закричавъ: «тятя, тятя! не бей Петруся!» Чтò прикажешь дѣлать? у отца сердце не каменное; повѣсивши нагайку на стѣну, вывелъ онъ его потихоньку изъ хаты: «Если ты мнѣ когда-нибудь покажешься въ хатѣ, или хоть только подь окнами, то слушай, Петро: ейбогу, пропадутъ черные усы, да и оселедецъ твой, вотъ уже онъ два раза обматывается около уха, не будь я Терентій Коржъ, если не распрощается съ твоею макушей!» Сказавши это, далъ онъ ему легонькою рукою стусана въ затылокъ, такъ что Петрусь, не взвидя земли, полетѣлъ стремглавъ. Вотъ тебѣ и доцаловались! Взяла кручина нашихъ голубковъ; а тутъ и слухъ по-селу, что къ Коржу повадился ходить какой-то ляхъ, обшитый золотомъ, съ усами, съ саблею, со шпорами, съ карманами, бренчавшими, какъ звонокъ отъ мѣшечка, съ которымъ пономарь нашъ, Тарасъ, отправляется каждый день по церкви. Ну, извѣстно, зачѣмъ ходятъ къ отцу, когда у него водится чернобро-

вая дочка. Вотъ, одинъ разъ, Пидорка схватила, заливаясь слезами, на руки Ивася своего: «Ивасю мой милый, Ивасю мой любимый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; расскажи ему все: любила бѣ его карія очи, цаловала бы его бѣлое личико, да не велить судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила горячими слезами. Тошно мнѣ. Тяжело на сердце. И родной отецъ врагъ мнѣ: неволить итти за нелюбаго ляха. Скажи ему, что и свадьбу готовить, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ; будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сонилокъ. Не пойду я танцовать съ женихомъ своимъ; понесутъ меня! Темная, темная моя будетъ хата: изъ кленоваго дерева и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ!»

Какъ будто окаменѣвъ, не сдвинувшись съ мѣста, слушалъ Петро, когда невинное дитя лепетало ему пидоркины слова. «А я думалъ, несчастный, итти въ Крымъ и Туречину, завоевать золота и съ добромъ пріѣхать къ тебѣ, моя красавица. Да не быть тому. Недобрый глазъ поглядѣлъ на насъ. Будетъ же, моя дорогая рыбка, будетъ и у меня свадьба: только и дьяковъ не будетъ на той свадьбѣ—воронъ черный проклячетъ,

вмѣсто пона, надо мною: гладкое поле будетъ моя хата; сизая туча — моя крыша; орель выклюетъ мои карія очи; вымоютъ дожди казацкія косточки и вихорь высушитъ ихъ. Но что я? на кого? кому жаловаться? Такъ уже, видно, Богъ велѣлъ — пропадать, такъ пропадать!» да прямо хонько и побрелъ въ шинокъ.

Тетка покойнаго дѣда немного изумилась, увидѣвши Петруся въ шинкѣ, да еще въ такую пору, когда добрый человекъ идетъ къ заутренѣ, выпучила на него глаза, какъ-будто съ-просонья, когда потребовалъ онъ кухоль сивухи, мало не съ-полведра. Только напрасно думалъ бѣдняжка залить свое горе. Водка щипала его за языкъ, словно крапива, и казалась ему горше польни. Кинулъ отъ себя кухоль на землю. «Полно горевать тебѣ, казакъ!» загремѣло что-то басомъ надъ нимъ. Оглянулся: Басаврюкъ! у! какая образина! Волосы — щетина, очи — какъ у вола! «Знаю, чего недостаетъ тебѣ: вотъ чего!» Тутъ брякнулъ онъ съ бѣсовскою усмѣшкою кожанымъ, висѣвшимъ у него возлѣ пояса, кошелькомъ. Вздрогнулъ Петро. «Ге, ге, ге! да какъ горить!» заревѣлъ онъ, пересыпая на руку червонцы: «ге, ге, ге! да какъ звенитъ! А вѣдь и

дѣла только одного потребую за цѣлую гору такихъ цыцекъ». — «Дьяволь!» закричалъ Петро. «Давай его! на все готовъ!» Хлопнули по рукамъ. «Смотри, Петро, ты поспѣлъ какъ-разъ въ-пору: завтра Ивана Купала. Одну только эту ночь въ году и цвѣтетъ папоротникъ. Не прозъвай! Я тебѣ буду ждать о-полночи, въ Медвѣжьемъ оврагѣ».

Я думаю, куры такъ не дожидаются той поры, когда баба вынесетъ имъ хлѣбныхъ зеренъ, какъ дожидался Петрусь вечера. То-и-дѣло, что смотрѣлъ, не становится ли тѣнь отъ дерева длиннѣе, не румянится ли понизившееся солнышко, и чѣмъ далѣе, тѣмъ нетерпѣливѣй. Экая долгота! видно, день божій потерялъ гдѣ-нибудь конецъ свой. Вотъ уже и солища нѣтъ. Небо только краснѣетъ на одной сторонѣ. И оно уже тускнѣетъ. Въ полѣ становится холоднѣй. Примеркаетъ, примеркаетъ и — смерклось. Наслу! Съ сердцемъ, только-что не хотѣвшимъ выскочить изъ груди, собрался онъ въ дорогу и бережно спустился густымъ лѣсомъ въ глубокой ярь, называемый Медвѣжьимъ оврагомъ. Басаврюкъ уже поджидалъ тѣмъ. Темно, хоть въ глаза выстрѣли. Рука-объ-руку пробирались они по тонкимъ болотомъ 1.

тамъ, цѣпляясь за густо-разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу. Вотъ и ровное мѣсто. Оглядѣлся Петро: никогда еще не случилось ему заходить сюда. Тутъ остановился и Басаврюкъ. «Видишь ли ты, стоятъ передъ тобою три пригорка? Много будетъ на нихъ цвѣтовъ разныхъ; но сохрани тебя нездѣшняя сила сорвать хоть одинъ. Только же зацвѣтетъ напоротникъ, хватай его и не оглядывайся, чтобы тебѣ позади ни чудилось». Петро хотѣлъ-было спросить... глядь — и нѣтъ уже его. Подошелъ къ тремъ пригоркамъ; гдѣ же цвѣты? Ничего не видать. Дикій бурьянъ чернѣлъ кругомъ и глушилъ все своею густотою. Но вотъ блеснула на небѣ зарница, и передъ нимъ показалась цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ; тутъ же и простыя листья напоротника. Поусумнился Петро, и раздумно сталъ передъ ними, подпершись обѣими руками въ боки. «Что тутъ за невидальщина? десять разъ на-день, случается, видишь это зелье: какое жь тутъ диво? Не вздумала ли дьявольская рожа посмѣяться?»—Глядь—краснѣетъ маленькая цвѣточная почка и, какъ-будто живая, движется. Въ-самомъ-дѣль чудно! Движется и становится все больше, больше, и

красивѣть, какъ горячій уголь. Вспыхнула звѣздочка, что-то тихо затрещало — и цвѣтокъ развернулся передъ его очами, словно пламя, освѣтивъ и другіе около себя. «Теперь пора!» подумалъ Петро и протянулъ руку. Смотрить, тянутся изъ за него сотни мохнатыхъ рукъ также къ цвѣтку, и позади его что-то перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто. Зажмурилъ глаза, дернулъ онъ за стебелекъ, и цвѣтокъ остался въ его рукахъ. Все утихло. На пнѣ показался сидящимъ Басаврюкъ, весь синій, какъ мертвецъ. Хоть бы пошевелился однимъ пальцемъ. Очи недвижно уставлены на что-то, видимое ему одному только; ротъ въ половину разинуть, и ни отвѣта. Вокругъ не шелухнетъ. Ухъ, странно!... Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго захолоуло у Петра внутри и почудилось ему, будто трава занумѣла, цвѣты начали между собою разговаривать голоскомъ тоненькимъ, словно серебряные колокольчики; деревья загремѣли сыпучею бранью... Лице Басаврюка вдругъ ожило; очи сверкнули. «Насилу воротилась яга!» проворчалъ онъ сквозь зубы. «Гляди, Петро, станеть передъ тобою сейчасъ красавица: дѣлай все, что ни прикажеть, не то пропадъ на-вѣки!» Тутъ раздѣнилъ онъ сукова-

тою палкою кустъ терновника, и передъ ними показалась избушка, какъ говорится, на куриныхъ ножкахъ. Басаврюкъ ударилъ кулакомъ, и стѣна зашаталась. Большая черная собака выбѣжала на-встрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, кинулась въ глаза имъ. «Не бѣсись, не бѣсись, старая чертовка!» проговорилъ Басаврюкъ, приправивъ такимъ словомъ, что добрый человѣкъ и уши бы заткнулъ. Глядь—вмѣсто кошки, старуха съ лицомъ сморщившимся, какъ печеное яблоко, вся согнутая въ дугу; носъ съ подбородкомъ словно щипцы, которыми щелкаютъ орѣхи. «Славная красавица!» подумалъ Петро, и мурашки пошли по спинѣ его. Ведьма вырвала у него цвѣтокъ изъ рукъ, наклонилась и что-то долго шептала надъ нимъ, вспрыскивая какою-то водою. Искры посыпались у ней изъ рта; пѣна показалась на губахъ. «Бросай!» сказала она, отдавая цвѣтокъ ему. Петро подбросилъ, и, что за-чудо? цвѣтокъ не упалъ прямо, но долго казался огненнымъ шарикомъ посреди мрака и, словно лодка, плавалъ по воздуху; наконецъ потихоньку началъ спускаться ниже и упалъ такъ далеко, что едва примѣтна была звездочка, не больше маковаго зерна. «Здѣсь!» глухо про-

хришла старуха; а Басаврюкъ, подавая ему заступъ, примолвилъ: «копай здѣсь, Петро; тутъ увидишь ты столько золота, сколько ни тебѣ, ни Коржу не снилось». — Петро, поплевавъ въ руки, схватилъ заступъ, надавилъ ногою и выворотилъ землю, въ другой, въ третій, еще разъ... что-то твердое!... Заступъ звенить и нейдетъ да-
лье. Тутъ глаза его ясно начали различать не-
большой, окованный желѣзомъ, сундукъ. Уже хо-
тья онъ было достать его рукою, но сундукъ
сталъ уходить въ землю, и все чѣмъ далѣе, глуб-
же, глубже; а позади его слышался хохотъ, бо-
лье схожій съ змѣинымъ шипѣньемъ. «Нѣтъ, не
видать тебѣ золота, покаместъ не достанешь кро-
ви человѣческой!» сказала вѣдьма и подвела къ
нему дитя, лѣтъ шести, накрытое бѣлою просты-
нею, показывая знакомъ, чтобы онъ отскѣкъ ему
голову. Остолбенѣлъ Петро. Малошь, отрѣзать ни
за-что, ни про-что человѣку голову, да еще и
безвинному ребенку! Въ-сердцахъ, сдернулъ онъ
простыню, накрывавшую его голову, и что же?
Передъ нимъ стоялъ Ивась. И ручки сложило
бѣдное дитя на-крестъ, и головку повѣсило....
Какъ бѣшеный подскочилъ съ ножомъ къ вѣдь-
мѣ Петро, и уже занесъ-было руку... «А что ты

обещалъ за дѣвушку?...» грянулъ Басаврюкъ и словно пулю посадилъ ему въ спину. Ведьма тошнула ногою: синее пламя выхватилося изъ земли; середина ея вся освѣтилась и стала какъ-будто изъ хрустала вылита; и все, что ни было подъ землею, сдѣлалось видимо, какъ на ладони. Червонцы, дорогіе камни въ сундукахъ, въ котлахъ, грудами были навалены подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли. Глаза его загорѣлись... умъ помутился... Какъ безумный, ухватился онъ за ножъ, и безвинная кровь брызнула ему въ очи... Дьявольскій хохотъ загремялъ со всѣхъ сторонъ. Безобразныя чудища стаями скакали передъ нимъ. Ведьма, вѣпившись руками за обезглавленный трупъ, какъ волкъ, пила изъ него кровь... Все пошло кругомъ въ голову его! Собравши всѣ силы, бросился онъ бѣжать. Все покрылось передъ нимъ краснымъ цветомъ. Деревья всѣ въ крови, казалось, горѣли и стонали. Небо, раскалившись, дрожало... Огненные пятна, что молніи, мерещились ему въ глаза. Выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачужку и, какъ спонецъ, повалился на землю. Мертвый сонъ охватилъ его.

Два дня и двѣ ночи спалъ Петро безъ-просы-

на. Очнувшись на третій день, долго осматривалъ онъ углы своей хаты; но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была какъ карманъ стараго скряги, изъ котораго полушки не выманишь. Потянувшись немного, услышалъ онъ, что въ ногахъ брякнуло. Смотрить: два мѣшка съ золотомъ. Тутъ только, будто сквозь сонъ, вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то клада, что было ему одному страшно въ лѣсу... Но за какую цѣну, какъ достался онъ, этого никакимъ образомъ не могъ понять.

Увидѣлъ Коржъ мѣшки и — разнѣжился: «Сякой, такой Петрусь, намазанный! да я ли не любилъ его? да не былъ ли у меня онъ, какъ сынъ родной?» и понесъ хрычъ небывальщину, такъ-что того до слезъ разобрало. Дивно только показалось Пидоркѣ, когда стала рассказывать, какъ проходившіе мимо цыганы украли Ивася: Петро не могъ даже вспомнить лица его, такъ обморочила проклятая бѣсовщина! Мѣшкать было не зачѣмъ. Поляку дали подъ носъ дулю, да и заварили свадьбу: напекли шишекъ, нашили ручниковъ и хустокъ, выкатили бочку горьлки, посадили за столъ молодыхъ, разрѣ-

зали каравай, брякнули въ бандуры, цымбалы, сопилки, кобзы — и пошла потѣха...

Въ-старину, свадьба водилась не въ-сравненье нашей. Тетка моего дѣда, бывало расскажетъ — люли только! Какъ дѣвчата, въ нарядномъ головномъ уборѣ, изъ желтыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ, наверхъ которыхъ навязывался золотой галунь, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всему шву краснымъ шолкомъ и унизанныхъ мелкими серебряными цѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, плавно, словно павы, и съ шумомъ, что вихорь, скакали въ горлицѣ. Какъ молодницы, съ корабликомъ на головѣ, котораго верхъ сдѣланъ былъ весь изъ сутозолотой парчи, съ небольшимъ вырезомъ на затылкѣ, изъ котораго выглядывалъ золотой очинокъ, съ двумя выдавшимися, одинъ напередъ, другой назадъ, рожками, самаго мелкаго чернаго смушка; въ синихъ изъ лучшаго полутабенеку съ красными клананами кунтушахъ, важно подбоченившись, выступали поодиночкѣ и мѣрно выбивали гопака. Какъ парубки, въ высокихъ казацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поя-

сами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мелкимъ бѣсомъ и подпускали турусы. Самъ Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобы не тряхнуть стариною. Съ бандурою въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припивая, съ чаркою на головѣ, пустился старичина, при громкомъ крикѣ гулякъ, въ-присядку. Чего не выдумаютъ навеселѣ? Начнутъ, бывало, наряжаться въ хари — Боже ты мой, на челоуѣка не похожи! Ужъ не нынѣшнихъ переодѣваній, что бываютъ на свадьбахъ нашихъ. Что теперь? только-что корчатъ цыганокъ, да москалей. Нѣтъ, вотъ, бывало, одинъ одѣнется жидомъ, а другой чортомъ, начнутъ сперва цаловаться, а послѣ ухватятся за чубы... Богъ съ вами! смѣхъ нападеть такой, что за животъ хватаешься. Поодѣнутся въ турецкія и татарскія платья: все горитъ на нихъ, какъ жарь... А какъ начнутъ дурить, да строить штуки... ну, тогда хоть святыхъ вынеси. Съ теткой покойнаго дѣда, которая сама была на этой свадьбѣ, случилась забавная исторія: была она одѣта тогда въ татарское широкое платье, и, съ чаркою въ рукахъ, угощала собраніе. Вотъ, одного дернулъ лукавый окатить ее сзади вод-

кою; другой, тоже, видно, непромахъ, высккъ въ ту же минуту огня, да и поджегъ... пламя вспыхнуло: бѣдная тетка, перепугавшись, давай сбрасывать съ себя, при всѣхъ, платье.... Шумъ, хохотъ, еролашь поднялся, какъ на ярмаркѣ. Словомъ, старики не запомнили никогда еще такой веселой свадьбы.

Начали жить Пидорка да Петрусь, словно панъ съ панею. Всего вдоволь, все блеснить... Однако же добрые люди качали слегка головами, глядя на житье ихъ. «Отъ чорта не будетъ добра» поговаривали всѣ въ одинъ голосъ. «Откуда, какъ не отъ искуссителя люда православнаго, пришло къ нему богатство? Гдѣ ему было взять такую кучу золота? Отчего, вдругъ, въ самый тотъ день, когда разбогатель онъ, Басаврюкъ пропалъ, какъ въ воду?» — Говорите же, что люди выдумываютъ! Въдѣ въ-самомъ-дѣль, не прошло мѣсяца, Петруся никто узнать не могъ. Отъ-чего, что съ нимъ сдѣлалось, Богъ знаетъ. Сидитъ на одномъ мѣстѣ, и хоть бы слово съ кѣмъ. Все думаетъ и какъ-будто бы хочетъ что-то припомнить. Когда Пидоркъ удастся заставить его о чемъ-нибудь заговорить, какъ-будто и забудетъся, и поведетъ рѣчь, и

развеселится даже; но ненарокомъ, посмотритъ на мѣшки — «постой, постой, позабылъ!» кричить, и снова задумается, и снова силится про что-то вспомнить. Иной разъ, когда долго сидитъ на одномъ мѣстѣ, чудится ему, что вотъ, вотъ, все съизнова приходитъ на умъ... и опять все ушло. Кажется: сидитъ въ шинкѣ; несутъ ему водку; жжетъ его водка; противна ему водка. Кто-то подходитъ, бьетъ по плечу его... но да-лье, все какъ будто туманомъ укрывается пе-редъ нимъ. Потъ валится градомъ по лицу его, и онъ, въ-изнеможеніи, садится на свое мѣсто.

Чего не дѣлала Пидорка: и совѣщалась съ знахарями, и переполохъ выливали, и сонящ-ницу заваривали *; ничто не помогало. Такъ прошло и лѣто. Много казаковъ откосилось, много казаковъ, поразгульнѣе другихъ, и въ походъ потянулось. Стан утокъ еще толпились на болотахъ нашихъ; но крапивлянокъ уже и въ-

* Выливаютъ переполохъ у насъ въ случаѣ испуга, когда хотѣть узнать, отчего приключился онъ: бросаютъ расплавлен-ное олово или воскъ въ воду, и чѣмъ прихнутъ они подобіе, то са-мое перепугало больного; послѣ чего и весь испугъ проходитъ. Завариваютъ сонящницу отъ дурноты и боли въ животѣ. Для этого зажигаютъ кусокъ вѣнки, бросаютъ въ кружку и опро-кидываютъ ее вверхъ дномъ въ миску, наполненную водою и воставленную на животѣ больного; потомъ, послѣ зашестываній, даютъ ему выпить ложку этой самой воды.

поминъ не было. Въ степяхъ закришело. Скирды хлѣба то сямъ, то тамъ, словно казацкія шапки, пестрѣли по полю. Попадались по дорогѣ и возы, наваленные хворостомъ и дровами. Земля сдѣлалась крѣпче и мѣстами стала прохватываться морозомъ. Уже и снѣгъ сталъ сѣяться съ неба, и вѣтви деревъ убрались инеемъ, будто заячьимъ мѣхомъ. Вотъ уже въ ясный морозный день, красногрудый снѣгирь, словно щеголеватый польскій шляхтичъ, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дети огромными кіями гоняли по льду деревянные кубари, между-тѣмъ какъ отцы ихъ спокойно вылеживались на печкѣ, выходя по-временамъ, съ зажженою люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ православный морозецъ, или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалый хлѣбъ. Наконецъ снѣга стали таять и *щука хвостомъ ледъ расколотила*; а Петро все такъ же, и чѣмъ далѣе, тѣмъ еще суровѣе. Какъ-будто прикованный, сидитъ посреди хаты, поставивъ себѣ въ ноги мышки свои. Одичалъ, обросъ волосами, сталъ страшень, и все думаетъ объ одномъ, все силится припомнить что-то, и сердится, и злится, что не можетъ вспомнить. Часто

дико подымается съ своего мѣста, поводитъ руками, вперяетъ во что-то глаза свои, какъ-будто хочетъ уловить его; губы шевелятся, будто хотять произнестъ какое-то давно-забытое слово — и неподвижно останавливаются... Бѣшенство овладѣваетъ имъ; какъ полоумный, грызеть и кусаетъ себѣ руки и въ досадѣ рветъ клоками волосы, покамѣстъ, утихнувъ, не упадетъ, будто въ-забытїи, и послѣ снова принимается припоминать; и снова бѣшенство, и снова мука... Чтѣ это за напасть божїя? Жизнь не въ жизнь стала Пидоркѣ. Страшно ей было оставаться сперва одной въ хатѣ; да послѣ свыклась, бѣдняжка, съ своимъ горемъ. Но прежней Пидорки уже узнать не лзя было. Ни румянца, ни усмѣшки; изныла, исчахла, выплакались лсныя очи. Разъ, кто-то уже видно сжалился надъ ней, посоветовалъ итти къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, про которую ходила слава, что умѣетъ лечитъ всѣ на свѣтѣ болѣзни. Рѣшилась попробовать последнее средство; слово-за-слово, уговорила старуху итти съ собою. Это было ввечеру, какъ разъ наканунѣ Кунала. Петро въ безпамятствѣ лежалъ на лавкѣ и не примѣчалъ вовсе новой гостыи.

Какъ вотъ, мало-по-малу сталъ приподнимать-ся и всматриваться. Вдругъ весь задрожалъ, какъ на плахъ; волосы поднялись горою... и онъ засмѣялся такимъ хохотомъ, что страхъ врѣзался въ сердце Пидорки. «Вспомнилъ! вспомнилъ!» закричалъ онъ въ страшномъ весельи, и, размахнувши топоръ, пустилъ имъ изъ всей силы въ старуху. Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь. Старуха пропала, и дитя лѣтъ семи, въ бѣлой рубашкѣ, съ накрытою головою, стало посреди хаты... Простыня слетѣла. «Ивась!» закричала Пидорка и бросилась къ нему; но привидѣніе все, съ ногъ до головы, покрылось кровью и освѣтило всю хату краснымъ свѣтомъ... Въ испугъ выбѣжала она въ сѣни; но опомнившись немного, хотѣла-было помочь ему; напрасно! дверь захлопнулась за нею такъ крѣпко, что не-подъ-силу было отпереть. Сбѣжались люди; принялись стучать; высадили дверь: хотъ бы дуна одна! Вся хата полна дыма, и по серединѣ только, гдѣ стоялъ Петрусь, куча пеплу, отъ котораго мѣстами подымался еще паръ. Кинулись къ мѣшкамъ: одни битые черепки лежали вмѣсто червонцевъ. Выпуча глаза и разинувъ рты, не смѣя поше-

вельнуть усомъ, стояли казаки, будто вкопанные въ землю. Такой страхъ навело на нихъ это диво.

Что было далье, не вспомню. Пидорка дала обѣтъ, ни ти на богомолье; собрала оставшееся послѣ отца имущество, и черезъ нѣсколько дней ея точно уже не было на селѣ. Куда ушла она, никто не могъ сказать. Услужливыя старухи отправили-было ее уже туда, куда и Петро потащился; да одинъ разъ, прѣхавшій изъ Кіева казакъ, разсказалъ, что видѣлъ въ лаврѣ монахиню, всю высохшую, какъ скелеть и безпрестанно молящуюся, въ которой земляки, по всемъ примѣтамъ, узнали Пидорку; что еще никто не слыхалъ отъ нея ни одного слова; что пришла она пѣшкомъ и принесла окладъ къ въконъ Божьей Матери, изцвѣченный такими яркими камнями, что всѣ зажмуривались, на него глядя.

Позвольте, этимъ еще не все кончилось. Въ тотъ самый день, когда лукавый припряталъ къ себѣ Петруся, показался снова Басаврюкъ; только всѣ бѣгомъ отъ него. Узнали, что это за птица: никто другой, какъ сатана, принявшій человѣческой образъ для того, чтобы отрывать

клады; а какъ клады не даются нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и приманиваетъ къ себѣ молодецвъ. Въ томъ же году всѣ побросали землянки свои и перебрались въ село; но и тамъ однако жъ не было покою отъ проклятаго Басаврюка. Тетка покойнаго дѣда говорила, что именно злился онъ болѣе всего на нее за то, что оставила прежній шинокъ по опошнянской дорогѣ, и всѣми силами старался выместить все на ней. Разъ старшины села собрались въ шинокъ и, какъ говорится, бесѣдовали по чинамъ за столомъ, по серединѣ котораго поставленъ былъ, грѣхъ сказать, чтобы мальй, жареный баранъ. Калякали о семъ, и о томъ, было и про диковинки разныя и про чуда. Вотъ и померещилось, еще бы ничего, если бы одному, а то именно всѣмъ, что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и въмигъ появившіеся, черные щетинистые усы, значительно заморгали на присутствующихъ. Всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Басаврюка; тетка дѣда моего даже думала уже, что вотъ, вотъ попросить водки... Честные старшины за шапки, да скорѣй восвояси. Въ другой разъ самъ церковный староста, любившій

по-временамъ раздобаривать глазъ-на-глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще раза два достать дна, какъ видить, что чарка кланяется ему въ-поясъ. Чортъ съ тобою! давай креститься!... А тутъ съ половиною его то же диво: только, что начала она замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, вдругъ дижа выпрыгнула: «Стой, стой!» куда! подбоченившись важно, пустилась въ-присядку по всей хатѣ... Смѣйтесь; однако жъ не до смѣха было нашимъ дѣдамъ. И даромъ, что отецъ Аѳанасій ходилъ по всему селу со святою водою и гонялъ чорта кропиломъ по всѣмъ улицамъ, а все еще тетка покойнаго дѣда долго жаловалась, что кто-то, какъ только вечеръ, стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Да чего! Вотъ теперь на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ село наше, кажись, все спокойно; а въдь еще не такъ давно, еще покойный отецъ мой и я запомню, какъ мимо развалившагося шинка, который нечистое племя долго послѣ того поправляло на свой счетъ, доброму человеку пройти нельзя было. Изъ закоптѣвшей трубы столбомъ валился дымъ, и, поднявшись высоко, такъ что посмотреть — шапка валилась,

разсыпался горячими угольями по всей степи, и чортъ, нечего бы и вспоминать его, собачьяго сына, такъ всхлипывала жалобно въ своей конурѣ, что испуганные гайвороны стаями подымались изъ ближняго дубоваго лѣса и съ дикимъ крикомъ металсь по небу.

=

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

УТОПЛЕННИЦА.

МАЙСКАЯ НОЧЬ,

ИЛИ

УТОПЛЕННИЦА.

Врагъ его батька знае! начувуть
що небуль робыть люды хреще-
ны, то мурдуютця, мурдуютця,
мовъ хорты за зайцемъ, а все
щось не до шыгу; тилькижъ ку-
ды чортъ увлаетця, то перть
хвостыкомъ—такъ де поной воз-
метця съ неба.

I.

ГАННА.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ се-
ла ***. Было то время, когда утомленные днев-
ными трудами и заботами, парубки и дѣвушки
шумно собирались въ кружокъ, въ блескъ чиста-
го вечера, выливать свое веселье въ звуки, все-
гда неразлучные съ уныньемъ. И вечеръ, вѣчно
задумавшійся, мечтательно обнималъ синее небо,

превращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки, а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ Левко, сынъ сельскаго головы. На казакъ рѣшетилловская шапка. Казакъ идетъ по улицѣ, бречитъ рукою по струнамъ и подтанцовываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью хаты, уставленной невысокими вишневыми деревьями. Чья же это хата? Чья эта дверь? Немного помолчавши, заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце вызенько, вечеръ близенько,
Выйды до мене, мое серденько!

«Нѣтъ, видно крѣпко заснула моя ясноокая красавица!» сказалъ казакъ, окончивши пѣсню и приближаясь къ окну. «Галю! Галю! ты спишь, или не хочешь ко мнѣ выйти? Ты боишься, вѣрно, чтобы насъ кто не увидѣлъ, или не хочешь, можетъ-быть, показать бѣлое личико на холодъ! Не бойся: никого нѣтъ. Вечеръ тепелъ. Но если бы и показался кто, я прикрою тебя свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя — и никто насъ не увидитъ. Но если бы и повѣяло холодомъ, я прижму тебя поближе къ сердцу,

отогрѣю поцалуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькія ножки. Сердце мое, рыбка моя, ожерелье! выгляни на-мигъ. Просушь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою... Нѣтъ, ты не спишь, гордая дивчина!» проговорилъ онъ громче и такимъ голосомъ, какимъ выражаетъ себя устыдившійся мгновеннаго униженія. «Тебѣ либо издѣваться надо мною; прощай!» Тутъ онъ отворотился, насунулъ набекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. Деревянная ручка у двери въ это время заverteлась: дверь распахнулась со скрипомъ, и девушка на порѣ семнадцатой весны, обитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская деревянной ручки, переступила черезъ порогъ. Въ полуясномъ мракѣ горѣли привѣтно, будто звездочки, ясныя очи; блистало красное коралловое монисто, и отъ орлиныхъ очей нарубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея. «Какой же ты петербильный!» говорила она ему въ-полголоса. «Уже и разсердился! Зачѣмъ выбралъ ты такое время: толпа народу шатается то-и-дѣло по улицамъ... Я вся дрожу...»

«О, не дрожи, моя красная калашничка! При-

жмись ко мнѣ покрѣче!» говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты. «Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько».

«Знаешь ли, что я думаю?» прервала дѣвушка, задумчиво потопивъ въ него свои очи. «Мнѣ все что-то будто на ухо шепчетъ, что впередъ намъ не видаться такъ часто. Недобрые у васъ люди: дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо; а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недавней поры стала суровѣе приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселье было у чужихъ». Какое-то движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

«Два мѣсяца только въ сторонѣ родной, и уже соскучилась! Можетъ, и я надоѣлъ тебя?»

«О! ты мнѣ не надоѣлъ» молвила она, усмѣхнувшись. «Я тебя люблю, чернобровый казакъ! За то люблю, что у тебя карія очи, и какъ поглядишь ты ими — у меня какъ-будто на душѣ усмѣхается: и весело, и хорошо ей; что привѣтливо моргаешь ты чернымъ усомъ своимъ; что ты идешь по улицѣ, поешь и играешь на бандурѣ — и люблю слушать тебя».

«О, моя милая девушка!» вскрикнулъ парубокъ, цалуя и прижимая ее сильнѣе къ груди своей.

«Постой! полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцомъ своимъ?»

«Что?» сказалъ онъ, будто проснувшись. «Да, что я хочу жениться, а ты выйти за меня замужъ — говорилъ». Но какъ-то унывно зазвучало въ устахъ его это слово «говорилъ».

«Что же?»

«Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрычъ, по своему обыкновенію, глухимъ: ничего не слышитъ и еще бранить, что шатаюсь, Богъ знаетъ гдѣ, повѣсничая и шалю съ хлопцами по улицамъ. Но не тужи, моя Галю! Вотъ тебѣ слово казацкое, что уломаю его».

«Да тебѣ только стѣбитъ, Левко, слово сказать — и все будетъ по-твоему. Я знаю это по себѣ: иной разъ не послушала бы тебя, а скажешь слово — и неволью дѣлаю, что тебѣ хочется. Посмотри, посмотри!» продолжала она, положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза вверхъ, гдѣ необъятно синью теплое украинское небо, завѣшенное снизу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ ними вишенъ. «Посмотри: вонъ, вонъ далеко мель-

кнули звѣздочки: одна, другая, третія, четвертая, пятая... Не правда ли, вѣдь это ангелы божіи поотворяли окошечки своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ на насъ! Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на нашу землю? Что, если бы у людей были крылья, какъ у птицъ — туда бы полетѣть, высоко, высоко... Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба. А говорятъ однако же, есть гдѣ-то, въ какой-то далекой землѣ, такое дерево, которое шумитъ вершиною въ самомъ небѣ, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ свѣтлымъ праздникомъ».

«Нѣтъ, Галю; у Бога есть длинная лѣстница отъ неба до самой земли. Ее ставятъ передъ свѣтлымъ воскресеньемъ святыя архангелы; и какъ только Богъ ступитъ на первую ступень, всѣ нечистые духи полетятъ стремглавъ и кучами попадають въ пекло, и оттого на Христовъ праздникъ ни одного злаго духа не бываетъ на землѣ».

«Какъ тихо колышется вода, будто дитя въ люлькѣ!» продолжала Ганна, указывая на прудъ, угрюмо обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ и оплакиваемый вербами, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. Какъ безсильный ста-

рецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое, темное небо, осыпая ледяными позлауями огненныя звезды, которыя тускло рьяли среди теплаго ночнаго воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи. Возлѣ лѣса, на горѣ, дремалъ съ закрытыми ставнями старый деревянный домъ; мохъ и дикая трава покрывали его крышу; кудрявыя яблони разрослись передъ его окнами; лѣсъ, обнимая своею тѣнью, бросалъ на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.

«Я помню, будто сквозь сонъ» сказала Ганна, не спуская глазъ съ него: «давно, давно, когда я еще была маленькою и жила у матери, что-то страшное рассказывали про домъ этотъ. Левко, ты верно знаешь; расскажи!...»

«Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего не расскажутъ бабы и народъ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь болтаться и не заснется тебѣ покойно».

«Расскажи, расскажи, милый, чернобровый парубокъ!» говорила она, прижимаясь лицомъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. «Нѣтъ! ты видно не любишь меня: у тебя есть другая дѣвушка. Я не

буду бояться; я буду спокойно спать ночь. Теперь-то не засну, если не расскажешь. Я стану мучиться, да думать... Расскажи, Левко!...»

«Видно, правду говорят люди, что у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство. Ну, слушай. Давно, мое серденько, жилъ въ этомъ домѣ сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла; задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешь ли ты меня нежить по-старому, батьку, когда возьмешь другую жену?» — Буду, моя дочка; еще крѣпче прежняго стану прижимать тебя къ сердцу! Буду, моя дочка; еще ярче стану дарить серьги и монисты! — Привезъ сотникъ молодую жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. Румяна и бѣла собою была молодая жена; только такъ страшно взглянула на свою надчерицу, что та вскрикнула, увидѣвши ее, и хотъ бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь: ушелъ сотникъ съ молодою женой въ свою опочивальню; заперлась и бѣлая панночка въ своей свѣтлицѣ. Горько сдѣлалось ей; стала плакать. Глядитъ: страшная черная кошка крадется къ ней; шерсть на ней горитъ и желѣзные

когти стучать по полу. Въ испугъ, вскочила она на лавку: кошка за нею. Перепрыгнула на лежанку: кошка и туда, и вдругъ бросилась къ ней на шею и душитъ ее. Съ крикомъ оторвавши отъ себя, кинула на полъ; опять крадется страшная кошка. Тоска ее взяла. На стѣнѣ висѣла отцовская сабля. Схватила ее и брякъ по полу — лапа съ желѣзными когтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. Цѣлый день не выходила изъ свѣтлицы своей молодая жена; на третій день вышла съ перевязанною рукой. Угадала бѣдная панночка, что мачиха ея вѣдьма и что она ей перерубила руку. На четвертый день приказалъ сотникъ своей дочкѣ носить воду, мести хату, какъ простой мужичекъ и не показываться въ панскіе покои. Тяжело было бѣдняжкѣ; да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На пятый день выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. Тогда только зарыдала панночка, закрывши руками бѣлое лице свое: «Погубилъ ты, батьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма грѣшную душу твою! Прости тебя Богъ; а мнѣ, несчастной, видно не велить Онъ жить на бѣломъ свѣтѣ!...» И вонъ, видишь ли

ты...» Тутъ оборотился Левко къ Ганнѣ, указывая пальцемъ на домъ. «Гляди сюда: вонъ, подалѣе отъ дома, самый высокій берегъ! Съ этого берега кинулась панночка въ воду, и съ той поры не стало ея на свѣтъ...»

«А вѣдьма?» боязливо прервала Ганна, устремивъ на него прослезившіяся очи.

«Вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили, въ лунную ночь, въ панскій садъ грѣться на мѣсяцъ; и сотникова дочка сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь, увидѣла она мачиху свою возмѣ пруда, напала на нее и съ крикомъ утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою въ одну изъ утопленницъ, и черезъ то ушла отъ плети изъ зеленаго тростника, которою хотѣли ее бить утопленницы. Вѣрь бабамъ! Рассказываютъ еще, что панночка собираетъ всякую ночь утопленницъ и заглядываетъ по-одиночкѣ каждой въ лице, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до-сихъ-поръ не узнала. И если попадется изъ людей кто, тотчасъ заставляеть его угадывать; не то, грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Ганно, какъ рассказываютъ старыя люди!... Теперешній панъ*хочетъ строить

на томъ мѣстѣ винницу и прислалъ нарочно для того сюда винокура... Но я слышу говоръ. Это наши возвращаются съ пѣсень. Прощай, Ганно! Спи спокойно; да не думай объ этихъ бабихъ выдумкахъ!» Сказавши это, онъ обнялъ ее крепче, поцаловалъ и ушелъ.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный, огненный мѣсяцъ, величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина его была подъ землею, а уже весь мѣръ исполнился какого-то торжественнаго свѣта. Прудъ тронулся искрами. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени. «Прощай, Ганна!» раздались позади ея слова, сопровождаемыя поцалуемъ. «Ты воротился!» сказала она, оглянувшись; но увидѣвъ передъ собою незнакомаго парубка, отвернулась въ сторону. «Прощай, Ганна!» раздалось снова, и снова поцаловалъ ее кто-то въ щеку. «Вотъ принесла легкая и другаго!» проговорила она съ сердцемъ. «Прощай, милая Ганна!» — «Еще и третій!» — «Прощай! прощай! прощай, Ганна!» и поцалуи засыпали ее со всехъ сторонъ. «Да тутъ ихъ цѣлая ватага!» кричала Ганна, вырываясь изъ тол-

ны парубковъ, наперерывъ свѣшившихъ обнимать ее. «Какъ имъ не надобсть безпрестанно цаловаться! Скоро, ейбогу, нельзя будетъ показаться на улицъ!» Вслѣдъ за сими словами дверь захлопнулась, и только слышно было, какъ съ визгомъ задвинулся желѣзный засовъ.

==

II)

ГОЛОВА.

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь въ нее: съ середины неба глядитъ мѣсяць; необъятный небесный сводъ раздался, раздвинулся еще необъятнѣе; горитъ и дышетъ онъ; земля вся въ серебряномъ свѣтъ; и чудный воздухъ и прохладно-душень, и полонъ илги, и движеть океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очарованъ томъ 1.

тельная ночь! Недвижно, вдохновенно стали лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя. Тихи и покойны эти пруды; холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темнозеленыя стѣны садовъ. Дѣвственныя чащи черемухъ и черешень пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и изрѣдка лепечуть листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный вѣтренникъ — (ночной вѣтеръ, подкравшись мгновенно, цалуеть ихъ. Веѣь ландшафтъ спить. А вверху все дышетъ; все дивно, все торжественно. А на душъ и необъятно, и чудно, и толпы серебряныхъ виднѣй стройно возникаютъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило: и лѣса, и пруды, и степи. Сыплется величественный громъ украинскаго соловья и чудится, что и мѣсяцъ заслушался его посреди неба... Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ при мѣсяцѣ толпы хать; еще ослѣпительнѣе вырѣзываются изъ мрака низкія ихъ стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. Благодѣтельные люди уже спятъ. Гдѣ-гдѣ только свѣтятся узенькія окна. Передъ поро-

гами иных только хать запоздалая семья совершает свой поздний ужинъ.

«Да, гонакъ не такъ танцуется! То-то я гляжу, не кленится все. Чтò жь это рассказываетъ кумь?... А, ну: гонь трала! гонь трала! гонь, гонь, гонь!» Такъ разговаривалъ самъ-съ-собою подгулявшій мужикъ среднихъ лѣтъ, танцуя по улицъ. «Ейбогу, не такъ танцуется гонакъ! Что мнѣ лгать? ейбогу, не такъ! А, ну: гонь трала! гонь трала! гонь, гонь, гонь!»

«Вотъ, одурьлъ человекъ! добро бы еще хлопецъ какой, а то старый кабанъ, дѣтямъ насмѣхъ, танцуетъ ночью по улицъ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ соломѣ. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» сказалъ остановившисъ мужикъ. «Я пойду. Я не посмотрю на какого-нибудь голову. Что онъ думаетъ, дидько бѣ утыся его батькови, что онъ голова, что онъ обливаетъ людей на морозъ холодною водою, такъ и носъ поднималъ! Ну, голова, голова. Я самъ-себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ! Богъ меня убей! я самъ-себѣ голова. Вотъ что, а не то что...» продолжалъ онъ, подходя къ первой попавшей-

ся хать, и остановился передь окошкомъ, скользя пальцами по стеклу и стараясь найти деревянную ручку: «Баба, отвори! Баба, живей, говорить тебѣ, отвори! Казаку спать пора!»

«Куда ты, Каленикъ? Ты въ чужую хату по-палъ!» закричали, смѣясь, позади его дѣвушки, ворочавшіяся съ веселыхъ пѣсней. «Показать тебѣ твою хату?»

«Покажите, любезныя молодушки!»

«Молодушки? слышите ли» подхватила одна: «какой учтивый Каленикъ! За это ему нужно показать хату... но нѣтъ, напередь потанцуй!»

«Потанцовать?... эхъ, вы замысловатыя дѣвушки!» протяжно произнесъ Каленикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому-что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецаловать себя? Всѣхъ перецалую, всѣхъ!...» и косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались; но послѣ ободрившись, перебѣжали на другую сторону, увидя, что Каленикъ не слишкомъ былъ скоръ на ноги.

«Вонъ твоя хата!» закричали онъ ему, уходя и показывая на избу, гораздо побольше прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ. Каленикъ

послушно побрелъ въ ту сторону, принимаясь снова бранить голову.

Но кто же этотъ голова, возбудившій такіе невыгодные о себѣ толки и рѣчи? О, этотъ голова важное лицо на селѣ. Покаместъ Каленикъ достигнетъ конца пути своего, мы, безъ-сомнѣнія, успѣемъ кое-что сказать о немъ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки; а двушки, самыя молоденькія, отдають *добридень*. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Голова открытъ свободный входъ во все тавлинки, и дюжій мужикъ почтительно стоитъ, снявши шапку, во все продолженіе, когда голова запускаетъ свои толстые и грубые пальцы въ его лубочную табакерку. Въ мірской сходкѣ, или громадѣ, несмотря на то, что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ, кого ему угодно, ровнять и гладить дорогу, или копать рвы. Голова угрюмъ, суровъ съ-виду и не любитъ много говорить. Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина ѣздила въ Крымъ, былъ выбранъ онъ въ провожатые; цѣлые два дня находился онъ въ этой должности и даже

удостоился сидеть на кóзлахъ съ царицынымъ кучеромъ. И съ той самой поры еще голова выучился разумно и важно потуплять голову, гладить длинные, закрутившіеся внизъ усы и кидать соколиный взглядъ изъ-подлобья. И съ той поры голова, объ чемъ бы ни заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на кóзлахъ царской кареты. Голова любитъ иногда прикинуться глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова терпѣть не можетъ щегольства: носить всегда свитку чернаго домашняго сукна, перепоясывается шерстянымъ цветнымъ поясомъ, и никто никогда не видалъ его въ другомъ костюмѣ, выключая развѣ только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда на немъ былъ синій казацкій жупанъ. Но это время врядъ ли кто могъ запомнить изъ цѣлаго села; а жупанъ держитъ онъ въ сундукъ подъ замкомъ. Голова вдовъ; но у него живетъ въ домъ свояченица, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубанки и завѣдываетъ всѣмъ домомъ. На сель поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница; но мы уже видели, что у го-

ловы много недоброжелателей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что свояченицъ всегда не нравилось, если голова заходила въ поле, усяянное жнищами, или къ казаку, у котораго была молодая дочка. Голова кривъ; но за то одинокій глазъ его злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселицу. Не прежде, однако жъ, онъ наведетъ его на смазливенькое личико, пока не осмотрится хорошенько, не глядитъ ли откуда свояченица. Но мы почти все уже рассказали, что нужно, о головѣ; а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги и долго еще угощалъ голову всеми отборными словами, какія могли только вспастъ на лѣниво и несвязно поворачивавшійся языкъ его.

III.

НЕОЖИДАННЫЙ СОПЕРНИКЪ. ЗАГОВОРЪ.

«Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, не хочу! Что за разгулье такое! Какъ вамъ не надѣсть повѣсничать? И безъ того уже прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать!» Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новыя проказы. «Прощайте, братцы! покойная вамъ ночь!» и быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по ули-

ць. «Спить ли моя ясноокая Ганна?» думалъ онъ, подходя къ знакомой намъ хатъ съ вишневыми деревьями. Среди тишины послышался тихій говоръ. Левко остановился. Между деревьями заблѣла рубашка... «Что это значить?» подумалъ онъ и, подкравшись поближе, спрятався за дерево. При свѣтъ мѣсяца блистало лице стоявшей передъ нимъ дѣвушки... Это Ганна! Но кто же этотъ высокій человекъ, стоящій къ нему спиною? Напрасно всматривался онъ: тѣнь покрывала его съ ногъ до головы. Спереди только онъ былъ освѣщенъ немного; но малѣйшій шагъ Левка впередъ уже подвергалъ его неприятели — быть открытымъ. Тихо прислонившись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ. Дѣвушка ясно выговорила его имя. «Левко? Левко еще молокососъ!» говорили хрипло и въ-полголоса высокій человекъ. «Если и встрѣчу его когда-нибудь у тебя, я его выдеру за чубъ...» — «Хотѣлось бы мнѣ знать, какая это шельма похваляется выдрать меня за чубъ!» тихо проговорилъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. Но незнакомецъ продолжалъ такъ тихо, что нельзя было ничего разслушать. «Какъ тебѣ не стыдно!»

сказала Гаина по окончаніи его рѣчи. «Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ!» — «Знаю» продолжалъ высокій человекъ: «Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову. (Тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца не совсѣмъ незнакомъ, и какъ-будто онъ когда-то его слышалъ.) Но я дамъ себя знать Левку!» продолжалъ все также незнакомецъ: «онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его шашней. Попробуетъ онъ, собачій сынъ, каковы у меня кулаки». При этомъ словъ Левко не могъ уже болѣе удержать своего гнѣва. Подошедши на три шага къ нему, замахнулся онъ изо всей силы, чтобы дать треуха, отъ котораго незнакомецъ, несмотря на свою видимую крѣпость, не устоялъ бы, можетъ-быть, на мѣстѣ; но въ это время свѣтъ палъ на лицо его, и Левко остолбенѣлъ, увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ его отецъ. Невольное покачиваніе головою и легкій сквозъ зубы свистъ одни только выразили его изумленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ; Гаина испѣшию влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

«Прощай, Гаина!» закричалъ въ это время

одинъ изъ парубковъ, подкравшись и обнявши голову, и съ ужасомъ отскочилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы. «Прощай, красавица!» вскричалъ другой; но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелаго толчка головы. «Прощай, прощай, Ганна!» закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ ему на шею. «Провалитесь, проклятые сорванцы!» кричалъ голова, отбиваясь и притопывая на нихъ ногами. «Что я вамъ за Ганна! Убирайтесь вслѣдъ за отцами на висѣлицу, чортовы дѣти! Поприставали, какъ мухи къ меду! Дамъ я вамъ Ганны!...»

«Голова! голова! это голова!» закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

«Ай да батько!» говорилъ Левко, очнувшись отъ своего изумленія и глядя вслѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. «Вотъ какія за тобою водятся проказы! славно! А я дивлюсь, да передумываю, чтобъ это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешь говорить о дѣлѣ. Пстой же, старый хрѣнь, ты у меня будешь знать, какъ шататься подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать чужихъ невѣсть! Гей, хлопцы! сюда! сюда!» кричалъ онъ, махая рукою па-

рубкамъ, которые снова собирались въ кучу: «стунайте сюда! Я увѣщевалъ васъ итти спать; но теперь раздумалъ и готовъ, хоть цѣлую ночь, самъ гулять съ вами».

«Вотъ это дѣлю!» сказалъ плечистый и до-родный парубокъ, считавшійся первымъ гуля-кой и повѣсой на селѣ. «Мнѣ все кажется тош-но, когда не удастся погулять порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ-будто недостаетъ чего-то. Какъ-будто потерялъ шанку или люль-ку; словомъ, не казакъ, да и только».

«Согласны ли вы побѣсить хорошенько се-годня голову?»

«Голову!»

«Да, голову. Что онъ въ-самомъ-дѣлѣ за-думалъ! Онъ управляется у насъ какъ-будто гетманъ какой. Мало того, что помыкаетъ, какъ своими холопьями, еще и подѣзжаетъ къ дѣвчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, на всемъ селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова».

«Это такъ, это такъ!» закричали въ одинъ голосъ все хлопцы.

«Что жъ мы, ребята, за холопья? Развѣ мы не такого роду, какъ и онъ? Мы, слава

Богу, вольные казаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные казаки!»

«Покажемъ!» закричали парубки. «Да если голову, то и писаря не минуешь!»

«Не минемъ и писаря! А у меня, какъ нарочно, сложилась въ умъ славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу» продолжалъ Левко, ударивъ рукою по струнамъ бандуры. «Да слушайте: попереодвѣвайтесь, кто во что ни попало!»

«Гуляй, казацкая голова!» говорилъ дюжій повеса, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. «Что за роскошь! Что за воля! Какъ начнешь бѣситься — чудится, будто поминаешь давнѣе годы. Любо, вольно на сердце; а душа какъ-будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! гуляй!...» И толпа шумно повеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонными руками, говоря: «ну, теперь гуляютъ парубки!»

=

IV.

ПАРУБКИ ГУЛЯЮТЪ.

Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы. Голова уже давно окончилъ свой ужинъ и, безъ-сомнѣнiя, давно бы уже заснулъ; но у него былъ въ это время гость, винокуръ, присланный строить винокурню помещикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли между вольными казаками. Подъ самымъ покутомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ гость—

низенькій, толстенькій человечекъ, съ маленькими, вечно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую люльку, поминутно сплевывая и придавливая пальцемъ вылезавшій изъ нея превращенный въ золу табакъ. Облака дыма быстро разрастались надъ нимъ, одѣвая его въ сизый туманъ. Казалось, будто широкая труба съ какой-нибудь винокурни, наскуча сидеть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усмалась за столомъ въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали у него коротенькіе и густые усы; но они такъ неясно мелькали сквозь табачную атмосферу, что казались мышью, которую винокуръ поймалъ и держалъ во рту своемъ, подрывая монополию амбарнаго кота. Голова, какъ хозяинъ, сидѣлъ въ одной только рубашкѣ и полотняныхъ шараварахъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерьющее солнце, начиналъ мало-по-малу жмуриться и меркнуть. На концѣ стола курилъ люльку одинъ изъ сельскихъ десятскихъ, составлявшихъ команду головы, сидѣвшій, изъ почтенія къ хозяину, въ свиткѣ.

«Скоро же вы думаете» сказалъ голова, обо-

ротившись къ винокуру и кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой «поставить вашу винокурню?»

«Когда Богъ поможетъ, то этою осенью, можетъ, и закуримъ. На покрову-то я готовъ поставить Богъ знаетъ что, если панъ голова не будетъ писать ногами иѣмецкіе крендели по дорогъ». По произнесеніи этихъ словъ, глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей; все туловище стало колебаться отъ смѣха и веселья губы оставили на мгновение дымящуюся лопьку.

«Дай Богъ» сказалъ голова, выразивъ на лицѣ своемъ что-то подобное улыбка. «Теперь еще, слава Богу, винницъ развелось немного. А вотъ, въ старое время, когда провожалъ я царицу по перяславской дорогъ, еще покойный Безбородько...»

«Ну, свать, вспомнилъ время! Тогда отъ Кременчуга до самыхъ Роменъ не насчитывали и двухъ винницъ. А теперь... Слышалъ ли ты, что повывдумывали проклятые иѣмцы? Скоро, говорятъ, будутъ курить не дровами, какъ всѣ честные христіане, а какимъ-то чертовскимъ паромъ». Говоря эти слова, винокуръ, въ раз-

мышленіи глядѣль на столъ и на разставленные на немъ руки свои: «Какъ это паромъ — сѣбогу, не знаю!»

«Что за дурни, прости Господи, эти немцы!» сказалъ голова. «Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слыханое ли дѣло, чтобы паромъ можно было кипятить чтѣ. По этому ложку борщу нельзя поднести ко рту, не изжаривши губъ, вмѣсто молодого поросенка...»

«И ты, свать» отозвалась сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши подъ себя ноги, свояченица: «будешь, все это время, жить у насъ безъ жены?»

«А для чего она мнѣ? Другое дѣло, если бы чтѣ доброе было».

«Будто не хороша?» спросилъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

«Куды тебѣ хороша! *Стара, якъ бисѣ*. Харя вся въ морщинахъ, будто выпороженный кошелекъ». И низенькое строеніе винокура распаталось снова отъ громкаго смѣха.

Въ это время что-то стало шарить за дверью; дверь растворилась — и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ черезъ порогъ и сталъ, какъ-будто въ раздумьи, посреди хаты, разинувши ротъ и оглятомъ 1.

дывая потолокъ. Это былъ знакомецъ нашъ, Каленикъ. «Вотъ, я и домой пришелъ!» говорилъ онъ, садясь на лавку у дверей и не обращая никакого вниманія на присутствующихъ. «Вишь, какъ растянулъ вражій сынъ, сатана, дорогу! Идешь, идешь и конца нѣтъ! Ноги какъ-будто переломалъ кто-нибудь. Достань-ка тамъ, баба, тулупъ, подостлать мнѣ. На печь къ тебѣ не приду, ейбогу, не приду: ноги болятъ! Достань его, тамъ онъ лежитъ, близъ покута; гляди только, не опрокинь горшка съ тертымъ табакомъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ-быть, пьяна сегодня... Пусть, уже я самъ достану». Каленикъ приподнялся немного, но неодолимая сила приковала его къ скамейкѣ.

«За это люблю» сказалъ голова: «пришелъ въ чужую хату и распоряжается, какъ дома! Выпроводить его по-добру-по-здорову!...»

«Оставь, свать, отдохнуть!» сказалъ винокуръ, удерживая его за руку. «Это полезный человекъ: побольше такого народу — и винница наша славно бы пошла...» Однакоже не добродушіе вынудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ въсьмъ примѣтамъ, и тотчасъ прогнать человекъ,

уже съвшаго на лавку, значило у него накли-
кать бѣду.

«Что-то, какъ старость придетъ!...» ворчалъ
Каленикъ, ложась на лавку. «Добро бы, еще
сказать, пьянъ, такъ пѣть же, не пьянъ. Ей-
богу, не пьянъ! Что мнѣ лгать? Я готовъ объ-
явить это хоть самому головь. Что мнѣ голова?
Чтобъ онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я пною
на него! Чтобъ его, одноглазаго чорта, возомъ
перевхало! Что онъ обливаетъ людей на мо-
розъ...»

«Эге! влезла свинья въ хату, да и лапы су-
еть на столъ» сказалъ голова, гнѣвно поды-
маясь съ своего мѣста; но въ это время уви-
систой камень, разбивши окно въ дребезги,
полетѣлъ ему подъ ноги. Голова остановился...
«Если бы я зналъ» говорилъ онъ, подымая
камень: «какой это висельникъ швырнулъ, я
бы выучилъ его, какъ кидаться! Экія прока-
зы!» продолжалъ онъ, рассматривая его на ру-
кѣ пылающимъ взглядомъ. «Чтобы онъ пода-
вился этимъ камнемъ...»

«Стой, стой! Боже тебя сохрани, свать!»
подхватилъ, поблѣднѣвши, винокуръ. «Боже со-

храни тебя, и на томъ и на этомъ свѣтѣ, по-
благословить кого-нибудь такую побранкою!»

«Вотъ нашелся заступникъ! Пусть онъ про-
падетъ!...»

«И не думай, свать! Ты не знаешь, вѣрно,
что случилось съ покойною тещею моею?»

«Съ тещей?»

«Да, съ тещей. Вечеромъ, немного, можетъ,
раньше теперешняго, усѣлись вечерять: покой-
ная теща, покойный тесть, да наймышь, да
наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща
отсыпала немного галушекъ изъ большаго ка-
зана въ миску, чтобы не такъ были горячи. Послѣ
работъ все проголодались и не хотѣли ждать,
пока галушки простынутъ. Вздѣвши ихъ на
длинные деревянные спички, начали ѣсть.
Вдругъ, откуда ни возьмись человекъ, какого онъ
роду, Богъ его знаетъ, проситъ и его допу-
стить къ трапезѣ. Какъ не накормить голод-
наго человекъ! Дали и ему спичку. Только
гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно.
Пока ѣсть тѣ съѣли по одной и опустили спички
за другими, дно было гладко, какъ панскій по-
мостъ. Теща насыпала еще; думаетъ: гость на-
ѣлся и будетъ убирать меньше. Ничего не бы-

вало: еще лучше сталъ оплетать! и другую вы-
порожнилъ! — А чтобъ ты подавился этими галуш-
ками! — подумала голодная теща; какъ вдругъ
тотъ понерхнулся и упалъ. Кинулись къ нему —
и духъ вошь. Удавился».

«Такъ ему, обжоръ проклятому, и нужно!»
сказалъ голова.

«Такъ бы, да не такъ вышло: съ того вре-
мени покою не было теще. Чуть только ночь,
мертвецъ и тащится. Сядетъ верхомъ на тру-
бу, проклятый, и галушку держать въ зубахъ.
Днемъ все покойно, и слуху нѣтъ про него; а
только станетъ примеркать, погляди на крышу,
уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу...»

«И галушка въ зубахъ?»

«И галушка въ зубахъ».

«Чудно, свать! Я слыхалъ что-то похожее
еще за покойницу...» Тутъ голова остано-
вилъ. Подъ окномъ послышался шумъ и топанье
танцующихъ. Сперва тихо звукнули струны
бандуры, къ нимъ присоединился голосъ. Стру-
ны загремѣли сильнѣе; нѣсколько голосовъ
стали подтягивать — и пѣсня зашумѣла вих-
ремъ:

Хлопцы, слышали ли вы?
Наши ль головы не крѣпки,
У криваго головы
Вдругъ разсыпался кленки.
Набей, бондарь, голову
Ты стальными обручами!
Вспрысни, бондарь, голову
Батогами! батогами!
Голова нашъ сѣдь и кривъ!
Старъ, какъ бѣсъ, а что за дурень!
Прихотливъ и похотливъ:
Жметя къ дѣвкамъ... Дурень, дурень!
И тебѣ лѣзть къ парубкамъ!
Тебя бѣ нужно въ домовину,
По усамъ, да по шелямъ!
За чуприву! за чуприву!

«Славная пѣсня, свать!» сказалъ винокуръ, наклоня немного на бокъ голову и оборотившись къ головѣ, остолбенѣвшему отъ удивленія при видѣ такой дерзости. «Славная! скверно только, что голову поминаютъ несовсѣмъ благопристойными словами...» И онъ опять положилъ руки на столъ съ какимъ-то сладкимъ умиленіемъ въ глазахъ, приготовляясь слушать еще, потому-что подь окномъ гремѣлъ хохоть и крики: «снова! снова!» Однако жъ пронцательный глазъ увидѣлъ бы тотчасъ, что не изумленіе удерживало долго голову на одномъ мѣстѣ: такъ только старый, опытный котъ допускаетъ иногда неопыт-

ной мыши бѣгать около своего хвоста; а между-
тѣмъ быстро созидаетъ планъ, какъ перерѣзать
ей путь въ нору. Еще одинокій глазъ го-
ловы былъ устремленъ на окно, а уже рука,
давши знакъ десятичному, держалась за дере-
вянную ручку двери, и вдругъ на улицѣ под-
нялся крикъ... Винокуръ, къ числу многихъ до-
стоинствъ своихъ присоединявшій и любопыт-
ство, быстро набивши табакомъ свою мольку,
выбѣжалъ на улицу; но шалуны уже разбѣжа-
лись. «Нѣтъ, ты не ускользнешь отъ меня!»
кричалъ голова, таща за руку человека въ вы-
вороченномъ шерстью вверхъ овчиномъ черномъ
тулупѣ. Винокуръ, пользуясь временемъ, подбѣ-
жалъ, чтобы посмотреть въ лицо этому наруши-
телю спокойствія; но съ робостію попытка на-
задъ, увидѣвши длинную бороду и страшно
размалеванную рожу. «Нѣтъ, ты не ускольз-
нешь отъ меня!» кричалъ голова, продолжая
тащить прямо въ сѣни своего пльнника, который,
не оказывая никакого сопротивленія, спокойно
слѣдовалъ за нимъ, какъ-будто въ свою хату.
«Карно, отвори комору!» сказалъ голова десяти-
чному. «Мы его въ темную комору! А тамъ раз-
будимъ писаря, соберемъ десятичныхъ, перело-

вимъ всѣхъ этихъ буяновъ и сегодня же и резолюцію всѣмъ имъ учинимъ!» Десяцкій забрелъ въ комнату, взялъ замокъ въ снѣгахъ и отворилъ комору. Въ это самое время пльвиникъ, пользуясь темнотою снѣгой, вдругъ вырвался съ необыкновенною силою изъ рукъ его. «Куда?» закричалъ голова, ухвативъ его еще крѣпче за воротъ. «Пусти, это я!» слышался тоненькій голосъ. «Не поможетъ! не поможетъ, братъ! Визжи себѣ хоть чортомъ, не только бабою, меня не проведешь!» и толкнулъ его въ темную комору такъ, что бѣдный пльвиникъ застоналъ, упавши на полъ, а самъ, въ сопровожденіи десятикаго, отправился въ хату писаря, и вслѣдъ за ними, какъ парохоть, задымился винокуръ.

Въ размышленіи шли они всѣ трое, потушивъ головы, и вдругъ, на поворотъ въ темный переулокъ, разомъ вскрикнули отъ сильнаго удара по лбамъ, и такой же крикъ отгрянулъ въ отвѣтъ имъ. Голова, прищуривши глазъ свой, съ изумленіемъ увидѣлъ писаря съ двумя десятиками.

«А я къ тебѣ иду, панъ писарь».

«А я къ твоей милости, панъ голова».

«Чудеса завелися, пань писарь».

«Чудныя дѣла, пань голова».

«А что?»

«Хлопцы бьются! безчинствуютъ цѣлыми кучами по улицамъ. Твою милость величаютъ такими словами... словомъ, сказать стыдно; пьяный москаль побойтся выбросить ихъ нечестивымъ своимъ языкомъ». (Все это худощавый писарь, въ пестридевыхъ шароварахъ и жилетъ цвѣта вишневыхъ дрожжей, сопровождалъ протягиваніемъ шен впередъ и приведеніемъ ее тотъ же часъ въ прежнее состояніе). «Вздремнулъ-было немного, подняли съ постели проклятыя сорванцы своими срамными пѣсиями и стукомъ! Хотѣлъ-было хорошенько приструнить ихъ, да покамѣсть надѣлъ шаровары и жилетъ, всѣ разбѣжались, куда пошло. Самый главный однако же не увернулся отъ насъ. Распѣваетъ онъ теперь въ той хатѣ, гдѣ держать колодниковъ. Душа горѣла у меня узнать эту птицу, да рожка замазана сажею, какъ у чорта, который кусть гвозди для грѣшниковъ».

«А какъ онъ одѣтъ, пань писарь?»

«Въ черномъ вывороченномъ тулупѣ собачій сынъ, пань голова».

«А не лжешь ли ты, панъ писарь? Чтò, если этотъ сорванецъ сидитъ теперь у меня въ коморь?»

«Нѣтъ, панъ голова. Ты самъ, не во гнѣвъ будь сказано, погрѣшилъ немного».

«Давайте огня! мы посмотримъ его!» Огонь принесли, дверь отперли—и голова ахнулъ отъ удивленія, увидѣвъ предъ собою свояченицу.

«Скажи пожалуйста» съ такими словами она приступила къ нему: «ты не свихнулся еще съ послѣдняго ума? Была ли въ одноглазой башкѣ твоей хоть капля мозгу, когда толкнулъ ты меня въ темную комору; счастье, что не ударилась головою объ желѣзный крюкъ. Развѣ я не кричала тебѣ, что это я? Схватилъ, проклятый медвѣдь, своими желѣзными лапами, да и толкаетъ! Чтобъ тебя на томъ свѣтъ толкали черти!...» Последнія слова вынесла она за дверь на улицу, куда отправилась для какихъ-нибудь своихъ причинъ.

«Да, я вижу, что это ты!» сказалъ голова, очнувшись. «Чтò скажешь, панъ писарь, не шельма этотъ проклятый сорви-голова?»

«Шельма, панъ голова».

«Не пора ли намъ всѣхъ этихъ повѣсь прошколить хорошенько и заставить ихъ заниматься дѣломъ?»

«Давно пора, давно пора, панъ голова».

«Они дурни забрали себя... Кой чортъ? мнѣ почудился крикъ свояченицы на улицъ; они, дурни, забрали себя въ голову, что я имъ ровень. Они думаютъ, что я какой-нибудь ихъ братъ, простой казакъ!» Небольшой, послѣдовавшій за симъ кашель и устремленіе глаза изъ-подлобья вокругъ давали догадываться, что голова готовился говорить о чемъ-то важномъ. «Въ тысячу... этихъ проклятыхъ названій годовъ, хоть убей, не выговорю; ну—году, комисару тогдашнему *Ледачему* данъ былъ приказъ, выбрать изъ казаковъ такого, который бы былъ посмышленъ всѣхъ. О! (это «о!» голова произнесъ, поднявши палецъ вверхъ) посмышленъ всѣхъ! въ проводники къ царицъ. Я тогда...»

«Что и говорить! это всякій уже знаетъ, панъ голова. Все знаютъ, какъ ты выслужилъ царскую ласку. Признайся теперь, моя правда вышла: хватилъ немного на душу грѣха, сказавши, что поймалъ этого сорванца въ вывороченномъ тулупъ?»

«А что до этого дьявола, въ вывороченномъ тулупъ, то его, въ примѣръ другимъ, заковать въ кандалы и наказать примѣрно. Пусть знаютъ, что значить власть! Отъ кого же и голова поставленъ, какъ не отъ царя? Потомъ доберемся и до другихъ хлопцевъ: я не забылъ, какъ проклятые сорванцы вогнали въ огородъ стадо свиней, перебившихъ мою капусту и огурцы; я не забылъ, какъ чортовы дѣти отказались вымолотить мое жито; я не забылъ... Но провались они, мнѣ нужно непременно узнать, какая это шельма въ вывороченномъ тулупъ».

«Это проворная, видно, птица!» сказалъ винокуръ, котораго щеки въ продолженіе всего этого разговора непрерывно заряжались дымомъ, какъ осадная пушка, и губы, оставивъ коретенькую люльку, выбросили цѣлый огненный фонтанъ. «Этакого чловѣка не худо, на всякій случай, и при винницѣ держать; а еще лучше повѣсить на верхушку дуба, вмѣсто паникадила». Такая острота показалась несовсѣмъ глупою винокуру, и онъ тотъ же часъ рѣшился, не дожидаясь одобренія другихъ, наградить себя хриплымъ смѣхомъ.

Въ это время стали приближаться они къ небольшой, почти повалившейся на землю хатѣ;

любопытство наших путников увеличилось. Все стояли у дверей. Писарь вынул ключъ, загремѣлъ имъ около замка: но этотъ ключъ былъ отъ сундука его. Нетерпѣніе увеличилось. Засунувъ руку, началъ онъ шарить и сыпать побрякки, не отыскивая его. «Есть!» сказалъ онъ наконецъ, нагнувшись и вынимая изъ глубины обширнаго кармана, которымъ снабжены были его пестрядевые шаровары. При этомъ словѣ сердца нашихъ героевъ, казалось, сдвинулись въ одно, и это огромное сердце забилося такъ сильно, что неровный стукъ его не былъ заглушенъ даже брякнувшимъ замкомъ. Двери отворились и... голова сталъ блѣднѣть, какъ полотно; винокуръ почувствовалъ холодъ, и волосы его, казалось, хотѣли улетѣть на небо; ужасъ изобразился въ лицѣ писаря; десяткіе приросли къ землѣ и не въ состояніи были сомкнуть дружно разинувшихся ртовъ своихъ: передъ ними стояла сволченица.

Изумленная не менѣе ихъ, она однако жъ немного очулась и сдѣлала движеніе подойти къ нимъ. «Стой!» закричалъ дикимъ голосомъ голова и захлопнулъ за нею дверь. «Господа! это сатана!» продолжалъ онъ. «Огня! живѣе огня!

Не пожалю казенной хаты! Зажигай ее, зажигай, чтобы и костей чортовых не осталось на земль!» Свояченица въ ужасъ кричала, слыша за дверью грозное опредѣленіе. «Что вы, братцы!» говорилъ винокуръ: «слава Богу, волосы у васъ чуть не въ снѣгу, а до-сихъ-поръ ума не нажили: отъ простаго огня вѣдьма не загорится! Только огонь изъ люльки можетъ зажечь оборотня. Пойдите, я сейчасъ все улажу!» Сказавши это, высыпалъ онъ горячую золу изъ трубки въ пукъ соломы и началъ раздувать ее. Отчаяніе придало въ это время духу бѣдной свояченицы: громко стала она умолять и разувѣрять ихъ.

«Пойдите, братцы! Зачѣмъ напрасно грѣха набираться; можетъ-быть, это и не сатана» сказалъ писарь. «Если оно, то есть, то самое, которое сидитъ тамъ, согласится положить на себя крестное знаменіе, то это вѣрный знакъ, что не чортъ». Предложеніе одобрено. «Чуръ меня, сатана!» продолжалъ писарь, приложась губами къ скважинѣ въ дверяхъ: «если не пошевелишься съ мѣста, мы отворимъ дверь».

Дверь отворилась.

«Перекрестись!» сказалъ голова, оглядываясь

и какъ-будто выбирая безопасное мѣсто, въ случаѣ ретирады.

Своиченица перекрестилась.

«Кой чортъ! Точно, это своиченица!»

«Какая нечистая сила затащила тебя, кума, въ эту кануру?» И своиченица, всхлипывая, рассказала, какъ схватили ее хлонцы въ оханку на улицѣ и, несмотря на сопротивление, опустили въ широкое окно хаты и заколотили ставнемъ. Писарь взглянулъ: петли у широкаго ставня оторваны, и онъ приколоченъ только сверху деревяннымъ брусомъ.

«Добро ты, одноглазый сатана!» вскричала она, приступивъ къ головѣ, который понылся немного и все еще продолжалъ ее мѣрять своимъ глазомъ. «Я знаю твой умыселъ: ты хотѣлъ, ты радъ былъ случаю съѣсть меня, чтобы свободнѣе было тебѣ волочиться за дѣвчатами, чтобы некому было видѣть, какъ дурачится свдой дядь. Ты думаешь, я не знаю, о чемъ говорилъ ты сего вечера съ Ганною? О! я знаю все. Меня трудно провесть и не твоей безтолковой башкѣ. Я долго терплю, но послѣ не погибайся...» Сказавши это, она показала кулакъ и быстро ушла, оставивъ въ остолебеннн го-

лову. «Нѣтъ, тутъ не-на-шутку сатана вмѣшался» думалъ онъ, сильно почесывая свою макушку.

«Поймали!» вскрикнули вошедшіе въ это время десятиціе.

«Кого поймали?» спросилъ голова.

«Дьявола въ вывороченномъ тулупѣ».

«Подавайте его!» закричалъ голова, схвативъ за руки приведеннаго плѣнника. «Вы съ ума сошли: это пьяный Каленикъ».

«Что за пропасть! въ рукахъ нашихъ былъ, панъ голова. Въ переулкѣ окружили проклятые хлопцы, стали танцовать, дергать, высовывать языки, вырывать изъ рукъ... чортъ съ вами!... И какъ мы попали на эту ворону, вмѣсто его, Богъ знаетъ!»

«Властью моею и всѣхъ мірянъ, дается повелѣніе — изловить сей же мигъ сего разбойника; а онымъ образомъ и всѣхъ, кого найдете на улицѣ, и привести на расправу ко мнѣ!...»

«Помилуй, панъ голова!» закричали нѣкоторые, кланяясь въ-ноги. «Увидѣлъ бы ты, какія хари: убей Богъ насъ, и родились и крестились — не видали такихъ мерзкихъ рожъ. Дол-

го ли до грѣха, панъ голова, перепугаютъ добраго чловѣка такъ, что послѣ ни одна баба не возьмется вылечить».

«Дамъ я вамъ переполоху! Что вы? не хотите слушаться? Вы, вѣрно, держите ихъ руку? Вы бунтовщики? Что это?... Что это?... Вы заводите разбой!... Вы... Я донесу комиссару! Сей же часъ! слышите, сейчасъ. Бѣгите, летите птицею! Чтобъ я васъ... Чтобъ вы мнѣ...» Всѣ разбѣжались.

=

v.

УТОПЛЕННИЦА.

Не беспокоясь ни о чемъ, не заботясь о разсланныхъ погоняхъ, виновникъ всей этой кутерьмы медленно подходилъ къ старому дому и пруду. Не нужно, думаю, сказывать, что это былъ Левко. Черный тулупъ его былъ разстегнуть; шапку держалъ онъ въ рукъ; потъ валялся съ него градомъ. Величественно и мрачно чернѣлъ кленовый лѣсъ, осыпаясь только на

оконечности, стоявшей лицомъ къ мѣсяцу, тонкою серебряною пылью. Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталого пешехода, и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловья. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зѣницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть; голова клонилась.... «Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь!» говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянувшись: ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то странное упоминательное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда: старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, видѣнъ былъ въ немъ чистъ, и въ какомъ-то ясномъ величіи. Въмѣсто мрачныхъ ставней, глядѣли веселыя стекляныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позолота. И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось,

переселился въ глубину его, и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣтлевшими сквозь темнорусыя волны волосъ, и оперлась на локоть. И видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается... Сердце его вдругъ забилося... Вода задрожала, и окно закрылось снова. Тихо отошелъ онъ отъ пруда и взглянулъ на домъ: мрачныя ставни были открыты; стекла сіяли при мѣсяцѣ.— Вотъ какъ мало нужно полагаться на людскіе толки, подумалъ про-себя герой нашъ. Домъ новехонькій; краски живы, какъ-будто сегодня онъ выкрашенъ. Тутъ живетъ кто-нибудь.— И молча подошелъ онъ ближе, но въ домъ все было тихо. Сильно и звучно перекликались блистательныя пѣсни соловьевъ, и когда онъ, казалось, умирали въ томленіи и нѣгѣ, слышался шелестъ и трещаніе кузнечиковъ или гуденіе болотной птицы, ударявшей скользкимъ носомъ своимъ въ широкое водное зеркало; какую-то сладкую тишину и тихое раздолье ощутилъ Левко въ своемъ сердцѣ. Настроивъ бандуру, заигралъ онъ и запѣлъ:

Ой, ты місяця, мій місячечку!
И ты, зоре ясна!
Ой, свитьшь тамъ по подворью,
Де дивчина красна.

Окно тихо отворилось, и та же самая головка, которой отраженіе видѣлъ онъ въ прудѣ, взглянула, внимательно прислушиваясь къ пѣснѣ. Длиныя рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца; но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась!... Левко вздрогнулъ. «Спой мнѣ, молодой казакъ, какую-нибудь пѣсню!» тихо молвила она, наклонивъ свою голову на бокъ, и опутивъ совсѣмъ густыя рѣсницы.

«Какую же тебѣ пѣсню спѣть, моя ясная паночка?»

Слезы тихо покатались по блѣдному лицу ея. «Парубокъ» говорила она, и что-то неизяснимо-трогательное слышалось въ ея рѣчи: «парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Я ничего не пожалю для тебя. Я награжу тебя. Я тебя богато и роскошно награжу! У меня есть зарукавья, шитыя шолкомъ, кораллы, ожерелья. И подарю тебѣ полсъ, унизанный жемчугомъ. У меня золото есть... Парубокъ, найди мнѣ мою мачиху! Она

страшная вѣдьма: мнѣ не было отъ нея покою на бѣломъ свѣтѣ. Она мучила меня; заставляла работать, какъ простую мужичку. Посмотри на лицо: она вывела румянецъ своими нечистыми чарами со щекъ моихъ. Погляди на бѣлую шею мою: онѣ не смываются! онѣ не смываются! онѣ ни за что не смываются, эти синія пятна отъ железныхъ ногтей ея. Погляди на бѣлыя ноги мои: онѣ много ходили; не по коврамъ только— по песку горячему, по землѣ сырой, по колючему терновнику онѣ ходили; а на очи мои, посмотри на очи: онѣ не глядятъ отъ слезъ... Найди ее, парубокъ, найди мнѣ мою мачиху!...»

Голосъ ея, который вдругъ было-возвысился, остановился. Ручьи слезъ покатались по блѣдному лицу. Какое-то тяжелое чувство, полное жалости и грусти, сперлось въ груди парубка.

«Я готовъ на все для тебя, моя панночка!» сказалъ онъ въ сердечномъ волненіи: «но какъ мнѣ, гдѣ ее найти?»

«Посмотри, посмотри!» быстро говорила она: «она здѣсь! она на берегу играетъ въ хороводъ между моими дѣвчушками, и грѣется на мѣсяцѣ. Но она лукава и хитра. Она привяла на себя

видъ утопленницы; но я знаю, но я слышу, что она здѣсь. Мнѣ тяжело, мнѣ душно отъ нея. Я не могу чрезъ нее плавать легко и вольно, какъ рыба. Я тону и падаю на дно, какъ ключъ. Отыщи ее, парубокъ!»

Левко посмотрѣлъ на берегъ: въ тонкомъ серебряномъ туманѣ мелькали дѣвушки, легкія, какъ-будто тѣни, въ бѣлыхъ, какъ убранный ландышами лугъ, рубашкахъ; золотыя ожерелья, монеты, дукаты блистали на ихъ шеяхъ; но отъ были блѣдны; тѣло ихъ было какъ-будто свалено изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось сквозь при серебряномъ мѣсяцѣ. Хороводъ, играя, придвинулся къ нему ближе. Послышались голоса: «Давайте въ вѣрона, давайте играть въ вѣрона!» зашумѣли всѣ, будто прирѣчный тростникъ, тронутый въ тихій часъ сумерекъ воздушными устами вѣтра. «Кому же быть вѣрономъ?» Кинули жребій — и одна дѣвушка вышла изъ толпы. Левко принялся разглядывать ее. Лице, платье, все на ней такое же, какъ и на другихъ. Замѣтно только было, что она не охотно играла эту роль. Толпа вытянула вереницею и быстро перебѣгала отъ нападей хищнаго врага. «Нѣтъ, я не хочу быть

вѣрономъ!» сказала дѣвушка, изнемогая отъ усталости: «мнѣ жалко отнимать цыпленковъ у бѣдной матери!» — «Ты не вѣдьма!» подумалъ Левко. «Кто же будетъ вѣрономъ?» Дѣвушки снова собирались кинуть жребій. «Я буду вѣрономъ!» вызвалась одна изъ середины. Левко сталъ пристально вглядываться въ лицо ей. Скоро и смѣло гналась она за вереницею и кидалась во все стороны, чтобы изловить свою жертву. Тутъ Левко сталъ замѣчать, что тѣло ея не такъ светилося, какъ у прочихъ: внутри его видѣлось что-то черное. Вдругъ раздался крикъ: вѣрономъ бросился на одну изъ вереницы и схватилъ ее, и Левку почудилось, будто у ней выпустились когти и на лицѣ сверкнула злобная радость. «Вѣдьма!» сказалъ онъ, вдругъ указавъ на нее пальцемъ и оборотившись къ дому. Панночка засмѣялась, и дѣвушки съ крикомъ увели за собою представлявшую вѣрона. «Чѣмъ наградить тебя парубокъ? Я знаю, тебѣ не золото нужно: ты любишь Ганну: но суровый отецъ мѣшаетъ тебѣ жениться на ней. Онъ теперь не помѣшаетъ; возьми, отдай ему эту записку...» Бѣлая ручка протянулась, лицо ея какъ-то чудно засветилась

и засіяло... Съ неспостижимымъ трепетомъ и томительнымъ біеніемъ сердца схватилъ онъ записку и.... проснулся.

=

VI.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

«Не уже ли это я спалъ?» сказалъ про-себя Левко, вставая съ небольшого пригорка. «Такъ живо, какъ-будто наяву!... Чудно, чудно!» повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяць, остановившійся надъ его головою, показывалъ полночь; вездѣ тишина; отъ пруда вѣялъ холодъ; надъ нимъ печально стоялъ ветхій домъ съ закрытыми ставнями; мохъ и дикій бурьянъ показывали, что

давно изъ него удалились люди. Тутъ онъ разогнулъ свою руку, которая судорожно была сжата во все время сна, и вскрикнулъ отъ изумленія, почувствовавши въ ней записку. «Эхъ если бы я зналъ грамотъ!» подумалъ онъ, оборачивая ее передъ собою на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

«Не бойтесь, прямо хватайте его! Чего струсили? насъ десятокъ. Я держу закладъ, что это чловкъ, а не чортъ!» такъ кричалъ голова своимъ спутникамъ, и Левко увидѣлъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ нѣкоторые дрожали отъ страха. «Скидавай-ка, пріятель, свою страшную личину! Полно тебѣ дурачить людей!» проговорилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, вынувъ на него глаза свои: «Левко! сынъ!» вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія и опуская руки. «Это ты, собачій сынъ! вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченный дьяволъ строить штуки! А это, выходитъ, все ты, невареный кисель твоему батькѣ въ горло, изволишь заводить по улицѣ разбой, сочиняешь пѣсни!... Эге, ге, ге, Левко! А что это? Видно чешется у тебя синна! Вязать его!»

«Постой, батько! вельно тебѣ отдать эту записочку» проговорилъ Левко.

«Не до записокъ теперь, голубчикъ! Вязать его!»

«Постой, панъ голова!» сказалъ писарь, развернувъ записку: «коммисарова рука!»

«Коммисара?»

«Коммисара?» повторили машинально десацкіе.

«Коммисара? чудно! еще непонятіѣ!» подумалъ про-себя Левко.

«Читай, читай!» сказалъ голова: «что тамъ пишетъ коммисаръ?»

«Послушаемъ, что пишетъ коммисаръ!» произнесъ винокуръ, держа въ зубахъ люльку и вырубливая огонь.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макоговенку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, вмѣсто того, чтобы собрать прежнія недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ и строишь пакости...

«Вотъ, ейбогу!» прервалъ голова: «ничего не слышу!»

Писарь началъ снова:

«Приказъ головѣ, Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый ду.....»

«Стой, стой! не нужно!» закричалъ голова: «я хоть и не слышалъ, однако жъ знаю, что главнаго тутъ дѣла еще нѣтъ. Читай далѣе!»

«А въ слѣдствіе того, приказываю тебѣ сей же часъ женить твоего сына, Левка Макогоненка, на казачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петрыченковой, а также починить мосты на столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ панничамъ, хотя бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же, по приѣздѣ моемъ, найду оное приказаніе мое не приведеннымъ въ исполненіе, то тебя одного потребую къ отвѣту. Коммисаръ, оставивъ поручикъ Козьма Деркачь-Дришпановскій».

«Вотъ что!» сказалъ голова, разинувши ротъ. «Слышите ли вы, слышите ли: за все съ головы спросятъ, и потому слушаться! безпрекословно слушаться! не то, прошу извинить... А тебѣ» продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: «въ слѣдствіе приказанія коммисара, хотя чудно мнѣ, какъ это дошло до него, я женю; только напередъ попробуешь ты нагайки! Знаешь ту,

что виситъ у нея на стѣнѣхъ возлѣ покута? Я поновлю ее завтра... Гдѣ ты взялъ эту записку?»

Левко, несмотря на изумленіе, происшедшее отъ такого неожиданнаго оборота его дѣла, имѣлъ благоразуміе приготовить въ умѣ своемъ другой отвѣтъ и утаить настоящую истину, какимъ образомъ досталась записка. «Я отлучался» сказалъ онъ: «вчера ввечеру еще въ городъ и встрѣтилъ комиссара, выльзавшаго изъ брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ эту записку, и велѣлъ на словахъ тебѣ сказать, батько, что заѣдетъ на возвратномъ пути къ намъ пообѣдать».

«Онъ это говорилъ?»

«Говорилъ».

«Слышите ли?» сказалъ голова съ важною осанкою, обратившись къ своимъ спутникамъ: «коммисаръ самъ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату, т. е. ко мнѣ, на обѣдъ. О!»—Тутъ голова поднялъ палецъ вверхъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто-бы она прислушивалась къ чему-нибудь. «Коммисаръ, слышите ли, коммисаръ пріѣдетъ ко мнѣ обѣ-

дать! Какъ думаешь, панъ писарь, и ты, свать, это несовсѣмъ пустая честь! Не правда ли?»

«Еще, сколько могу припомнить» подхватилъ писарь: «ни одинъ голова не угощалъ комиссара обѣдомъ».

«Не всякій голова головъ чета!» произнесъ съ самодовольнымъ видомъ голова. Ротъ его покривился, и что-то въ родѣ тяжелаго, хриплаго смѣха, похожаго болѣе на гуденіе отдаленнаго грома, зазвучало въ устахъ. «Какъ думаешь, панъ писарь, нужно бы для именитаго гостя дать приказъ, чтобы съ каждой хаты принесли хоть по цыпленку, ну, полотна, еще кое-чего... А?...»

«Нужно бы, нужно, панъ голова!»

«А когда же свадьбу, батько?» спросилъ Левко.

«Свадьбу? Далъ бы я тебѣ свадьбу!... Ну, да для именитаго гостя... завтра вась попь и обѣнчаетъ. Чортъ съ вами! Пусть комиссаръ увидить, что значитъ исправность! Ну, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ!... Сегодняшній случай припомнилъ мнѣ то время, когда я...» При этихъ словахъ, голова пустилъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ-подлюбья.

«Ну, теперь пойдет голова рассказывать, какъ везъ царицу!» сказалъ Левко и быстрыми шагами и радостно спѣшилъ къ знакомой хатѣ, окруженной низенькими вишнями. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, добрая и прекрасная панночка!» думалъ онъ про-себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между ангелами святыми! Никому не расскажу про диво, случившееся въ эту ночь; тебѣ одной только, Галю, передамъ его: ты одна только повѣришь мнѣ и вмѣстѣ со мною помолишься за упокой души несчастной утопленницы!» Тутъ онъ приблизился къ хатѣ: окно было отперто; лучи мѣсяца проходили чрезъ него и падали на спящую передъ нимъ Ганну; голова ея оперлась на руку; щеки тихо горѣли; губы шевелились, неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись тебѣ все, что есть лучшаго на свѣтѣ; но и то не будетъ лучше нашего пробужденія!» Перекрестивъ ее, закрылъ онъ окошко и тихонько удалился. И чрезъ нѣсколько минутъ, все уже уснуло на селѣ; одинъ только мѣсяцъ такъ же блистательно и чудно плылъ въ необъятныхъ пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Такъ же торжественно дышало въ вышинѣ, и ночь,

божественная ночь, величественно догорала. Такъ же прекрасна была земля, въ дивномъ серебряномъ блескѣ; но уже никто не уживался ими: все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка только перерывалось молчаніе лаемъ собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

ПРОПАВШАЯ ГРАМАТА.

Списокъ

СТАРАГО ДАВІАНОВА

ПРОПАВШАЯ ГРАМАТА.

В Ы Л Ь,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

— Такъ вы хотите, чтобы я вамъ еще разска-
залъ про дѣда? — Пожалуй, почему же не по-
говѣить прибауткой. Эхъ старина, старина! Что
за радость, что за разгулье падеть на сердце,
когда услышишь про то, что давно-давно, и года
ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтъ! А какъ еще
впутается какой-нибудь родичъ, дѣдъ или пра-
дѣдъ — ну, тогда и рукой махни: чтобъ мнѣ

поперхнулось за акаѣнствомъ великомучениць Варварь, если не чудится, что вотъ-вотъ самъ все это дѣлаетъ, какъ-будто залѣзъ въ прадедовскую душу, или прадедовская душа шалить въ тебѣ... Итъ, мнѣ нуще всего наши дѣвчата и молодницы; покажись только на глаза имъ: «*Ома Григорьевичъ! Ома Григорьевичъ! а нуте, яку нибудь страховинку казочку! а нуте, нуте!...*» тара та та, та та та, и пойдуть и пойдуть... Разсказать-то конечно не жаль, да загляните-ка, что дѣлается съ ними въ постели. Вѣдь я знаю, что каждая дрожить подъ одеяломъ, какъ-будто бьетъ ее лихорадка, и рада бы съ головою влѣзть въ тулупъ свой. Царапни горшкомъ крыса, сама какъ-нибудь задѣнь ногою кочергу, и Боже упаси! и душа въ пяткахъ. А на другой день ничего не бывало; навизывается сызнова: разскажи ей страшную сказку, да и только. Что жъ бы такое разсказать вамъ? Вдругъ не взбредетъ на умъ... Да, разскажу я вамъ, какъ вѣдьмы играли съ покойнымъ дѣдомъ съ *дурни* *. Только зарань прошу васъ, господа, не сбивайте съ толку; а то такой кисель выйдеть, что совѣстно будетъ и въ ротъ взять. По-

* Т. е. въ дурачьи.

койный дѣдъ, надобно вамъ сказать, былъ не изъ простыхъ въ свое время казаковъ. Зналъ и твердо-онъ-то и словотиту поставить. Въ праздникъ отхватаетъ апостола, бывало, такъ, что теперь и поповичъ иной спрячется. Ну, сами знаете, что въ тогдашній времена, если собрать со всего Батурина грамотьевъ, то нечего и шапки подставлять, въ одну горсть можно было всѣхъ уложить. Стало-быть и дивиться нечего, когда всякій встрѣчный кланялся дѣду мало не въ поясъ.

Одинъ разъ, задумалось вельможному гетману послать за чѣмъ-то къ царицѣ грамоту. Тогдашній полковой писарь, вотъ нелегкая его возьми, и прозвища не вспомню... Вискрякъ не Вискрякъ, Мотузочка не Мотузочка, Голопуцекъ не Голопуцекъ... знаю только, что какъ-то чудно начинается мудреное прозвище, — позвалъ къ себѣ дѣда и сказалъ ему, что, вотъ, наряжаетъ его самъ гетманъ гонцомъ съ грамотою къ царицѣ. Дѣдъ не любилъ долго собираться: грамоту зашилъ въ шапку; вывелъ коня; чмокнулъ жену и двухъ своихъ, какъ самъ онъ называлъ, поросенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ родной отецъ хоть бы и нашего брата; и поднималъ та-

кую за собою пыль, какъ-будто бы пятнадцать хлопцевъ задумали посреди улицы играть въ кашу. На другой день, еще пѣтухъ не кричалъ въ четвертый разъ, дѣдъ уже былъ въ Конотопѣ. На ту пору была тамъ ярмарка: народу высыпало по улицамъ столько, что въ глазахъ рябѣло. Но такъ-какъ было рано, то все дремало, протянувшись на землѣ. Возлѣ коровы лежалъ гуляка-парубокъ съ покрасѣвшимъ, какъ сибирь, носомъ; подалѣ хранила, сидя, перекупка съ кремнями, сибирью, дробью и бубликами; подѣ телегою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ-москаль съ поясами и рукавицами... ну, всякаго сброду, какъ водится по ярмаркамъ. Дѣдъ пріостановился, чтобы разглядѣть хорошенько. Между-тѣмъ въ яткахъ начало мало-по-малу шевелиться: жидовки стали побрякивать флажками; дымъ повалилъ то тамъ, то сямъ кольцами, и запахъ горячихъ сластенъ понесся по всему табору. Дѣду вспало на умъ, что у него нѣтъ ни огнива, ни табаку наготовѣ: вотъ и пошелъ таскаться по ярмаркѣ. Не успѣлъ пройти двадцати шаговъ — навстрѣчу запорожець. Гуляка, и по лицу видно! Красныя, какъ

жаръ, шаровары, синій жуванъ, яркій цвѣт-
ной поясъ, при боку сабля и люлька съ мѣд-
ною цѣпочкою по самыя пяты — запорожець
да и только! Эхъ народецъ! станеть, вытя-
нется, поведеть рукою молодецкіе усы, бряк-
нетъ подковами — и пустится! да вѣдь какъ пус-
тится: ноги отплясываютъ словно веретено въ
бабьихъ рукахъ; что вихоръ, дернетъ рукою
по всемъ струнамъ бандуры, и тутъ же, под-
першия въ боки, несется въ присядку; залет-
ся пѣсней — душа гуляетъ!.. Нѣтъ, прошлю
времечко: не увидать больше запорожецевъ! Да:
такъ встрѣтились; слово-за-слово, долго ли до
знакомства? Пошли калякать, калякать, такъ,
что дѣдъ совсѣмъ уже было-позабылъ про путь
свой. Попойка завелась, какъ на свадьбѣ пе-
редъ постомъ великимъ. Только, видно, наконецъ
прискучило бить горшки и швырять въ народъ
деньгами, да и ярмаркѣ не вѣкъ же стоять!
Вотъ стоворились новые пріятели, чтобъ не раз-
лучаться и путь держать вмѣстѣ. Было давно
подъ-вечеръ, когда выѣхали они въ поле. Соли-
це убралось на отдыхъ; гдѣ-гдѣ горѣли вмѣсто
его красноватыя полосы; по полю нестрѣли ни-
вы, что праздничныя плахты чернобровыхъ мо-

лодиць. Нашего запорожца раздобарь взялъ страшный. Дѣдь и еще другой, припледшійся къ нимъ гуляка, подумали уже, не бѣсъ ли за-сѣлъ въ него. Откуда что набиралось. Исторіи и присказки такія диковинныя, что дѣдь въ-скольکو разъ хватался за бока и чуть не надса-дилъ своего живота со смѣху. Но въ полѣ ста-новилось чѣмъ далѣе, тѣмъ сумрачнѣе; и вмѣстѣ съ тѣмъ становилась несвязнѣе и молодецкая мольвь. Наконецъ разскащикъ нашъ притихъ совсѣмъ и вздрагивалъ при малѣйшемъ шорохѣ. «Ге, ге, землякъ! да ты не-на-шутку принялся считать совѣ. Ужъ думаешь, какъ бы домой, да на печь!» «Передъ вами нечего таиться» сказалъ онъ, вдругъ оборотившись и неподвижно уставивъ на нихъ глаза свои. «Знаете ли, что душа моя давно продана нечистому». — «Экая невидальщина! Кто на вѣку своемъ не знался съ нечистыми? Тутъ-то и нужно гулять, какъ говорится, на прахъ». «Эхъ, хлопцы! гулялъ бы, да въ ночь эту срокъ молодцу! Эй, братцы!» сказалъ онъ, хлопнувъ по рукамъ ихъ: «эй, не выдайте! не поспите одной ночи! Вѣкъ не забуду вашей дружбы!» Почему жъ не пособить человѣку въ такомъ го-рѣ? Дѣдь объявилъ напрямикъ, что скорѣе дастъ

онъ отрезать оселедецъ съ собственной головы, чѣмъ допустить чорта понюхать собачьей мордой своей христіанской души.

Казаки наши ѣхали бы, можетъ, и далѣе, если бы не обволокло всего неба ночью, словно чернымъ рядомъ, и въ полѣ не стало такъ же темно, какъ подъ овчиннымъ тулупомъ. Издали только мерещился огонекъ, и кони, чуя близкое стойло, торопились, насторожа уши и вковавши очи во мракъ. Огонекъ, казалось, несся на-встрѣчу, и передъ казаками показался шинокъ, повалившійся на одну сторону, словно баба на пути съ веселыхъ крестинъ. Въ тѣ поры шинки были не тѣ, чѣдъ теперь. Доброму челоуьку не только развернуться, пріударить горлащцы или гопака—прилечь даже негдѣ было, когда въ голову заберется хмель и ноги начнутъ писать покой-оппо. Дворъ былъ уставленъ весь чумацкими возами; подъ повѣтками, въ ясляхъ, въ сѣняхъ, иной свернувшись, другой развернувшись, храпѣли, какъ коты. Шинкаръ одинъ передъ каганцемъ нарѣзывалъ рубцами на палочкѣ, сколько кварть и осьмухъ высушили чумацкія головы. Дѣлъ, спросивши треть ведра на тронхъ, отправился въ сарай. Всѣ трое легли рядомъ. Только не ус-

пѣлъ онъ повернуться, какъ видигь, что его земляки спать уже мертвецкимъ сномъ. Разбудивши приставшаго къ нимъ третьяго казака, дѣдъ напомнилъ ему про данное товарищу обещаніе. Тотъ привсталъ, протеръ глаза и снова уснулъ. Нечего дѣлать, пришлось одному караулить. Чтобы чѣмъ-нибудь разогнать сонъ, осмотрѣлъ онъ всѣ возы, провѣдалъ коней, закурилъ люльку, пришелъ назадъ и сѣлъ опять подлѣ своихъ. Все было тихо, такъ что, кажись, ни одна муха не пролетѣла. Вотъ и чудится ему, что изъ-за сосѣдлаго воза что-то сѣрое выказываетъ роги. Тутъ глаза его начали смыкаться такъ, что принужденъ онъ былъ ежеминутно протирать ихъ кулакомъ и промывать оставшеюся водкой. Но какъ скоро немного прояснились они, все пропадало. Наконецъ, мало погодя, опять показывается изъ-подъ воза чудовище... Дѣдъ вытаращилъ глаза, сколько могъ; но проклятая дремота все туманила передъ нимъ; руки его окостенѣли; голова скатилась и кривкій сонъ схватилъ его такъ, что онъ повалился, словно убитый. Долго спалъ дѣдъ, и какъ пришло порядочно уже солнце его выбритуую макушку, тогда только схватился онъ на ноги. Потанувшись раза два и почесавъ спи-

ну, замѣтилъ онъ, что возовъ стояло уже не такъ много, какъ съ вечера. Чумаки, видно, потянулись еще до свѣта. Къ своимъ — казакъ спить, а запорожца нѣтъ. Выспрашивать — никто знать не знаетъ; одна только верхняя свитка лежала на томъ мѣстѣ. Страхъ и раздумье взяло дѣда. Пошелъ посмотреть коней — ни своего, ни запорожскаго! Чтò бы это значило? Положимъ, запорожца взяла нечистая сила; кто же коней? Сообразилъ все, дѣдъ заключилъ, что, вѣрно, чортъ пришелъ пѣшкомъ, а какъ до пекла недалеко, то и ступилъ его коня. Больно ему было крѣпко, что не сдержалъ казацкаго слова. — Ну, думаетъ, нечего дѣлать, пойду пѣшкомъ: авось попадетъ на дорогъ какой-нибудь барышникъ, ѣдущій съ ярмарки, какъ-нибудь уже куплю коня. — Только хватился за шанку — и шанки нѣтъ. Всплеснулъ руками покойный дѣдъ, какъ вспомнилъ, что вчера еще помѣнялись они на-время съ запорожцемъ. Кому больше утѣшить, какъ не нечистому! Вотъ тебѣ и гетманскій гостинець! Вотъ тебѣ и привезъ грамату къ царицѣ! Тутъ дѣдъ принялся угощать чорта такими прозвищами, что, думаю, ему не одинъ разъ чихалось тогда въ пеклъ. Но бранью мало пособишь; а затыл-

ка сколько ни чесалъ дѣдъ, никакъ не могъ ничего придумать. Чтò дѣлать? Кинулся достать чужаго ума: собралъ всѣхъ, бывшихъ тогда въ шинкѣ добрыхъ людей, чумаковъ и просто заѣзжихъ, и рассказалъ, что такъ и такъ, такое-то приключилось горе. Чумаки долго думали, поднерши батогами подбородки свои; крутили головами и сказали, что не слышали такого дива на крещеномъ свѣтѣ, чтобы гетманскую грамоту утащилъ чортъ. Другіе же прибавили, что когда чортъ, да москаль украдутъ что-нибудь—то поминай, какъ и звали. Одинъ только шинкаръ сидѣлъ молча въ углу. Дѣдъ и подступилъ къ нему. Ужъ когда молчить человекъ, то вѣрно зашибъ много умомъ. Только шинкаръ не такъ-то былъ щедръ на слова; и если бы дѣдъ не пользъ въ карманъ за пятью злотыми, то простоялъ бы передъ нимъ даромъ. «Я научу тебя, какъ найти грамоту» сказалъ онъ, отводя его въ сторону. У дѣда и на сердцѣ отлегло. «Я вижу уже по глазамъ, что ты казакъ — не баба. Смотри же! близко шинка будетъ поворотъ направо въ лѣсъ. Только станетъ въ полѣ примеркать, чтобы ты былъ уже наготовѣ. Въ лѣсу живутъ цыганы и выходятъ изъ норъ

своихъ ковать желѣзо, въ такую ночь, въ какую одинъ вѣдьмы ѣздятъ на своихъ кочергахъ. Чемъ они промышляютъ на-самомъ-дѣлѣ, знать тебѣ нечего. Много будетъ стуку по лѣсу, только ты не иди въ тѣ стороны, откуда заслышишь стукъ; а будетъ передъ тобой малая дорожка, мимо обожженного дерева: дорожкой этою иди, иди, иди... Станетъ тебя терновникъ царапать, густой орѣшникъ заслонять дорогу — ты все иди; и какъ придешь къ небольшой рѣчкѣ, тогда только можешь остановиться. Тамъ и увидишь кого нужно; да не забудь набрать въ карманы того, для чего и карманы сделаны... Ты понимаешь, это добро и дьяволы, и люди любятъ». Сказавши это, шинкарь ушелъ въ свою кануру и не хотѣлъ больше говорить ни слова.

Покойный дѣдъ былъ человекъ, не то чтобы изъ трусливаго десятка; бывало, встретитъ волка, такъ и хватаетъ прямо за хвостъ; пройдетъ съ кулаками промежъ казаковъ — всѣ, какъ груши, повалятся на землю. Однако жъ, что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ винномъ под-

валъ; только слышно было, что далеко, далеко
вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ
по верхушкамъ деревь, и деревья, что охмѣльв-
шія казацкія головы, разгульно покачивались,
шопоча листьями пьяную моль. Какъ вотъ за-
вѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и
про овчинный тулупъ свой, и вдругъ словно
сто молотовъ застучало по лѣсу такимъ стукомъ,
что у него зазвенѣло въ головѣ. И будто зар-
ницею, освѣтило на минуту весь лѣсъ. Дѣдъ
тотчасъ увидѣлъ дорожку, пробравшуюся про-
межъ мелкимъ кустарникомъ. Вотъ и обожженное
дерево и кусты терновника! Такъ, все такъ,
какъ было ему говорено; нѣтъ, не обманулъ
шивкарь. Однако жъ несовсѣмъ весело было
продираться черезъ колочіе кусты; еще отъ-ро-
ду не видалъ онъ, чтобы проклятые шипы и
сучья такъ больно царапались: почти на каж-
домъ шагу забираю его вскрикнуть. Мало-по-
малу, выбрался онъ на просторное мѣсто и сколь-
ко могъ замѣтить, деревья рѣдѣли и становились,
чѣмъ далѣе, такія широкія, какихъ дѣдъ не ви-
дывалъ и по ту сторону Польши. Глядь, между
деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно
вороневая сталь. Долго стоялъ дѣдъ у берега,

посматривая на всѣ стороны. На другомъ берегу горитъ огонь, и, кажется, вотъ - вотъ готовится погаснуть и снова отсвѣчивается въ рѣкъ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ казачьихъ лапахъ. Вотъ и мостикъ! Ну, тутъ одна только чертовская таратайка развѣ проѣдетъ. Дѣдъ однако жъ ступилъ смѣло; и скорѣе, чѣмъ бы иной успѣлъ достать рожокъ, понюхать табаку, былъ уже на другомъ берегу. Теперь только разглядѣлъ онъ, что возлѣ огня сидѣли люди и такіа смазливья рожки, что въ другое время, Богъ знаетъ, чего бы не далъ, лишь бы ускользнуть отъ этого знакомства. Но теперь нечего дѣлать, нужно было завязаться. Вотъ дѣдъ и отвѣсилъ имъ поклонъ, мало не въ-поясъ: «Помогай Богъ вамъ, добрые люди!» Хотъ бы одинъ кивнулъ головой; сидятъ, да молчатъ, да что-то сыплютъ въ огонь. Видя одно место незанятымъ, дѣдъ безъ всякихъ околнчностей сѣлъ и самъ. Смазливья рожки ничего; ничего и дѣдъ. Долго сидѣли молча. Дѣду уже и прискучило; давай шарить въ карманъ: вынулъ люльку, посмотрѣлъ вокругъ — ни одинъ не глядитъ на него. «Уже, добродѣйство, будьте ласковы: какъ бы такъ, чтобы, примѣрно сказать, того...

(Дѣдъ живаль въ свѣтъ не мало, зналь уже какъ подпускать турусы и прислучаѣ, пожалуй, и предъ царемъ не удариль бы лицомъ въ грязь) что-бы, примѣрно сказать, и себя не забыть, да и васъ не обидѣть — люлька-то у меня есть, да того, чѣмъ бы зажечь ее, *чортъ-ма* (не имѣется)». И на эту рѣчь хоть бы слово; только одна рожа сунула горячую головню прямехонько дѣду въ лобъ, такъ, что если бы онъ немного не посторонился, то, статья можетъ, распрощался бы на-вѣки съ однимъ глазомъ. Видя наконецъ, что время даромъ проходитъ, рѣшился — будетъ ли слушать нечистое племя, или нѣтъ — рассказать дѣло. Рожи и уши наставили и лапы протянули. Дѣдъ догадался; забралъ въ горсть всѣ бывшія съ нимъ деньги, и кинулъ, словно собакамъ, имъ въ средину. Какъ только кинулъ онъ деньги, все передъ нимъ перемѣшалось, земля задрожала, и какъ уже, онъ и самъ рассказать не умѣлъ, поналъ чуть ли не въ самое пекло. Батюшки мои! ахнулъ дѣдъ, разглядѣвши хорошенько: что за чудища! рожи на рожи, какъ говорится, не видно. Вѣдьмъ такая гибель, какъ случается иногда на рождество выпадеть снѣгу: разряжены, размазаны, словно

панночки на ярмаркѣ. И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмѣльные, отплясывали какого-то чертовскаго тропака. Пыль подняли, Боже упаси, какую! Дрожь бы пропала крещенаго челоуѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя. На дѣда, несмотря на весь страхъ, смѣхъ напалъ, когда увидѣлъ, какъ черти съ собачьими мордами, на нѣмецкихъ ножкахъ, вертя хвостами, увивались около вѣдьмъ, будто парни около красныхъ дѣвушекъ; а музыканты тузили себя въ щеки кулаками, словно въ бубны, и свистали носами, какъ въ волторны. Только завидѣли дѣда — и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козлиныя, дрофиныя, лошадиныя рыла, всѣ повытягивались, и вотъ, такъ и лезутъ цаловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотона до Батурина. Ну, это еще несовсѣмъ худо, подумалъ дѣдъ, завидѣвши на столѣ свинину, колбасы, крошечный съ капустой лукъ и много всякихъ сластей; видно, дьявольская сволочь не держитъ постовъ. Дѣдъ, таки не мѣшасть вамъ знать, не упустилъ при случаѣ перехватить того-сего на зубы. Ыдаль,

покойникъ, аппетитно; и потому, не распускаясь на рассказы, придвинулъ къ себѣ миску съ наръзаннымъ саломъ и окорокъ ветчины; взялъ вилку, мало чѣмъ поменьше тѣхъ вилъ, которыми мужикъ беретъ сѣно, захватилъ ею самый увѣсистый кусокъ, поставилъ корку хлѣба и — глядь и отправилъ въ чужой ротъ. Вотъ-вотъ возлѣ самыхъ ушей, и слышно даже, какъ чья-то морда жуетъ и щелкаетъ зубами на весь столъ. Дѣдъ ничего; схватилъ другой кусокъ и вотъ, кажись, и по губамъ зацѣпилъ, только опять не въ свое горло. Въ третій разъ — снова мимо. Взбѣленился дѣдъ: позабылъ и страхъ, и въ чьихъ лапахъ находится онъ. Прискочилъ къ вѣдьмамъ: «что вы, родово племя, задумали смѣяться, что ли, надо мною? Если не отдадите, сей же часъ, моей казацкой шапки, то будь я католикъ, когда не перерочу свиныхъ рылъ вашихъ на затылокъ!» Не успѣлъ онъ докончить послѣднихъ словъ, какъ всѣ чудовища выскалили зубы и подняли такой смѣхъ, что у дѣда на душѣ захолоуло. «Ладно!» провизжала одна изъ вѣдьмъ, которую дѣдъ почелъ за старшую надъ всеми, потому что личина у нея была чуть ли не красивѣе

всѣхъ: «шанку отдадимъ тебѣ, только не прежде, пока сыграешь съ нами три раза въ дурня!» Что прикажешь дѣлать? Казаку състь съ бабами въ дурня! Дѣдъ отпираться, отпираться, наконецъ сълъ. Принесли карты, замасленныя, какими только у насъ поповны гадаютъ про жениховъ. «Слушай же!» залаяла вѣдьма въ другой разъ: «если хоть разъ выиграешь — твоя шанка; когда же всѣ три раза останешься дурнемъ, то не прогибывайся, не только шанки, можетъ, и свѣта болѣе не увидишь!» «Сдавай, сдавай, хрычовка! что будетъ, то будетъ». Вотъ и карты розданы. Взялъ дѣдъ свои въ руки — смотреть не хочется, такая дрянь: хоть бы на-смѣхъ одинъ козырь. Изъ масти десятка самая старшая, парь даже нѣтъ; а вѣдьма все подваливаетъ пятериками. Пришлось остаться дурнемъ! Только-что дѣдъ успѣлъ остаться дурнемъ, какъ со всѣхъ сторонъ заржали, залаяли, захрюкали морды: «дурень, дурень! дурень!» — «Чтобъ вы перелопатились, дьявольское племя!» закричалъ дѣдъ, затыкая пальцами себѣ уши. Ну, думаетъ, вѣдьма подтасовала; теперь я самъ буду сдавать. Сдалъ; засвѣтилъ козыря; поглядѣлъ на карты: масть хоть куда, козыри

есть. И сначала дѣло шло, какъ нельзя лучше; только вѣдьма пятерикъ съ королями! У дѣда на рукахъ одни козыри; не думая, не гадая долго, хватъ королей всѣхъ по усамъ козырями. «Ге, ге! да это не по-казацки! А чѣмъ ты кроешь, землякъ?» — «Какъ чѣмъ? козырями!» — «Можетъ-быть, по-вашему это и козыри, только по нашему нѣтъ!» Глядь — въ-самомъ-дѣлѣ простая масть. Что за дьявольщина! Пришлось въ другой разъ быть дурнемъ, и чертанье пошло снова драть горло: «дурень! дурень!» такъ, что столъ дрожалъ и карты прыгали по столу. Дѣдъ разгорячился; сдалъ въ послѣдній. Опять идетъ ладно. Вѣдьма опять пятерикъ; дѣдъ покрымъ и набралъ изъ колоды полную руку козырей. «Козырь!» вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, покрыла осьмеркою масти. «А чѣмъ ты, старой дьяволъ, бьешь!» Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. «Вишь, бѣсовское обморочиванье!» сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ, что силы, по столу. Къ-счастію еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору пары. Сталъ набирать кар-

ты изъ колоды, только мочи нѣтъ: дряннъ такал лѣзеть, что дѣдъ и руки опустилъ. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ, уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. «Вотъ тебѣ на! это что? э, э, вѣрно, что-нибудь да не такъ!» Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ — и перекрестилъ; глядъ — у него на рукахъ тузъ, король, ваетъ козырей; а онъ вмѣсто шестерки спустилъ краю. «Ну, дурень же я былъ! Король козырей! Что! приняла? а? кошечье отродье!... А туза не хочешь? Тузъ! ваетъ!...» Громъ пошелъ по пеклу; на вѣдьму напали корчи, и откуда ни возмись—шанка бухъ дѣду прямехонько въ лицо. «Нѣтъ, этого мало!» закричалъ дѣдъ, прихрабрившись и надѣвъ шанку. «Если сейчасъ не станеть передо мною молодецкѣй конь мой, то вотъ, убей меня громъ на этомъ самомъ нечистомъ мѣстѣ, когда я не перекрещу святымъ крестомъ всѣхъ васъ!» и уже было и руку подиялъ, какъ вдругъ загремѣли передъ нимъ конскія кости. «Вотъ тебѣ конь твой!» Заплакалъ, бѣдняга, глядя на нихъ, какъ дитя неразумное. Жаль стараго товарища! «Дайте жъ мнѣ какого-нибудь коня, выбраться изъ гнѣзда вашего!» Чортъ хлопнулъ араши-

никомъ — конь, какъ огонь, взвился подь нимъ, и дѣдъ, что птица, вынесся наверхъ.

Страхъ однако жъ напалъ на него посреди дороги, когда конь, не слушаясь ни крику, ни поводовъ, скакалъ черезъ провалы и болота. Въ какихъ мѣстахъ онъ не былъ, такъ дрожь забирала при однихъ разказахъ. Глянулъ какъ-то себѣ подь ноги — и пуще перепугался: пропасть! крутизна страшная! А сатанинскому животному и нужды нѣтъ: прямо черезъ нее. Дѣдъ держаться: не тутъ-то было. Черезъ пни, черезъ кочки полетѣлъ стремглавъ въ провалъ и такъ хватился на днѣ его о землю, что, кажись, и духъ вышибло. По-крайней-мѣрь, что дѣялось съ нимъ въ то время, ничего не помнилъ; и какъ очнулся немного и осмотрѣлся, то уже разсвѣло совсѣмъ; передъ нимъ мелькали знакомыя мѣста, и онъ лежалъ на крышѣ своей же хаты.

Перекрестился дѣдъ, когда слѣзъ долой. Экая чертовщина! что за пропасть, какія съ человѣкомъ чудеса дѣлаются! Глядь на руки — всѣ въ крови; посмотрѣлъ въ стоявшую сторчмя бочку съ водою — и лицо также. Обмывшись хорошенько, чтобы не испугать дѣтей, входитъ онъ по-

тихоньку въ хату; смотреть: дѣти пятаются къ нему задомъ и въ испугѣ указываютъ ему пальцами, говоря: «*Дывысь, дывысь, маты, мось дурна, скаче!*»» И въ самомъ дѣль, баба сидитъ, заснувши передъ гребнемъ, держитъ въ рукахъ веретено и сонная подпрыгиваетъ на лавкѣ. Дѣль, взявши за руку потихоньку, разбудилъ ее: «Здравствуй жена! здорова ли ты?» Та долго смотрѣла, выспучивши глаза, и наконецъ уже узнала дѣда, и рассказала, какъ ей спилось, что нечъ ѣздила по хатъ, выгоняя вонъ лопатою горшки, лоханки и чортъ знаетъ, что еще такое. «Ну, говорить дѣль, тебѣ во снѣ, мнѣ на яву. Пужно, вижу, будетъ освятить нашу хату; мнѣ же теперь мѣшкать нечего». Сказавши это и отдохнувши немного, дѣль досталъ коня и уже не останавливался ни днемъ, ни ночью, пока не добхалъ до мѣста и не отдалъ грамоты самой царицѣ. Тамъ навидѣлся дѣль такихъ дивъ, что стало ему надолго послѣ того рассказывать: какъ повели его въ палаты, такія высокія, что если бы хатъ десять поставить одну на другую, и тогда, можетъ быть, не достало бы. Какъ заглянулъ онъ въ

* Смотри! смотри! мать, какъ сумасшедшая, скачетъ!

одну комнату — нѣтъ; въ другую — нѣтъ; въ третью — еще нѣтъ; въ четвертой даже нѣтъ; да въ пятой уже, глядь — сидитъ сама, въ золотой коронѣ, въ сѣрой новехонькой свиткѣ, въ красныхъ сапогахъ и золотыя галушки бѣтъ. Какъ велѣла ему насыпать цѣлую шапку синицами, какъ... всего и вспомнить нельзя. Обѣ возиѣ своей съ чертями дѣдъ и думать позабылъ, и если случалось, что кто-нибудь и напоминалъ объ этомъ, то дѣдъ молчалъ, какъ будто не до него и дѣло шло, и великаго стоило труда упросить его пересказать все, какъ было. И видно уже въ наказаніе, что не спохватился тотчасъ послѣ того освятить хату, бабѣ, ровно черезъ каждый годъ, и именно въ то самое время, дѣлалось такое диво, что танцуется, бывало, да и только. За чтò ни примется, ноги затывають свое, и вотъ, такъ и дергаеть пуститься въ присядку.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

В Е Ч Е Р А

НА ХУТОРЬ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

=

П О В Ъ С Т И,

ИЗДАНЫИ

ПАСИЧНИКОМЪ РУДЫМЪ ПАНЬКОМЪ.

=

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

=

REPER

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

1881

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ САНКТЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вотъ вамъ и другая книжка, а лучше сказать, послѣдняя! Не хотѣлось, крѣпко не хотѣлось выдавать и этой. Право, пора знать честь. Я вамъ скажу, что на хуторѣ уже начинаютъ смѣяться надо мною: «вотъ, говорятъ, одурѣлъ старый дѣдъ: на старости лѣтъ тѣшитя ребяческими игрушками!» И точно, давно пора на покой. Вы, любезные читатели, вѣрно думаете, что я прикидываюсь только старикомъ. Куда тутъ прикидываться, когда во рту совсѣмъ зубовъ нѣтъ! Теперь, если что мягкое попадется, то буду какъ-нибудь жевать, а твердое-то ни за что не откушу. Такъ вотъ

вамъ опять книжка! Не бранитесь только! Не хорошо браниться на прощаньи, особенно съ тѣмъ, съ кѣмъ, Богъ знаетъ, скоро ли увидите. Въ этой книжкѣ услышите рассказиковъ все почти для васъ незнакомыхъ, выключая только развѣ Оомы Григорьевича. А того гороховаго панича, что рассказывалъ такимъ вычурнымъ языкомъ, котораго много остряковъ и изъ московскаго народу не могло понять, уже давно нѣтъ. Послѣ того, какъ разсорился со всѣми, онъ и не заглядывалъ къ намъ. Да, я вамъ не рассказывалъ этого случая? Послушайте, тутъ прекомедія была. Прошлый годъ, такъ какъ-то около мѣта, да чуть ли не на самый день моего патрона, пріѣхали ко мнѣ въ гости (нужно вамъ сказать, любезные читатели, что земляки мои, дай Богъ имъ здоровье, не забываютъ старика. Уже есть пятидесятый годъ, какъ я зачалъ помнить свои именины; который же точно мнѣ годъ, этого ни я, ни старуха моя вамъ не скажемъ; должно быть, близъ семидесяти. Диканьскій-то попъ, отецъ Харлампій, зналъ, когда я родился; да жаль,

что уже пятьдесят лѣтъ, какъ его иѣтъ на свѣтѣ.) Вотъ, пріѣхали ко мнѣ гости: Захаръ Кирилловичъ Чухолупенко, Степанъ Ивановичъ Курочка, Тарасъ Ивановичъ Смачневскій, за-сѣдатель Харлампій Кирилловичъ Хлоста; пріѣхалъ еще... вотъ позабылъ, право, имя и фамилію, Осипъ... Осипъ... Боже мой, его знаеть весь Миргородъ! онъ еще, когда говорить, то всегда шелкнетъ напередъ пальцемъ и подопрется въ боки... Ну, Богъ съ нимъ! въ другое время вспомню. Пріѣхалъ и знакомый вамъ паннчъ изъ Полтавы. Омы Григорьевича я не считаю: то уже свой человекъ. Разговорились всѣ (опять нужно вамъ замѣтить, что у насъ никогда о пустякахъ не бываетъ разговора: я всегда люблю приличные разговоры, чтобы, какъ говорятъ, вмѣстѣ и услажденіе и назидательность была), разговорились объ томъ, какъ нужно солить яблоки. Старуха моя начала-было говорить, что нужно напередъ хорошенько вымыть яблоки, потомъ намочить въ квасу, а потомъ уже... «Ничего изъ этого не будетъ!» подхватилъ полтавецъ, заложивши руку въ го-

роховый кафтанъ свой и прошедши важнымъ шагомъ по комнатѣ: «ничего не будетъ! Прежде всего нужно пересыпать кануперомъ, а потомъ уже...» Ну, я на васъ ссылаюсь, любезные читатели, скажите по совѣсти, слышали ли вы когда-нибудь, чтобы яблоки пересыпали кануперомъ? Правда, кладутъ смородиновый листъ, нечуй-вѣтеръ, трилистникъ; но чтобы клали кануперъ... нѣтъ, я не слыхивалъ объ этомъ. Уже, кажется, лучше моей старухи никто не знаетъ про эти дѣла. Ну, говорите же вы! Нарочно, какъ добраго человѣка, отвелъ я его потихоньку въ-сторону: «Слушай, Макаръ Назаровичъ, эй, не смѣши народъ! Ты человѣкъ немаловажный: самъ, какъ говоришь, обѣдалъ разъ съ губернаторомъ за однимъ столомъ. Ну, скажешь что-нибудь подобное тамъ, вѣдь тебя же осмѣютъ всѣ!» Что жъ бы вы думали, онъ сказалъ на это? Ничего! плюнулъ на полъ, взялъ шапку и вышелъ. Хотъ бы простился съ кѣмъ, хотъ бы кивнулъ кому головою; только слышали мы, какъ подѣхала къ воротамъ тележка съ звон-

комъ; сѣлъ и уѣхалъ. И лучше! Не нужно намъ такихъ гостей! Я вамъ скажу, любезные читатели, что хуже нѣтъ ничего на свѣтѣ, какъ эта знать. Что его дядя былъ когда-то комиссаромъ, такъ и носъ несетъ вверхъ. Да будто комиссаръ такой уже чинъ, что выше нѣтъ его на свѣтѣ! Слава Богу, есть и больше комиссара. Нѣтъ, не люблю я этой знати. Вотъ вамъ въ-примѣръ Оома Григорьевичъ; кажется, и не знатный человекъ, а посмотрѣть на него: въ лицѣ какая-то важность сіяетъ, даже когда станеть нюхать обыкновенный табакъ, и тогда чувствуешь невольное почтеніе. Въ церкви, когда запоетъ на крылосѣ — умиленіе неизобразимое! растаялъ бы, казалось, весь!.. А тотъ... ну, Богъ съ нимъ! онъ думаетъ, что безъ его сказокъ и обойтись нельзя. Вотъ все же таки-набралась книжка.

Я, помнится, обѣщала вамъ, что въ этой книжкѣ будетъ и моя сказка. И точно, хотѣлъ-было это сдѣлать, но увидѣлъ, что для сказки моей нужно, по-крайней-мѣрѣ, три такихъ книжки. Думалъ-было особо напечатать ее, но

передумалъ. Вѣдь я знаю васъ: станете смѣяться надъ старикомъ. Нѣтъ, не хочу! Прощайте! Долго, а можетъ-быть, совсѣмъ не увидимся. Да что? вѣдь вамъ все равно, хоть бы и не было совсѣмъ меня на свѣтѣ. Пройдетъ годъ, другой — и изъ васъ никто послѣ не вспомнить и не пожалѣетъ о старомъ пасичникѣ Рудомъ Панькѣ.

Н О Ч Ъ

ПЕРЕДЪ

Р О Ж Д Е С Т В О М Ъ.

С П О Ш

КНИЖКА

Г О М О Л О Г И Я

Н О Ч Ь

ПЕРЕДЪ

РОЖДЕСТВОМЪ.

—

Последній день передъ рождествомъ прошелъ. Зимняя, ясная ночь наступила; глянули звѣзды; мѣсяць величаво поднялся на небо посвѣтить добрымъ людямъ и всему міру, чтобы всемъ было весело колядовать и славить Христа *. Мо-

* Колядовать у насъ называется пѣть подъ окнами накануне рождества пѣсни, которыя называются колядками. Тому, кто колядуетъ, всегда кидаютъ въ мѣшокъ хозяина, или хозяинъ, или кто остается дома, колбасу, или хлѣбъ, или медный грошъ, чѣмъ кто богатъ. Говорять, что былъ когда-то болванъ Коля-

розило сильнѣе, чѣмъ съ утра; но за то такъ было тихо, что скрышь мороза подь сапогомъ слышался за полверсты. Еще ни одна толпа парубковъ не показывалась подь окнами хатъ; мѣсяцъ одинъ только заглядывалъ въ нихъ украдкою, какъ-бы вызывая принаряживавшихся дѣвушекъ выбѣжать скорѣе на скрышучій снѣгъ. Тутъ черезъ трубу одной хаты клубами повалился дымъ и пошелъ тучею по небу и, вмѣстѣ съ дымомъ, поднялась вѣдьма верхомъ на метлѣ.

Если бы въ это время проѣзжалъ сорочинскій засѣдатель на тройкѣ обывательскихъ лошадей, въ шапкѣ съ барашковымъ околышкомъ, сдѣланной по манеру уланскому, въ синемъ тулупѣ, подбитомъ черными смушками, съ дьявольски-сплетенною плетью, которою имѣетъ онъ обыкновеніе подгонять своего ямщика, то онъ вѣрно бы примѣтилъ ее, потому-что отъ сорочинскаго засѣдателя ни одна вѣдьма на свѣтѣ

да, котораго принимали за Бога, и что будто отъ того пошли и колядки. Кто его знаетъ? Не намъ, простымъ людямъ, объ этомъ толковать. Пршлый годъ отецъ Осипъ запретилъ-было колядовать по хуторамъ, говоря, что будто этимъ народъ угождаетъ сатанѣ. Однако жъ, если сказать правду, то въ колядкахъ и слова нѣтъ про Коляду. Поютъ часто про рождество Христа, а при концѣ желаютъ здоровья хозяйину, хозяйкѣ, дѣтямъ и всему дому.

Замѣчаніе пасичника.

не ускользнетъ. Онъ знаетъ наперечетъ, сколько у каждой бабы свинья мечетъ поросятъ, и сколько въ сундукъ лежитъ полотна, и что именно изъ своего платья и хозяйства заложить добрый человекъ въ воскресный день въ шинкѣ. Но сорочинскій заседатель не проѣзжалъ, да и какое ему дѣло до чужихъ: у него своя волость. А вѣдьма, между-тѣмъ, поднялась такъ высоко, что однимъ только чернымъ пятнышкомъ мелькала вверху. Но гдѣ ни показывалось пятнышко, тамъ звезды, одна за другою, пропадали на небѣ. Скоро вѣдьма набрала ихъ полный рукавъ. Три, или четыре еще блестяли. Вдругъ, съ противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукій, хотя бы надѣлъ на носъ, вмѣсто очковъ, колеса съ комисаровой брички, и тогда бы не распозналъ, что это такое. Спереди совершенно нѣмецъ*: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и нюхавшая все, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, какъ и у нашихъ свиней, кругленькимъ

* Нѣмцевъ называютъ у насъ всякаго, кто только изъ чужой земли, хоть будь онъ французъ, или пессарець, или шведъ — все нѣмецъ.

пяточкомъ; ноги были такъ тонки, что если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ. Но за то сзади онъ былъ настоящій губернской стряпчій въ мундирѣ, потому-что у него висѣлъ хвостъ, такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подь мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлье трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернской стряпчій, а просто чортъ, которому послѣдняя ночь осталась шататься по бѣлому свѣту и выучивать грѣхамъ добрыхъ людей. Завтра же, съ первыми колоколами къ заутренѣ, побѣжить онъ безъ оглядки, поджавши хвостъ, въ свою берлогу. Между тѣмъ чортъ крался потихоньку къ мѣсяцу, и уже протянулъ-было руку схватить его; но вдругъ отдернулъ ее назадъ, какъ-бы обжегшись, пососалъ пальцы, заболталъ ногою и забѣжалъ съ другой стороны, и снова отскочилъ и отдернулъ руку. Однако жъ, несмотря на всѣ неудачи, хитрый чортъ не оставилъ своихъ проказъ. Подбѣжавши, вдругъ схватилъ онъ обѣими руками мѣсяцъ, кривляясь и дуя,

перекидывалъ его изъ одной руки въ другую, какъ мужикъ, доставшій голыми руками огню для своей люльки; наконецъ поспѣшно спряталъ въ карманъ и, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ, побѣжалъ далѣе. Въ Диканькѣ никто не слышалъ, какъ чортъ укралъ мѣсяцъ. Правда, волостной писарь, выходя на четверенькахъ изъ шинка, видѣлъ, что мѣсяцъ, ни-съ-сего, ни-съ-того, танцевалъ на небѣ, и увѣрялъ съ божбою въ томъ все село; но мѣряне качали головами и даже подымали его на смѣхъ. Но какаѣ же были причины рѣшиться чорту на такое беззаконное дѣло? А вотъ какаѣ: онъ зналъ, что богатый казакъ Чубъ приглашенъ дьякомъ на кутю, гдѣ будутъ: голова, прѣбывшій изъ архіерейскій пѣвческой родичъ дьяка, въ синемъ сюртукѣ, бравшій самаго низкаго баса, казакъ Свербыгузь и еще кое-кто; гдѣ, кромѣ кутни, будетъ варенуха, перегонная на шафранъ водка и много всякаго съѣстнаго. А между-тѣмъ его дочка, красавица на всемъ селѣ, останется дома, а къ дочкѣ, навѣрное, придетъ кузнецъ, силачъ и дѣтина хоть-куда, который чорту былъ противнѣе проповѣдей отца Ковдрата. Въ досужее отъ дѣлъ время куз-

нецъ занимался малеваніемъ и слылъ лучшимъ живописцемъ во всемъ окологдѣ. Самъ, еще тогда здравствовавшій, сотникъ Л...ко вызвалъ его нарочно въ Полтаву въкрасить досчатый заборъ около своего дома. Всѣ миски, изъ которыхъ диканскіе казаки хлебали борщъ, были размалеваны кузнецомъ. Кузнецъ былъ богобоязливый человекъ и писалъ часто образа святыхъ, и теперь еще можно найти въ Г... церкви его евангелиста Луку. Но торжествомъ его искусства была одна картина, намалеванная на стѣнѣ церковной въ правомъ притворѣ, на которой изобразилъ онъ святаго Петра въ день страшнаго суда, съ ключами въ рукахъ, изгонявшаго изъ ада злаго духа: испуганный чортъ метался во всѣ стороны, предчувствуя свою гибель, а заключенные прежде грѣшники били и гоняли его кнутами, полѣнами и всѣмъ, чѣмъ ни понало. Въ то время, когда живописецъ трудился надъ этою картиною и писалъ ее на большой деревянной доскѣ, чортъ всѣми силами старался мѣшать ему: толкалъ невидимо подъ руку, подымалъ изъ горнила въ кузницѣ золу и обсыпалъ ею картину; но несмотря на все, работа была кончена, доска внесена въ церковь

и вдѣлана въ стѣну притвора, и съ той поры чортъ поклялся мстить кузнецу. Одна только ночь оставалась ему шататься на бѣломъ свѣтѣ; но и въ эту ночь онъ выскивалъ чѣмъ-нибудь выместить на кузнеца свою злобу. И для этого рѣшился украсть мѣсяць, въ той надеждѣ, что старый Чубъ лѣнивъ и не легокъ на подъемъ, къ дѣяку же отъ избы не такъ близко: дорога шла по заселамъ, мимо мельницъ, мимо кладбища; огибала оврагъ. Еще при мѣсячной ночи варенуха и водка, настоящая на шафранъ, могла бы заманить Чуба; но въ такую темноту врядъ-ли бы удалось кому стащить его съ печки и вызвать изъ хаты. А кузнецъ, который былъ издавна не въ ладахъ съ нимъ, при немъ ни за что не отважится идти къ дочкѣ, несмотря на свою силу. Такии-то образомъ, какъ только чортъ спряталъ въ карманъ свой мѣсяць, вдругъ по всему міру сдѣлалось такъ темно, что не всякій бы нашелъ дорогу къ шинку, не только къ дѣяку. Вѣдьма, увидѣвши себя вдругъ въ темнотѣ, вскрикнула. Тутъ чортъ, подѣхавши мелкимъ бѣсомъ, подхватилъ ее подъ руку и пустился напентывать на ухо то самое, что обыкновен-

но нашептываютъ всему женскому роду. Чудно устроено на нашемъ свѣтѣ! Все, что ни живеть въ немъ, все силится перенимать и перездразнивать одинъ другаго. Прежде, бывало, въ Миргородѣ одинъ судья да городничій хаживали зимою въ крытыхъ сукномъ тулупахъ, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и засѣдатель, и подкоморій отсмалили себѣ новыя шубы изъ рѣшетловскихъ смушекъ съ суконною покрывкою. Канцеляристъ и волостной писарь, третьяго году взяли синей китайки по шести гривенъ аршинъ. Пономарь сдѣлалъ себѣ нанковыя на лѣто шаровары и жилетъ изъ полосатаго гаруса. Словомъ, все лѣзетъ въ люди! Когда эти люди не будутъ суетны! Можно побиться объ закладъ, что многимъ покажется удивительно видѣть чорта, пустившагося и себѣ туда же. Досаднѣе всего то, что онъ вѣрно воображаетъ себя красавцемъ, между-тѣмъ какъ фигура — взглянуть совѣстно. Рожа, какъ говоритъ Оома Григорьевичъ, мерзость мерзостью, однако жъ и онъ строитъ любовныя куры! Но на небѣ и подъ небомъ такъ сдѣлалось темно, что

ничего нельзя уже было видеть, что происходило далее между ними.

«Такъ ты, кумъ, еще не былъ у дьяка въ новой хать!» говорилъ казакъ Чубъ, выходя изъ дверей своей избы, сухощавому, высокому, въ короткомъ тулупъ мужику съ обросшею бородою, показывавшею, что уже болѣе двухъ недѣль не прикасался къ ней обломокъ косы, которымъ обыкновенно мужики брѣютъ свою бороду, за немѣниемъ бритвы. «Тамъ теперь будетъ добрая попойка!» продолжалъ Чубъ, осклабивъ при этомъ свое лицо. «Какъ бы только намъ не опоздать». При семъ Чубъ поправилъ свой поясъ, перехватывавшій плотно его тулупъ, нахлобучилъ крѣпче свою шапку, стиснулъ въ рукъ кулаки — страхъ и грозу докучливыхъ собакъ; но, взглянувъ вверхъ, остановился... «Что за дьяволъ! Смотри! смотри, Панасъ!...» «Что?» произнесъ кумъ и поднялъ свою голову также вверхъ. «Какъ что? мѣсяца нѣтъ!»

«Что за пропасть! Въ-самомъ-дѣль нѣтъ мѣсяца».

«То-то что нѣтъ!» выговорилъ Чубъ съ нѣкоторою досадою на неизмѣнное равнодушіе кума. «Тебѣ, небось, и нужды нѣтъ».

«А что мнѣ дѣлать?»

«Надобно же было» продолжалъ Чубъ, утирая рукавомъ усы: «какому-то дьяволу, чтобъ ему не довелось, собакъ, поутру рюмки водки выпить, вмѣшаться!... Право, какъ-будто насмѣхъ... Нарочно, сидѣвши въ хатѣ, глядѣлъ въ окно: ночь — чудо! Свѣтло; снѣгъ блещетъ при мѣсяцѣ. Все было видно, какъ днемъ. Не успѣлъ вытти за дверь, и вотъ, хоть глазъ выколи!» Чубъ долго еще ворчалъ и бранился, а между-тѣмъ, въ то же время, раздумывалъ, на что бы рѣшиться. Ему до смерти хотѣлось покалякать о всякомъ вздорѣ у дьяка, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, сидитъ уже и голова, и привѣзжій басъ, и дегтярь Микита, вздившій черезъ каждыя двѣ недѣли въ Полтаву на торги и отпускавшій такія шутки, что всѣ міряне брались за животы со смѣху. Уже видѣлъ Чубъ мысленно стоящую на столѣ варенуху. Все это было заманчиво, правда; но темнота ночи напомнила

ему о той лѣни, которая такъ мила всемъ казакамъ. Какъ бы хорошо теперь лежать, поджавши подъ себя ноги, на лежанкѣ, курить спокойно люльку и слушать сквозь упительную дремоту колядки и пѣсни веселыхъ парубковъ и дѣвушекъ, толпящихся кучами подъ окнами. Онъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшился на послѣднее, если бъ былъ одинъ; но теперь обонимъ не такъ скучно и страшно итти темною ночью, да и не хотѣлось-таки показаться передъ другими лѣнивымъ, или трусливымъ. Окончивши побранки, обратился онъ снова къ куму.

«Такъ нѣтъ, кумъ, мѣсяца?»

«Нѣтъ».

«Чудно, право. А дай понюхать табаку! У тебя, кумъ, славный табакъ! Гдѣ ты берешь его?»

«Кой чортъ, славный!» отвѣчалъ кумъ, закрывая берестовую тавлинку, исколотую узорами: «старая курица не чихнетъ!»

«Я помню» продолжалъ все такъ же Чубъ: «мнѣ покойный шинкаръ Зузуля разъ привезъ табакъ изъ Нежина. Эхъ, табакъ былъ! добрый табакъ былъ! Такъ что же, кумъ, какъ намъ быть? вѣдь темно на дворѣ».

«Такъ, пожалуй, останемся дома» произнесъ кумъ, ухватясь за ручку двери.

Если бы кумъ не сказалъ этого, то Чубъ вѣрно бы рѣшился остаться; но теперь его какъ-будто что-то дергало итти наперекоръ. «Нѣтъ, кумъ, пойдѣмъ! нельзя, нужно итти!» Сказавши это, онъ уже и досадовалъ на себя, что сказалъ. Ему было очень непріятно тащиться въ такую ночь; но его утѣшало то, что онъ самъ нарочно этого захотѣлъ и сдѣлалъ-таки не такъ, какъ ему совѣтовали.

Кумъ, не выразивъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго движенія досады, какъ человекъ, которому рѣшительно все равно, сидѣть ли дома, или тащиться изъ дому, осмотрѣлся, почесалъ палочкой батога свои плечи, — и два кума отправились въ дорогу.

Теперь посмотримъ, что дѣлаетъ, оставшись одна, красавица дочка. Оксанѣ не минуло еще и семнадцати лѣтъ, какъ во всемъ почти свѣтѣ, и по ту сторону Диканьки, только и рѣчей бы-

ло, что про нее. Парубки гуртомъ провозгласили, что лучшей дѣвки и не было еще никогда, и не будетъ никогда на селѣ. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, какъ красавица. Если бы она ходила не въ плахть и запаскъ, а въ какомъ-нибудь капотѣ, то разогнала бы всѣхъ своихъ дѣвокъ. Парубки гонялись за нею толпами; но, потерявши терпѣніе, оставляли мало-по-малу и обращались къ другимъ, не такъ избалованнымъ. Одинъ только кузнецъ былъ упрямъ и не оставлялъ своего волокитства, несмотря на то, что и съ нимъ поступили ни чуть не лучше, чѣмъ съ другими. По выхodu отца своего, Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась передъ небольшимъ, въ оловянныхъ рамкахъ, зеркаломъ, и не могла налюбоваться собою. «Что людямъ вздумалось разславлять, будто я хороша?» говорила она, какъ-бы разсѣянно, для того только, чтобы объ чемъ-нибудь поболтать съ собою. «Агутъ люди, и совсѣмъ не хороша!» Но мелькнувшее въ зеркалѣ свѣжее, живое, въ дѣтской юности лицо съ блестящими черными очами и невыразимо-пріятной усмѣшкой, прожигавшей душу, вдругъ доказало противное. «Развѣ томъ I.

черныя брови и очи мои» продолжала красавица, не выпуская зеркала: «такъ хороши, что уже равныхъ имъ нѣтъ и на свѣтъ. Что тутъ хорошаго въ этомъ вздернутомъ кверху носѣ? и въ щекахъ? и въ губахъ? будто хороши мои черныя косы? Ухъ! ихъ можно испугаться вечеромъ: онѣ, какъ длинныя змѣи, перевилились и обвилились вокругъ моей головы. Я вижу теперь, что я совсѣмъ не хороша!» и отодвигая нѣсколько подалѣе отъ себя зеркало, вскрикнула: «Нѣтъ, хороша я! Ахъ, какъ хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, чьей буду женою! Какъ будетъ любоваться мною мой мужъ! Онъ не вспомнитъ себя. Онъ зацалуетъ меня на-смерть».

«Чудная дѣвка!» прошепталъ вошедшій тихо кузнецъ: «и хвастовства у нея мало! Съ часъ стоитъ, глядясь въ зеркало, и не наглядится, и еще хвалить себя вслухъ!»

«Да, парубки! вамъ ли чета я? Вы поглядите на меня» продолжала хорошенькая кокетка: «какъ я плавно выступаю; у меня сорочка шита краснымъ шолкомъ. А какія ленты на головѣ! Вамъ вѣкъ не увидать богаче галуна! Все это накупилъ мнѣ отецъ мой для того, чтобы на мнѣ женился самый лучший молодецъ на свѣ-

ть!» и, усмьхнувшись, поворотилась она въ другую сторону и увидѣла кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась передъ нимъ.

Кузнецъ и руки опустилъ.

Трудно разсказать, что выражало смугловатое лицо чудной дѣвушки: и суровость въ немъ была видна, и сквозь суровость, какая-то издѣвка надъ смутившимся кузнецомъ, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и все это такъ смѣшалось, и такъ было неизобразимо-хорошо, что разцаловать ее миллионъ разъ— вотъ все, что можно было сдѣлать тогда наилучшаго.

«Зачѣмъ ты пришелъ сюда?» такъ начала говорить Оксана. «Развѣ хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать къ намъ. Въ мигъ пронюхаете, когда отцовъ пѣть дома. О, я знаю васъ! Что, сундукъ мой готовъ?»

«Будетъ готовъ, мое серденько, послѣ праздника будетъ готовъ. Если бы ты знала, сколько возился около его: двѣ ночи не выходила изъ кузницы; за то ни у одной половницы не будетъ такого сундука. Жельзо на оковку поло-

жилъ такое, какого не клалъ въ сотникову таратайку, когда ходилъ на работу въ Полтаву. А какъ будетъ расписанъ! Хоть весь околодокъ выходи своими бѣленькими ножками, не найдешь такого! По всему полю будутъ раскиданы красные и синіе цвѣты. Горѣть будетъ, какъ жаръ. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядѣть на тебя!»

«Кто жь тебѣ запрещаетъ, говори и гляди!» Тутъ съела она на лавку и снова взглянула въ зеркало, и стала поправлять на головѣ свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шолкомъ, и тонкое чувство самодовольствія выразилось на устахъ, на свѣжихъ ланитахъ и отсвѣтилось въ очахъ.

«Позволь и мнѣ сѣсть возлѣ тебя!» сказалъ кузнецъ.

«Садись» проговорила Оксана, сохраняя въ устахъ и въ довольныхъ очахъ то же самое чувство.

«Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя!» произнесъ ободренный кузнецъ и прижалъ ее къ себѣ, въ намѣреніи схватить поцалуй; но Оксана отклонила свои щеки, находившіяся уже на непримѣтномъ разстояніи отъ

губъ кузнеца и оттолкнула его. «Чего тебѣ еще хочется? Ему когда медь, такъ и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жестче желѣза. Да и самъ ты пахнешь дымомъ. Я думаю, меня всю обмаралъ сажею». Тутъ она поднесла зеркало и снова начала передъ нимъ охорашиваться.

«Не любить она меня!» думалъ про-себя, по-вѣся голову, кузнецъ. «Ей все игрушки; а я стою передъ нею, какъ дуракъ, и очей не свожу съ нея. И все бы стоялъ передъ нею, и вѣкъ бы не сводилъ съ нея очей! Чудная дѣвка! Чего бы я не далъ, чтобы узнать, что у нея на сердцѣ, кого она любить. Но нѣтъ, ей и нужды нѣтъ ни до кого. Она любитъ сама собою; мучить меня, бѣднаго; а я за грустью не вижу свѣта; а я ее такъ люблю, какъ ни одинъ человекъ на свѣтѣ не любилъ и не будетъ никогда любить».

«Правда ли, что твоя мать вѣдьма?» произнесла Оксана и засмѣялась; и кузнецъ почувствовалъ, что внутри его все засмѣялось. Смѣхъ этотъ какъ-будто разомъ отозвался въ сердцѣ и въ тихо-встрепенувшихся жилахъ, и совсѣмъ тѣмъ досада зачала въ его душу, что онъ не во власти разцаловать такъ пріятно засмѣявшееся лицо.

«Что мнѣ до матери? ты у меня мать, и отецъ, и все, что ни есть дорогаго на свѣтъ. Если бь меня призвазь царь и сказазь: — кузнецъ-Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшаго въ моемъ царствѣ, все отдамъ тебѣ. Прикажу тебѣ сдѣлать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами.— Не хочу, сказазь бы я царю, ни каменьевъ дорогихъ, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай лучше мою Оксану!»

«Видишь какой ты! Только отецъ мой самъ не-промахъ. Увидишь, когда онъ не женится на твоей матери!» проговорила, лукаво усмѣхнувшись, Оксана. «Однако жь дѣвчата не приходятъ... Что бь это значило? Давно уже пора колдовать. Мнѣ становится скучно».

«Богъ съ ними, моя красавица!»

«Какъ-бы-не-такъ! съ ними, вѣрно, придуть парубки. Тутъ-то пойдуть балы. Воображаю, какихъ наговорятъ смѣшныхъ исторій!»

«Такъ тебѣ весело съ ними?»

«Да ужь веселье, чѣмъ съ тобою. А! кто-то стукнулъ; вѣрно, дѣвчата съ парубками».

«Чего мнѣ больше ждоть?» говорилъ самъ-съ-собою кузнецъ. «Она издѣвается надо мною. Ей

я столько же дорогъ, какъ перержавѣвшая подкова. Но если жь такъ, не достанется по-крайней-мѣрѣ другому посмѣяться надо мною. Пусть только я навѣрное замѣчу, кто ей нравится больше меня; я отучу...»

Стукъ въ двери и резко зазвучавшій на морозъ голосъ: «отвори!» прервалъ его размышленія.

«Постой, я самъ отворю» сказалъ кузнецъ и вышелъ въ сѣни, въ намѣреніи отломать съ досады бока первому попавшемуся человѣку.

Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перепрыгивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, желая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Не мудрено однако жь и озибнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ-самомъ-дѣлѣ кухмистръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ обыкновенно баба жаритъ на рождество

колбасу. Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, оставила ногу, и приведши себя въ такое положеніе, какъ человекъ летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатои горѣ, и прямо въ трубу. Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за нею. Но такъ-какъ это животное проворнѣе всякаго франта въ чулкахъ, то не мудрено, что онъ навхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками. Путешественница отодвинула потихоньку заслонку поглядѣть, не назвалъ ли сынъ ея Вакула въ хату гостей; но увидѣвши, что никого не было, выключая только мѣшковъ, которые лежали посреди хаты, вылезла изъ печки, скинула теплый кожухъ, оправилась, и никто бы не могъ узнать, что она минуту назадъ ѣздила на метлѣ. Мать кузница Вакулы имѣла отъ-роду не больше сорока лѣтъ. Она была ни хороша, ни дурна собою. Трудно и быть хорошею въ такіе годы. Однако жъ она такъ умѣла причаровать къ себѣ самыхъ степенныхъ казаковъ (которымъ, не мѣ-

шаетъ между прочимъ замѣтить, мало было нужды до красоты), что къ ней хаживалъ и голова, и дьякъ Осипъ Никифоровичъ (конечно, если дьячихи не было дома) и казакъ Корній Чубъ, и казакъ Касьянъ Свербыгузь. И, къ чести ея сказать, она умѣла искусно обходиться съ ними: ни одному изъ нихъ и въ умъ не приходило, что у него есть соперникъ. Шелъ ли набожный мужикъ или дворянинъ, какъ называютъ себя казаки, одѣтый въ кобенякъ съ видлогою, въ воскресенье въ церковь, или, если дурная погода, въ шинокъ: какъ не зайти къ Солохѣ, не поѣсть жирныхъ съ сметаною варениковъ и не поболтать въ теплой избѣ съ говорливой и угодливой хозяйкой? И дворянинъ нарочно для этого давалъ большой крюкъ, прежде чѣмъ достигалъ шинка, и называлъ это—заходить по дорогѣ. А пойдетъ ли, бывало, Солоха, въ праздникъ, въ церковь, надѣвши яркую плахту съ китайчатою занаскою, а сверхъ ея синюю юбку, на которой сзади нашиты были золотые усы, и станетъ прямо близъ праваго крылоса, то дьякъ уже вѣрно закашливался и прищуривалъ невольно въ ту сторону глаза; голова гладилъ усы, заматывалъ за ухо оселедецъ и

говоришь стоявшему близъ его сосѣду: «эхъ, добрая баба! чортъ-баба!» Солоха кланялась каждому, и каждый думалъ, что она кланяется ему одному. Но охотникъ мѣшаться въ чужія дѣла тотчасъ бы замѣтилъ, что Солоха была привѣтливейше всего съ казакомъ Чубомъ. Чубъ былъ вдовъ; восемь скирдъ хлѣба всегда стояли передъ его хатою. Двѣ пары дюжихъ воловъ всякій разъ высовывали свои головы изъ плетенаго сарая на улицу, и мычали, когда завидывали шедшую куму, корову, или дядю, толстаго быка. Бородатый козелъ взбирался на самую крышу и дребезжалъ оттуда рѣзкимъ голосомъ, какъ городничій, дразня выступавшихъ по двору индѣекъ и обарачиваясь задомъ, когда завидывалъ своихъ непріятелей, мальчишекъ, издѣвавшихся надъ его бородою. Въ сундукахъ у Чуба водилось много полотна, жупановъ и старинныхъ кунтушей съ золотыми галунами: покойная жена его была щеголиха. Въ огородъ, кромѣ маку, капусты, подсолнечниковъ, засѣвалось еще каждый годъ двѣ гряды табаку. Все это Солоха находила не лишнимъ присоединить къ своему хозяйству, заранѣ размышляя о томъ, какой оно приметъ порядокъ, когда перейдетъ

въ ея руки, и удвоивала благосклонность къ старому Чубу. А чтобы, какимъ-нибудь образомъ, сынъ ея Вакула не подѣхалъ къ его дочери и не успѣлъ прибрать всего себя, и тогда бы навѣрно не допустилъ ея мѣшаться ни во что, она прибѣгнула къ обыкновенному средству всѣхъ сорокалѣтнихъ кумушекъ: ссорить какъ можно чаще Чуба съ кузнецомъ. Можетъ-быть, эти самыя хитрости и смѣтливость ея были виною, что кое-гдѣ начали поговаривать старухи, особливо когда выпивали гдѣ-нибудь на веселой сходкѣ лишнее, что Солоха точно вѣдьма; что парубокъ Кизяколупенко видѣлъ у нея сзади хвостъ, величиною не болѣе бабьяго веретена; что она еще въ позапрошлый четвергъ черною кошкою перебѣжала дорогу, что къ понадѣь разъ прибѣжала свинья, закричала пѣтухомъ, надѣла на голову шапку отца Кондрата и убѣжала назадъ. Случилось, что тогда, когда старушки толковали объ этомъ, пришелъ какой-то коровій пастухъ Тыминъ Коростявый. Онъ не преминулъ рассказать, какъ лѣтомъ, передъ самыи петровками, когда онъ легъ спать въ хлѣву, подмостивши подъ голову солому, видѣлъ собственными глазами, что вѣдьма, съ распущенною косою, въ

одной рубашкѣ, начала доить коровъ, а онъ не могъ пошевелинуться—такъ былъ околдованъ, и помазала его губы чѣмъ-то такимъ гадкимъ, что онъ плевалъ послѣ того цѣлый день. Но все это что-то сомнительно, потому-что одинъ только сорочинскій засѣдатель можетъ увидѣть вѣдьму. И отъ того всѣ именитые казаки махали руками, когда слышали такія рѣчи. «Брежутъ, сучи бабы!» бывалъ обыкновенный отвѣтъ ихъ.

Вылѣзши изъ печки и оправившись, Солоха, какъ добрая хозяйка, начала убирать и ставить все къ своему мѣсту; но мѣшковъ не тронула: это Вакула принесъ, пусть же самъ и вынесетъ! Чортъ, между-тѣмъ, когда еще влеталъ въ трубу, какъ-то нечаянно оборотившись, увидѣлъ Чуба, объ руку съ кумомъ, уже далеко отъ избы. Въ мигъ выметель онъ изъ печки, перебѣжалъ имъ дорогу, и началъ разрывать со всѣхъ сторонъ кучи замерзшаго снѣгу. Поднялась метель. Въ воздухѣ забѣлѣло. Снѣгъ метался взадъ и впередъ сѣтью и угрожалъ залѣпить глаза, ротъ и уши пѣшеходамъ. А чортъ улетѣлъ снова въ трубу, въ твердой увѣренности, что Чубъ возвратится вмѣстѣ съ кумомъ назадъ, застанетъ

кузнеца и отпотчуетъ его такъ, что онъ долго будетъ не въ силахъ взять въ руки кисть и малевать обидныя карикатуры.

Въ-самомъ-дѣлѣ, едва только поднялась метель, и вѣтеръ сталъ рѣзать прямо въ глаза, какъ Чубъ уже изъявилъ раскаяніе и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощаль побранками себя, чорта и кума. Впрочемъ эта досада была притворная. Чубъ очень радъ былъ поднявшейся метели. До дьяка еще оставалось въ восемь разъ больше того разстоянія, которое они прошли. Путешественники повернули назадъ. Вѣтеръ дулъ въ затылокъ; но сквозь метущій снѣгъ ничего не было видно.

«Стой, кумъ! мы, кажется, не туда идемъ» сказалъ немного отошедши Чубъ: «я не вижу ни одной хаты. Эхъ, какая метель! Свороти-ка ты, кумъ, немного въ сторону, не найдешь ли дороги; а я тѣмъ временемъ поищу здѣсь. Дерзеть же нечистая сила таскаться по такой

вьюгъ! Не забудь закричать, когда найдешь дорогу. Экъ, какую кучу снѣгу напустилъ въ очи сатана!»

Дороги, однако жъ, не было видно. Кумъ, отошедши въ-сторону, бродилъ въ длинныхъ сапогахъ взадъ и впередъ и наконецъ набрелъ прямо на шинокъ. Эта находка такъ его обрадовала, что онъ позабылъ все и, страхнувши съ себя снѣгъ, вошелъ въ сѣни, ни-мало не безпокоясь объ оставшемся на улицѣ кумъ. Чубу показалось между-тѣмъ, что онъ нашелъ дорогу; остановившись, принялся онъ кричать во все горло, но видя, что кумъ не является, рѣшился идти самъ. Немного пройдя, увидѣлъ онъ свою хату. Сугробы снѣгу лежали около ея и на крышѣ. Хлопая озябшими на холодъ руками, принялся онъ стучать въ дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть.

«Чего тебѣ тутъ нужно?» сурово закричалъ вышедшій кузнецъ.

Чубъ, узнавши голосъ кузнеца, отступилъ нѣсколько назадъ. «Э, нѣтъ, это не моя хата» говорилъ онъ про-себя: «въ мою хату не забредетъ кузнецъ. Опять же, если присмотрѣться хорошенько, то и не кузнецова. Чья бы была

это хата? Вот на! не распознать! это хромага Левченка, который недавно женился на молодой женѣ. У него одного только хата похожа на мою. То-то мнѣ показалось и сначала немного чудно, что такъ скоро пришелъ домой. Однакожь Левченко сидитъ теперь у дьяка, это я знаю; зачѣмъ же кузнецъ?... Э, ге, ге! онъ ходитъ къ его молодой женѣ. Вотъ какъ! хорошо... теперь я все понялъ».

«Кто ты такой и зачѣмъ таскаешься подь дверями?» произнесъ кузнецъ суровѣе прежняго и подоидя ближе.

«Нѣтъ, не скажу ему, кто я» подумалъ Чубъ: «чего добраго, еще приколотить, проклятый выродокъ!» и, перемѣнивъ голосъ, отвѣчалъ: «это я, человекъ добрый, пришелъ вамъ на забаву поколядовать немного подь окнами».

«Убирайся къ чорту съ своими колядками!» сердито закричалъ Вакула. «Что жъ ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же часъ вонъ!»

Чубъ самъ уже имѣлъ это благоразумное намѣреніе; но ему досадно показалось, что принужденъ слушаться приказаній кузнеца. Казалось, какой-то злой духъ толкалъ его подь руку и вынуждалъ сказать что-нибудь наперекоръ.

«Что жъ ты, въ-самомъ-дѣль, такъ раскричался?» произнесъ онъ тѣмъ же голосомъ: «я хочу колядовать, да и полно!»

«Эге! да ты отъ словъ не уймешься!..» Вслѣдъ за сими словами Чубъ почувствовалъ пребольшій ударъ въ плечо.

«Да вотъ это ты, какъ я вижу, начинаешь уже драться!» произнесъ онъ, немного отступая.

«Пошелъ, пошелъ!» кричалъ кузнецъ, наградивъ Чуба другимъ толчкомъ.

«Что жъ ты!» произнесъ Чубъ такимъ голосомъ, въ которомъ изображалась и боль, и досада, и робость: «ты, вижу, не въ-тшутку дерешься, и еще больно дерешься!»

«Пошелъ, пошелъ!» закричалъ кузнецъ и хлопнулъ дверь. «Смотри, какъ расхрабрился!» говорилъ Чубъ, оставшись одинъ на улицѣ. «Попробуй, подойди! вишь какой! вотъ большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду. Нѣтъ, голубчикъ, я пойду, и пойду прямо къ комиссару. Ты у меня будешь знать. Я не посмотрю, что ты кузнецъ и маляръ. Однако жъ посмотрѣть на спину и плечи: я думаю, синія пятна есть. Должно быть, больно поколотилъ,

вражій сынъ! Жаль, что холодно и не хочется скидать кожуха! Постой ты, бьсовскій кузнецъ, чтобъ чортъ поколотилъ и тебя и твою кузницу: ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеникъ! Однако жъ, вѣдь теперь его нѣтъ дома. Солоха, думаю, сидитъ одна. Гм... оно вѣдь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что насъ никто не застанетъ. Можетъ, и того будетъ можно... вишь, какъ больно поколотилъ проклятый кузнецъ!»

Тутъ Чубъ, почесавъ свою спину, отправился въ другую сторону. Пріятность, ожидавшая его впереди, при свиданіи съ Солохою, умалила немного боль и дѣлала нечувствительнымъ и самый морозъ, который трещалъ по всѣмъ улицамъ, незаглушаемый свистомъ вьюги. Повременамъ на лицъ его, котораго бороду и усы метель намылила снѣгомъ проворнѣе всякаго цырюльника, тирански хватающаго за носъ свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однако жъ, снѣгъ не крестилъ взадъ и впередъ всего передъ глазами, то долго еще можно было бы видеть, какъ Чубъ останавливался, почесывая спину, произнося: «боль-
томъ 1.

но поколотилъ проклятый кузнецъ!» и снова отправлялся въ путь.

Въ то время, когда проворный Франтъ съ хвостомъ и козлиною бородою леталъ изъ трубы и потомъ снова въ трубу, висѣвшая у него съ боку наперевязи ладунка, въ которую онъ спрягалъ украденный мѣсяць, какъ-то нечаянно зацѣпившись въ печкѣ, растворилась, и мѣсяць, пользуясь этимъ случаемъ, вылетѣлъ чрезъ трубу солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все освѣтлосось; метели какъ не бывало; снѣгъ загорѣлся широкимъ серебрянымъ полемъ и весь осыпался хрустальными звѣздами; морозъ какъ-бы потеплѣлъ; толпы парубковъ и дѣвушекъ показались съ мѣшками; пѣсни зазвенѣли, и подь рѣдкою хатою не толпились колядующіе. Чудно блеститъ мѣсяць! Трудно разсказать, какъ хорошо потолкаться въ такую ночь между кучею хохочущихъ и поющихъ дѣвушекъ, и между парубками, готовыми на всѣ шутки и выдумки, какія можетъ только внушить весело-смѣю-

щаяся ночь. Подъ плотнымъ козухомъ тепло; отъ мороза еще живѣе горять щеки; а на шалости самъ лукавый подталкиваетъ сзади. Кучи дѣвушекъ съ мѣшками влюмились въ хату Чуба, окружили Оксану. Крикъ, хохотъ, рассказы оглушили кузнеца. Всѣ наперерывъ спѣшили разсказать красавицѣ что-нибудь новое, выгружали мѣшки и хвастались паланицами, колбасами, варениками, которыхъ успѣли уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была въ совершенномъ удовольствіи и радости, болтала то съ той, то съ другой, и хохотала безъ умолку. Съ какой-то досадою и завистью глядѣлъ кузнецъ на такую веселость и на этотъ разъ проклиналъ колядки, хотя самъ бывалъ отъ нихъ безъ ума.

«Э, Одарка!» сказала веселая красавица, обратившись къ одной изъ дѣвушекъ: «у тебя новые черевички. Ахъ, какіе хорошіе! и съ золотомъ! Хорошо тебѣ, Одарка, у тебя есть такой человекъ, который все тебѣ покупаетъ; а мнѣ некому достать такіе славные черевички».

«Не тужи, моя ненаглядная Оксана!» подхватилъ кузнецъ: «я тебѣ достану такіе черевички, какіе рѣдкая панючка носитъ».

«Ты?» сказала Оксана, скоро и надменно поглядывая на него: «посмотрю я, гдѣ ты достанешь черевики, которые могла бы я надѣть на свою ногу. Развѣ принесешь тѣ самые, которые носить царица».

«Видишь, какихъ захотѣла!» закричала со смѣхомъ дѣвичья толпа.

«Да!» продолжала гордо красавица: «будьте всѣ вы свидѣтельницы, если кузнецъ Вакула принесетъ тѣ самые черевики, которые носить царица, то, вотъ мое слово, что выйду тотъ же часъ за него за-мужъ».

Дѣвушки увели съ собою капризную красавицу.

«Смѣйся, смѣйся!» говорилъ кузнецъ, выходя вслѣдъ за ними. «Я самъ смѣюсь надъ собою! Думаю и не могу вздумать, куда дѣвался умъ мой? Она меня не любитъ — ну, Богъ съ ней! будто только на всемъ свѣтѣ одна Оксана. Слава Богу, дѣвчатъ много хорошихъ и безъ нея на селѣ. Да что Оксана? изъ нея никогда не будетъ доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нѣтъ, полно, пора перестать дурачиться». Но въ самое то время, когда кузнецъ готовился быть рѣшительнымъ, какой-то злой духъ про-

носилъ предъ нимъ смѣющійся образъ Оксаны, говорившей насмѣшливо: «достань, кузнецъ, царицыны черевички, выйду за тебя за-мужь!» Все въ немъ волновалось, и онъ думалъ только объ одной Оксанѣ.

Толпы колядующихъ, парубки особо, дѣвушки особо, спѣшили изъ одной улицы въ другую. Но кузнецъ шелъ и ничего не видалъ и не участвовалъ въ тѣхъ веселостяхъ, которыя когда-то любилъ болѣе всѣхъ.

Чортъ между-тѣмъ не-на-шутку развѣжился у Солохи: цаловалъ ея руку съ такими ужимками, какъ засѣдатель у поповны, брался за сердце, охалъ и сказалъ напрямикъ, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, какъ водится, наградить, то онъ готовъ на все: кинется въ воду, а душу отправить прямо въ пекло. Солоха была не такъ жестока; притомъ же чортъ, какъ извѣстно, дѣйствовалъ съ нею за одно. Она таки-любила видѣть волочившуюся за собою толпу и рѣдко бывала безъ компаніи.

Этотъ вечеръ, однако жъ, думала провести одна, потому-что всѣ именитые обитатели села званы были на кутью къ дьяку. Но все пошло иначе: чортъ, только-что представилъ свое требованіе, какъ вдругъ послышался голосъ дюжаго головы. Солоха побѣжала отворить дверь, а проворный чортъ влезъ въ лежавшій мѣшокъ. Голова, стряхнувъ съ своихъ капелюхъ снѣгъ и выпивши изъ рукъ Солохи чарку водки, разсказалъ, что онъ не вошелъ къ дьяку, потому-что поднялась метель; а увидѣвши свѣтъ въ ея хатѣ, завернулъ къ ней, въ намѣреніи провести вечеръ съ нею. Не успѣлъ голова это сказать, какъ въ дверь послышался стукъ и голосъ дьяка. «Спрячь меня куда-нибудь» шепталъ голова: «мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ дьякомъ». Солоха думала долго, куда спрятать такого плотнаго гостя; наконецъ выбрала самый большой мѣшокъ съ углемъ; уголь высыпала въ кадку, и дюжій голова влезъ съ усами, съ головою и съ капелюхами въ мѣшокъ.

Дьякъ вошелъ, побряхтывая и потирая руки, и разсказалъ, что у него не было никого, и что онъ сердечно радъ этому случаю: погу-

дять немного у нея, и не испугался метели. Тутъ онъ подошелъ къ ней ближе, кашлянулъ, усмехнулся, дотронулся пальцами ея обнаженной, полной руки, и произнесъ съ такимъ видомъ, въ которомъ выказывалось и лукавство и самодовольствіе: «А что́ это у васъ, великодушная Солоха?» и сказавши это, отскочилъ онъ несколько назадъ.

«Какъ что́? рука, Осниъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха.

«Гм! рука! хе, хе, хе!» произнесъ сердечно-довольный своимъ началомъ дякъ и прошелся по комнатѣ.

«А это что́ у васъ, дражайшая Солоха?» произнесъ онъ съ такимъ же видомъ, приступивъ къ ней снова и схвативъ ее слегка рукою за шею и такимъ же порядкомъ отскочивъ назадъ.

«Будто не видите, Осниъ Никифоровичъ!» отвѣчала Солоха: «шея, а на шею мошисто».

«Гм! на шею мошисто! Хе, хе, хе!» и дякъ снова прошелся по комнатѣ, потирая руки.

«А это что́ у васъ, несравненная Солоха?» Неизвѣстно, къ чему бы теперь притронулся

дьякъ своими длинными пальцами, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь и голосъ казака Чуба.

«Ахъ, Боже мой, стороннее лице!» закричалъ въ испугъ дьякъ. «Что теперь, если застанутъ особу моего званія?... Дойдетъ до отца Кондрата!...» Но опасенія дьяка были другаго рода: онъ боялся болѣе того, чтобы не узнала его половина, которая и безъ того, страшною рукою своею сдѣлала изъ его толстой косы самую узенькую. «Ради Бога, добродѣтельная Солоха» говорилъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ: «ваша доброта, какъ говоритъ писаніе Луки глава тринна... трин... Стучатся, ейбогу, стучатся! Охъ, спрячьте меня куда-нибудь!»

Солоха высыпала уголь въ кадку изъ другаго мѣшка, и не слишкомъ объемистый тѣломъ дьякъ вѣзъ въ него и сѣлъ на самое дно такъ, что сверхъ его можно было насыпать еще съ полмѣшка угля.

«Здравствуй, Солоха!» сказалъ, входя въ хату, Чубъ. «Ты, можетъ-быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? Можетъ-быть, я помѣшалъ...» продолжалъ Чубъ, показавъ на лицѣ своемъ веселую и значительную мину, кото-

рая зараще давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колючую и затѣйливую шутку. Можетъ-быть, вы тутъ забавлялись съ кѣмъ-нибудь!... Можетъ-быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?» и восхищенный такимъ замѣчаніемъ, своимъ Чубъ засмѣялся, внутренно торжествуя, что онъ одинъ только пользуется благосклонностію Солохи. «Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло отъ проклятаго мороза. Послалъ же Богъ такую ночь передъ рождествомъ! Какъ схватилась, слышишь, Солоха, какъ схватилась... экъ окостенѣли руки: не разстегну кожуха! какъ схватилась выюга...»

«Отвори!» раздался на улицъ голосъ, сопровождаемый толчкомъ въ дверь.

«Стучить кто-то!» сказалъ остановившійся Чубъ.

«Отвори?» закричали сильнѣе прежняго.

«Это кузнецъ!» произнесъ, схватясь за канелюхи, Чубъ: «слышишь, Солоха, куда хочешь дѣвай меня; я ни за что на свѣтъ не захочу показаться этому выродку проклятому, чтобъ ему набѣжало, дьявольскому сыну, подъ обонми гла-

зами по пузырю въ копну величикою!» Солоха, испугавшись сама, металась, какъ угорьлая и, позабывшись, дала знакъ Чубу лѣзть въ тотъ самый мѣшокъ, въ которомъ сидѣлъ уже дякъ. Бѣдный дякъ не смѣлъ даже изъяснить кашлемъ и кряхтѣньемъ боли, когда сълъ ему почти на голову тяжелый мужикъ и помѣстилъ свои, намерзнувшіе на морозъ, сапоги по обѣимъ сторонамъ его висковъ.

Кузнецъ вошелъ, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Замѣтно, что онъ былъ весьма не въ духъ. Въ то самое время, когда Солоха затворила за нимъ дверь, кто-то постучался снова. Это былъ казакъ Свербыгузь. Этого уже нельзя было спрятать въ мѣшокъ, потому-что и мѣшка такого нельзя было найти. Онъ былъ погрузнѣе тѣломъ самого головы и повыше ростомъ Чубова кума. И потому Солоха вывела его въ огородъ, чтобъ выслушать отъ него все то, что онъ хотѣлъ ей объявить. Кузнецъ разсѣянно оглядывалъ углы своей хаты, вслушиваясь по-временамъ въ далеко разносившіяся пѣсни колядующихъ; наконецъ остановилъ глаза на мѣшкахъ: «Зачѣмъ тутъ лежать эти мѣшки? ихъ давно бы пора убрать от-

сюда. Черезъ эту глупую любовь я одурѣлъ со-
вѣтъ. Завтра праздникъ, а въ хатѣ до-сихъ-
поръ лежитъ всякая дрянь. Отнести ихъ въ куз-
ницу!» Тутъ кузнецъ присѣлъ къ огромнымъ
мышкамъ, перевлазалъ ихъ крѣпче и готовился
взвалить себя на плечи. Но замѣтно было, что
его мысли гуляли, Богъ знаетъ гдѣ: иначе онъ
бы услышалъ, какъ зашипѣлъ Чубъ, когда во-
лоса на головѣ его прикрутила завязавшая мѣ-
шокъ веревка, и дюжій голова началъ-было икать
довольно явственно. «Неужели не выбѣется изъ
ума моего эта негодная Оксана?» говорилъ куз-
нецъ. «Не хочу думать объ ней; а все думается,
и какъ нарочно, объ ней одной только. Отчего это
такъ, что дума противъ воли лѣзетъ въ голову?
Кой чертъ, мышки стали какъ-будто тяжелѣе
прежняго! Тутъ, вѣрно, положено еще что-
нибудь, кромѣ угля. Дурень я! я и позабылъ, что
теперь мнѣ все кажется тяжелѣе. Прежде, бывало,
я могъ согнуть и разогнуть въ одной рукѣ мѣд-
ный пятакъ и лошадиную подкову; а теперь
мѣшковъ съ углемъ не подниму. Скоро буду отъ
вѣтра валиться. «Нѣтъ» вскричалъ онъ, помол-
чавъ и ободрившись: «что я за баба! Не дамъ
никому смѣяться надъ собою! Хоть десять та-

кихъ мѣшковъ—всѣ подниму». И бодро взвалилъ себѣ на плеча мѣшки, которыхъ не понесли бы два дюжихъ человѣка. «Взять и этотъ» продолжалъ онъ, поднимая маленькій, на днѣ котораго лежалъ, свернувшись, чортъ. «Тутъ, кажется, я положилъ струментъ свой». Сказавъ это, онъ вышелъ вонъ изъ хаты, насвистывая пѣсню:

Мини съ жинкой не позиться.

Шумнѣе и шумнѣе раздавались по улицамъ пѣсни и крики. Толпы толкавшагося народа были увеличены еще пришедшими изъ сосѣднихъ деревень. Парубки шалили и бѣсились въ волю. Часто, между колядками, слышалась какая-нибудь веселая пѣсня, которую тутъ же успѣлъ сложить кто-нибудь изъ молодыхъ казаковъ. То вдругъ одинъ изъ толпы, вмѣсто колядки, отпуская щедровку и ревѣлъ во все горло:

Щедрикъ, ведрикъ!

Дайте вареникъ!

Грудочку кашки!

Кильце ковбаски!

Хохоть награждалъ затѣйника. Маленькія окна подымались, и сухощавая рука старухи, которая одинъ только вмѣстѣ съ степенными отцами оставались въ избахъ, высовывалась изъ окошка съ колбасою въ рукахъ, или кускомъ пирога. Парубки и дѣвушки наперерывъ подставляли мѣшки и ловили свою добычу. Въ одномъ мѣстѣ парубки, зашедши со всѣхъ сторонъ, окружали толпу дѣвушекъ: шумъ, крикъ; одинъ бросалъ комомъ снѣга, другой вырывалъ мѣшокъ со всякой всячиной. Въ другомъ мѣстѣ дѣвушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и онъ летѣлъ вмѣстѣ съ мѣшкомъ стремглавъ на землю. Казалось, всю ночь напролетъ готовы были поселиться. И ночь, какъ нарочно, такъ роскошно теплилась! и еще бѣлѣе казался свѣтъ мѣсяца отъ блеску снѣга! Кузнецъ остановился съ своими мѣшками. Ему почудился въ толпѣ дѣвушекъ голосъ и тоненькій смѣхъ Оксаны. Всѣ жилки въ немъ вздрогнули; бросивши на землю мѣшки, такъ-что находившійся на днѣ дѣякъ захохалъ отъ ушибу и голова икнулъ во все горло, побрелъ онъ съ маленькимъ мѣшкомъ на плечахъ вмѣстѣ съ толпою парубковъ, шедшихъ слѣдомъ за дѣвичь-

ей толпою, между которою ему послышался голосъ Оксаны.

Такъ: это она! стоитъ какъ царица, и блеститъ черными очами! Ей рассказываетъ что-то видный парубокъ; вѣрно забавное, потому-что она смѣется. Но она всегда смѣется. Какъ-будто невольно, самъ не понимая какъ, протерся кузнецъ сквозь толпу и сталъ подлѣ ея. «А, Вакула, ты тутъ! здравствуй!» сказала красавица съ той же самой усмѣшкой, которая чуть не сводила Вакулу съ ума: «ну, много наколядовалъ? Э, какой маленькій мѣшокъ! А черевики, которые носить царица, досталъ? Достань черевики, выйду за-мужъ!» и засмѣявшись, убѣжала съ толпою.

Какъ вкопанный, стоялъ кузнецъ на одномъ мѣстѣ. «Нѣтъ, не могу; нѣтъ силъ больше...» произнесъ онъ наконецъ. «Но Боже ты мой, отчего она такъ чертовски хороша? Ея взглядъ, и рѣчи, и все ну, вотъ, такъ и жжетъ, такъ и жжетъ... Нѣтъ, не въ мочь уже пересилить себя! Пора положить конецъ всему: пропадай душа! пойду утоплюсь въ проруби, и помниай какъ звали!» Тутъ рѣшительнымъ шагомъ пошелъ онъ впередъ, догналъ толпу, поровнялся съ Окса-

ною и сказалъ твердымъ голосомъ: «Прощай, Оксана! Ищи себѣ какого хочешь жениха, дурачьего хочешь, а меня не увидишь уже больше на этомъ свѣтѣ». Красавица казалась удивленною, хотѣла что-то сказать, но кузнецъ махнулъ рукою и убѣжалъ.

«Куда, Вакула?» кричали парубки, видя бѣгущаго кузнеца. «Прощайте, братцы!» кричалъ въ отвѣтъ кузнецъ: «дасть Богъ, увидимся на томъ свѣтѣ, а на этомъ уже не гулять намъ вмѣстѣ. Прощайте, не поминайте лихомъ! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворилъ панихиду по моей грѣшной душѣ. Свѣчей къ иконамъ Чудотворца и Божіей Матери, грѣшенъ, не обмалевалъ за мірскими дѣлами. Все добро, какое изидется въ моей скринѣ, на церковь! Прощайте!» Проговоривши это, кузнецъ принялся снова бѣжать съ мышкомъ на спинѣ. Онъ повредился!» говорили парубки. «Пропавшая душа!» набожно пробормотала проходившая мимо старуха: «пойти рассказать, какъ кузнецъ повѣсился!»

Вакула, между-тѣмъ, пробѣжавши нѣсколько улицъ, остановился перевести духъ. «Куда я въ-самомъ-дѣлѣ бѣгу!» подумалъ онъ: «какъ-будто уже все пропало. Попробую еще средство: пойду къ запорожцу пузатому Пацюку. Онъ, говорятъ, знаетъ всѣхъ чертей и все сдѣлаетъ, что захочетъ. Пойду, вѣдь душъ все же придется пропадать!» При этомъ чортъ, который долго лежалъ безъ всякаго движенія, запрыгалъ въ мѣшокъ отъ радости; но кузнецъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь зацѣпилъ мѣшокъ рукою и произвелъ самъ это движеніе, ударилъ по мѣшку дюжимъ кулакомъ и, стряхнувъ его на плечахъ, отправился къ пузатому Пацюку.

Этотъ пузатый Пацюкъ былъ точно когда-то запорожцемъ; но выгнали его, или онъ самъ убѣжалъ изъ Запорожья, этого никто не зналъ. Давно уже, лѣтъ десять, а можетъ и пятнадцать, онъ жилъ въ Диканькѣ. Сначала онъ жилъ, какъ настоящій запорожець: ничего не работалъ, спалъ три четверти дня, ѣлъ за шестерыхъ косарей и выпивалъ однимъ разомъ почти по цѣлому ведру; впрочемъ, было гдѣ и помѣститься, потому что Пацюкъ, не-смотря на небольшой ростъ, въ ширину былъ довольно

увѣснсть. Притомъ шаровары, которыя носилъ онъ, были такъ широки, что какой бы большой ни сдѣлалъ онъ шагъ, ногъ совершенно не было заметно, и казалось, винокуренная кадь двигалась по улицѣ. Можетъ-быть, это самое подало поводъ прозвать его пузатымъ. Не прошло нѣсколькихъ недѣль послѣ прибытія его въ село, какъ всѣ уже узнали, что онъ знахарь. Бывалъ ли кто боленъ чѣмъ, тотчасъ призывалъ Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать нѣсколько словъ, и недугъ какъ-будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшійся дворянинъ подавился рыбьей костью: Пацюкъ умѣлъ такъ искусно ударить кулакомъ въ спину, что кость отправлялась, куда ей слѣдуетъ, не причинивъ никакого вреда дворянскому горлу. Въ последнее время его рѣдко видали гдѣ-нибудь. Причина этому была, можетъ-быть, лѣнь, а можетъ, и то, что пролезать въ двери дѣлалось для него съ каждымъ годомъ труднѣе. Тогда мірные должны были отправляться къ нему сами, если имѣли въ немъ нужду. Кузнецъ не безъ робости отворилъ дверь и увидѣлъ Пацюка, сидѣвшаго на полу, потурецки, передъ небольшою кадучкою, на которой стояла миска
томъ I.

съ галушками. Эта миска стояла, какъ нарочно, наравнѣ съ его ртомъ. Не подвинувшись ни однимъ пальцемъ, онъ наклонилъ слегка голову къ мискѣ и хлебаль жижу, схватывая по временамъ зубами галушки. «Нѣтъ, этотъ» подумалъ Вакула про-себя: «еще лѣнивѣе Чуба: тотъ по-крайней-мѣрѣ ѣсть ложкою, а этотъ и руки не хочетъ поднять!» Пацюкъ, вѣрно, крѣпко занятъ былъ галушками, потому-что, казалось, совсѣмъ не замѣтилъ прихода кузнеца, который, едва ступивши на порогъ, отвѣсилъ ему пренизкій поклонъ.

«Я къ твоей милости пришелъ, Пацюкъ!» сказалъ Вакула, кланяясь снова. Толстый Пацюкъ поднялъ голову, и снова началъ хлебать галушки.

«Ты, говорятъ, не во гнѣвъ будь сказано...» сказалъ, собираясь съ духомъ, кузнецъ: «я веду объ этомъ рѣчь не для того, чтобы тебѣ нанести какую обиду, — приходишься немного съ родни чорту». Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумавъ, что выразился все еще напрямикъ и мало смягчилъ крѣпкія слова, и ожидая, что Пацюкъ, схвативши кадушку вмѣстѣ съ мискою, пошлетъ ему прямо въ голову, от-

сторонился немного и закрылся рукавомъ, чтобы горячая жижа съ галушекъ не обрызгала ему лица.

Но Пацюкъ взглянулъ и снова началъ хлѣбать галушки.

Ободренный кузнецъ рѣшился продолжать: «Къ тебѣ пришелъ, Пацюкъ, дай Боже тебѣ всего, добра всякаго въ довольствіи, хлѣба въ пропорціи!» Кузнецъ иногда умѣлъ свернуть модное слово; въ томъ онъ понаторѣлъ въ бытность еще въ Полтавѣ, когда размалевывалъ сотнику досчатый заборъ. «Пронадать приходится мнѣ, грѣшному! ничто не помогаетъ на свѣтъ! Что будетъ, то будетъ, приходится просить помощи у самого чорта. Что жъ, Пацюкъ» произнесъ кузнецъ, видя неизмѣнное его молчаніе: «какъ мнѣ быть?»

«Когда нужно чорта, то и ступай къ чорту!» отвѣчалъ Пацюкъ, не поднимая на него глазъ и продолжая убирать галушки.

«Для того-то я и пришелъ къ тебѣ» отвѣчалъ кузнецъ, отвѣшивъ поклонъ: «кромѣ тебя, думаю, никто на свѣтъ не знаетъ къ нему дороги».

Пацюкъ ни слова, и доѣдалъ остальные га-

лушки. «Сдѣлай милость, человекъ добрый, не откажи!» наступалъ кузнецъ. «Свинины ли, колбасъ, муки гречневой, ну, полотна, пшена, или инаго прочаго, въ случаѣ потребности... какъ обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся, расскажи хоть какъ, примѣрно сказать, попастьъ къ нему на дорогу?»

«Тому не нужно далеко ходить, у кого чортъ за плечами» произнесъ равнодушно Пацюкъ, не измѣняя своего положенія.

Вакула уставилъ въ него глаза, какъ-будто бы на лбу его написано было изъясненіе этихъ словъ. «Что онъ говоритъ?» безмолвно спрашивала его мина; а полуотверзтый ротъ готовился проглотить, какъ галушку, первое слово. Но Пацюкъ молчалъ. Тутъ замѣтилъ Вакула, что ни галушекъ, ни кадушки передъ нимъ не было; но вмѣсто того на полу стояли двѣ деревянныя миски: одна была наполнена варениками, другая сметаною. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотримъ» говорилъ онъ самъ-себѣ: «какъ будетъ ѣсть Пацюкъ вареники. Наклоняться онъ, вѣрно, не захочетъ, чтобы хлебать, какъ галушки; да и нельзя: нужно вареникъ сперва обмакнуть въ сметану». Толь-

ко-что онъ успѣлъ это подумать, Пацюкъ разинулъ ротъ; поглядѣлъ на вареники и еще больше разинулъ ротъ. Въ это время вареникъ выплеснулся изъ миски, шлепнулся въ сметану, перевернулся на другую сторону, подскочилъ вверхъ и какъ-разъ попалъ ему въ ротъ. Пацюкъ съелъ и снова разинулъ ротъ, и вареникъ такимъ же порядкомъ отправился снова. На себя только принималъ онъ трудъ жевать и проглатывать. «Вишь, какое диво!» подумалъ кузнецъ, разинувъ отъ удиленія ротъ и тотъ же часъ замѣтилъ, что вареникъ лѣзетъ и къ нему въ ротъ и уже вымазалъ губы сметаною. Оттолкнувши вареникъ и вытерши губы, кузнецъ началъ размышлять о томъ, какія чудеса бывають на свѣтѣ и до какихъ мудростей доводитъ человека нечистая сила, замѣтя притомъ, что одинъ только Пацюкъ можетъ помочь ему. «Поклонюсь ему еще, пусть растолкуетъ хорошенько... Однако, что за чортъ! вѣдь сегодня *голодная кутья*, а онъ ѣстъ вареники, вареники скоромные! Что я, вѣ-самомъ-дѣлѣ, за-дуракъ: стою тутъ и грѣха набираюсь! Назадъ!» и набожный кузнецъ опрометью выбѣжалъ изъ хаты.

Однако жъ чортъ, сидѣвшій въ мѣшкѣ и за-

ранѣе уже радовавшійся, не могъ вытерпѣть, чтобы ушла изъ рукъ его такая славная добыча. Какъ только кузнецъ опустилъ мѣшокъ, онъ выскочилъ изъ него и сълъ верхомъ ему на шею.

Морозъ подралъ по кожѣ кузнеца; испугавшись и поблѣднѣвъ, не зналъ онъ, что дѣлать; уже хотѣлъ перекреститься... Но чортъ, наклонивъ свое собачье рыльце ему на правое ухо, сказалъ: «Это я — твой другъ; все сдѣлаю для товарища и друга! Денегъ дамъ, сколько хочешь» пискнулъ онъ ему въ лѣвое ухо: «Оксана будетъ сегодня же наша» шепнулъ онъ, заворотивши свою морду снова на правое ухо. Кузнецъ стоялъ, размышляя.

«Изволь» сказалъ онъ наконецъ: «за такую цѣну готовъ быть твоимъ!»

Чортъ всплеснулъ руками и началъ отъ радости галопировать на шеѣ кузнеца. «Теперь-то попался кузнецъ!» думалъ онъ про-себя: «теперь-то я вымещу на тебѣ, голубчикъ, всѣ твои малеванья и небылицы, взводимыя на чертей! Что теперь скажутъ мои товарищи, когда узнаютъ, что самый набожнѣйшій изъ всего села человекъ въ моихъ рукахъ?» Тутъ чортъ засмѣялся отъ радости, вспомнивши, какъ будетъ драз-

нить въ адѣ все хвостатое племя, какъ будетъ бѣситься хромою чортъ, считавшійся между ими первымъ на выдумки.

«Ну, Вакула!» проицалъ чортъ, все такъ же, не слезая съ шеи, какъ-бы опасаясь, чтобы онъ не убѣжалъ: «ты знаешь, что безъ контракта ничего не дѣлають».

«Я готовъ!» сказалъ кузнецъ. «У васъ, я слышалъ, расписываются кровью; постой же, я достану въ карманъ гвоздь!» Тутъ онъ заложилъ назадъ руку — и хватъ чорта за хвостъ.

«Вишь, какой шутникъ!» закричалъ, смѣясь, чортъ: «ну, полно, довольно уже шалить!»

«Постой, голубчикъ!» закричалъ кузнецъ: «а вотъ это какъ тебѣ покажется?» при этомъ словѣ онъ сотворилъ крестъ, и чортъ сдѣлался такъ тихъ, какъ ягненокъ. «Постой же» сказалъ онъ, стаскивая его за хвостъ на землю: «будешь ты у меня знать подучивать на грѣхи добрыхъ людей и честныхъ христіанъ». Тутъ кузнецъ вскочилъ на него верхомъ и поднялъ руку для крестнаго знаменія.

«Помилуй, Вакула!» жалобно простовалъ чортъ: «все, что для тебя нужно, все сдѣлаю;

отпусти только душу на покаяніе: не клади на меня страшнаго креста!»

«А, вотъ какимъ голосомъ заплѣлъ, иѣмецъ проклятый! Теперь я знаю, что дѣлать. Вези меня сей же часъ на себѣ! слышишь, неси, какъ птица!»

«Куда?» произнесъ печальный чортъ.

«Въ Петербургъ, прямо къ царицѣ!» и кузнецъ обомлѣвъ отъ страха, чувствуя себя поднимающимся на воздухъ.

Долго стояла Оксана, раздумывая о странныхъ рѣчахъ кузнеца. Уже внутри ея что-то говорило, что она слишкомъ жестоко поступила съ нимъ. «Что, если онъ въ самомъ-дѣлѣ рѣшится на что-нибудь страшное? Чего добраго! можетъ-быть, онъ съ-горя вздумаетъ влюбиться въ другую и съ досады станетъ называть ее первою красавицею на селѣ! Но иѣтъ, онъ меня любитъ. Я такъ хороша! Онъ меня ни за что не промѣняетъ; онъ шалитъ, прикидывается. Не пройдетъ минутъ десяти, какъ онъ вѣрно

придетъ поглядѣть на меня. Я, въ-самомъ-дѣлѣ, сурова. Нужно ему дать, какъ-будто нехотя, поцаловать себя. То-то онъ обрадуется!» и вѣтреная красавица уже шутила съ своими подругами. «Постойте» сказала одна изъ нихъ: «кузнецъ позабылъ мѣшки свои; смотрите: какіе страшные мѣшки! Онъ не по-нашему наколядовалъ: я думаю, сюда по цѣлой четверти барана кидали; а колбасамъ и хлѣбамъ, вѣрно, счету нѣтъ. Роскошь! цѣлые праздники можно объѣдаться».

«Это кузнецовы мѣшки?» подхватила Оксана: «утащимъ скорѣе ихъ ко мнѣ въ хату, и разглядимъ хорошенько, что онъ сюда положилъ». Всѣ со смѣхомъ одобрили такое предложеніе.

«Но мы не поднимаемъ ихъ!» закричала вся толпа вдругъ, сляясь сдвинуть мѣшки.

«Постойте» сказала Оксана: «побѣжимъ скорѣе за санками и отвеземъ на санкахъ!»

И толпа побѣжала за санками.

Плѣнникамъ сильно прискучило сидѣть въ мѣшкахъ, несмотря на то, что дьякъ проткнулъ для себя пальцемъ порядочную дыру. Если бы еще не было народу, то, можетъ-быть, онъ нашелъ бы средство выѣзть; но выѣзть изъ

мѣшка при всѣхъ, показать себя на-смѣхъ... это удерживало его, и онъ рѣшился ждать, слегка только побряхтывая подъ невѣжливыми сапогами Чуба. Чубъ самъ не менѣе желалъ свободы, чувствуя, что подъ нимъ лежитъ что-то такое, на чемъ сидѣть страхъ было неловко. Но какъ-скоро услышалъ рѣшеніе своей дочери, то успокоился и не хотѣлъ уже выльзть, разсуждая, что къ хатѣ своей нужно пройти, по-крайней-мѣрѣ, шаговъ съ сотню, а можетъ-быть и другую. Выльзши же, нужно же оправиться, застегнуть кожухъ, подвязать поясъ — сколько работы! да и капелюхи остались у Солохи. Пусть же лучше дѣвчата доvezутъ на санкахъ. Но случилось совсѣмъ не такъ, какъ ожидалъ Чубъ: въ то время, когда дѣвчата побѣжали за санками, худощавый кумъ выходилъ изъ шинка разстроенный и не въ духъ. Шинкарка ни-какимъ-образомъ не рѣшалась ему вѣрить въ долгъ; онъ хотѣлъ-было дожидаться, авось-либо придетъ какой-нибудь набожный дворянинъ и попотчуетъ его; но какъ нарочно, всѣ дворяне оставались дома и, какъ честные христіане, ѣли кутью среди своихъ домашнихъ. Размышляя о развращеніи нравовъ и о деревян-

номъ сердце жидовки, продающей вино, кумъ набрелъ на мѣшки и остановился въ изумленіи. «Вишь какіе мѣшки кто-то бросилъ на дорогу!» сказалъ онъ, осматриваясь по сторонамъ: «должно быть тутъ и свинина есть. Пользло же кому-то счастье заколдовать столько всякой всячины! Экіе страшные мѣшки! Положимъ, что они набиты гречаниками да коржами, и то *добре*; хотя бы были тутъ одиѣ паланицы, и то въ *шмакъ*: жидовка за каждую паланицу даетъ осьмуху водки. Утащитъ скорѣе, чтобы кто не увидѣлъ». Тутъ взвалилъ онъ себѣ на плеча мѣшокъ, съ Чубомъ и дякомъ, но почувствовалъ, что онъ слишкомъ тяжелъ. «Нѣтъ, одному будетъ тяжело нести» проговорилъ онъ: «а вотъ, какъ нарочно, идетъ ткачъ Шануваленко. Здравствуй, Остапъ!»

«Здравствуй,» сказалъ остановившійся ткачъ.

«Куда идешь?»

«А такъ, иду, куда ноги идутъ».

«Помоги, человекъ добрый, мѣшки снести! Кто-то колодовалъ, да и кинулъ посреди дороги. Добромъ раздѣлимся пополамъ».

«Мѣшки? а съ чѣмъ мѣшки, съ киншами или паланицами?»

«Да думаю, всего есть». Тутъ выдернули они наскоро изъ плетня палки, положили на нихъ мѣшокъ и понесли на плечахъ.

«Куда жъ мы понесемъ его? въ шинокъ?» спросилъ дорогою ткачъ.

«Оно бы и я такъ думалъ, чтобы въ шинокъ, но вѣдь проклятая жидовка не повѣритъ, подумаетъ еще, что гдѣ-нибудь украли; къ тому же я только-что изъ шинка. Мы отнесемъ его въ мою хату. Намъ никто не помѣшаетъ: жинки нѣтъ дома».

«Да точно ли нѣтъ дома?» спросилъ осторожный ткачъ.

«Слава Богу, мы несовсѣмъ еще безъ ума» сказалъ кумъ: «чортъ ли бы принесъ меня туда, гдѣ она. Она, думаю, протаскается съ бабами до свѣта».

«Кто тамъ?» закричала кумова жена, услышавъ шумъ въ сѣняхъ, произведенный приходомъ двухъ пріятелей съ мѣшкомъ, и отворяя дверь.

Кумъ остолбенѣлъ.

«Вотъ тебѣ на!» произнесъ ткачъ опустя руки.

Кумова жена была такого рода сокровище,

какихъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и зажиточныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппетитомъ и дралась только по утрамъ съ своимъ мужемъ, потому-что въ это только время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваръ волостнаго писаря: крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни остатки; потому-что всякій, выходявшій изъ дому, никогда не бралъ палки для собакъ, въ-надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую изъ его плетня. Печь не топилась дня по три. Все, что она спрашивала нѣжная супруга у добрыхъ людей, прятала какъ можно подалѣе отъ своего мужа и часто самоуправно отнимала у него добычу, если онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ. Кумъ, несмотря на всегдашнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоними глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ.

Теперь можно себя представить, какъ были озадачены ткачъ и кумъ такимъ неожиданнымъ явленіемъ. Опустивши мѣшокъ, они заступили его собою и закрыли полами; но уже было поздно: кумова жена, хотя и дурно видѣла старыми глазами, однако жъ мѣшокъ замѣтила. «Вотъ это хорошо!» сказала она съ такимъ видомъ, въ которомъ замѣтна была радость ястреба: «это хорошо, что наколядовали столько! Вотъ такъ всегда дѣлаютъ добрые люди; только нѣтъ, я думаю, гдѣ-нибудь подцѣпили. Покажите мнѣ сейчасъ, слышите, покажите сей же часъ мѣшокъ вашъ!»

«Лысый чортъ тебѣ покажетъ, а не мы» сказала, пріосанясь, кумъ.

«Тебѣ какое дѣло?» сказалъ ткачъ: «мы наколядовали, а не ты».

«Нѣтъ, ты мнѣ покажешь, негодный пьяница!» вскричала жена, ударивъ высокаго кума кулакомъ въ подбородокъ, и продираясь къ мѣшку. Но ткачъ и кумъ мужественно отстояли мѣшокъ и заставили ее попятиться назадъ. Не успѣли они оправиться, какъ супруга выбѣжала въ сѣни уже съ кочергою въ рукахъ. Проворно хватима кочергою мужа по рукамъ, ткача по спишь, и уже стояла возлѣ мѣшка.

«Что мы допустили ее?» сказалъ ткачь, очнувшись.

«Э, что мы допустили! а отчего ты допустилъ!» сказалъ хладнокровно кумь.

«У васъ кочерга, видно, желъзная!» сказалъ послѣ небольшого молчанія ткачь, почесывая спину. «Моя жинка купила прошлый годъ на ярмаркѣ кочергу, дала пивконы; та ничего... не больно...»

Между-тѣмъ торжествующая супруга, поставивъ на полъ каганецъ, развязала мѣшокъ и заглянула въ него.

Но, вѣрно, старые глаза ея, которые такъ хорошо увидѣли мѣшокъ, на этотъ разъ обманулись. «Э, да тутъ лежитъ цѣлый кабанъ!» вскрикнула она, всплеснувъ отъ радости въ ладоши.

«Кабанъ! слышишь, цѣлый кабанъ!» толкала ткачь кума: «а все ты виновать!»

«Что жъ дѣлать!» произнесъ, пожимая плечами, кумь.

«Какъ что? чего мы стоимъ? отнимемъ мѣшокъ! ну приступай!»

«Пошла прочь! пошла! это нашъ кабанъ!» кричалъ выстуная ткачь.

«Ступай, ступай, чортова баба! это не твое добро!» говорилъ, приближаясь, кумъ.

Супруга принялась снова за кочергу, но Чубъ въ это время вылезъ изъ мѣшка и сталъ посреди сѣней, потягиваясь, какъ человекъ, только-что пробудившійся отъ долгаго сна.

Кумова жена вскрикнула, ударивши объ полы руками, и всѣ невольно разинули рты.

«Что жъ она, дура, говоритъ: кабанъ! Это не кабанъ!» сказалъ кумъ выпуча глаза.

«Вишь какого человека кинуло въ мѣшокъ!» сказалъ ткачъ, пятясь отъ испугу. «Хоть что хочешь говори, хоть тресни, а не обошлось безъ нечистой силы. Вѣдь онъ не пролезетъ въ окошко!»

«Это кумъ!» вскрикнулъ, взглянувъ, кумъ.

«А ты думалъ кто?» сказала Чубъ, усмѣхаясь. «Что, славную я выкинулъ надъ вами штуку? А вы, небось, хотѣли меня съѣсть вмѣсто свинины? Пойдите же я васъ порадую: въ мѣшкѣ лежитъ еще что-то, если не кабанъ, то навѣрно поросенокъ или иная живность. Подо мною безпрестанно что-то шевелилось».

Ткачъ и кумъ кинулись къ мѣшку, хозяйка дома уцѣпилась съ противной стороны, и дра-

ка возобновилась бы снова, если бы дьякъ, увидвши теперь, что ему некуда скрыться, не выкарабкался изъ мышка.

Кумова жена, остолбеневъ, выпустила изъ рукъ ногу, за которую начала-было тянуть дьяка изъ мышка.

«Вотъ и другой еще!» вскрикнулъ со страхомъ ткачъ: «чортъ знаетъ, какъ стало на свѣтъ... голова идетъ кругомъ... не колбасы и не наливницы, а людей кидаютъ въ мышки!»

«Это дьяволъ!» произнесъ, изумившись болѣе всѣхъ Чубъ: «вотъ тебѣ на! ай да Солоха! посадить въ мышокъ... То-то я гляжу, у нея полная хата мышковъ... Теперь я все знаю: у нея въ каждомъ мышкѣ сидѣло по два челоуѣкка. А я думалъ, что она только мнѣ одному... вотъ тебѣ и Солоха!»

Дѣвушки немного удивились, не найдя одного мышка. «Нечего дѣлать, будетъ съ насъ и этого» лепетала Оксана. Всѣ принялись за мышокъ и взвалили его на санки. Голова рѣшился

молчать, рассуждая, что если онъ закричитъ, чтобы его выпустили и развязали мѣшокъ — глупыя дѣвчата разбѣгутся, подумаютъ, что въ мѣшкѣ сидитъ дьяволъ, и онъ останется на улицѣ, можетъ-быть, дозавтра. Дѣвушки между-тѣмъ, дружно взяли за руки, полетѣли, какъ вихорь, съ санками по скрыпучему снѣгу. Многія изъ нихъ, шая, сѣли на санки; другія взбирались на самого голову. Голова рѣшился сносить все. Наконецъ прѣехали, отворили настежъ дверь въ сѣняхъ и въ хатъ, и съ хохотомъ втащили мѣшокъ. «Посмотримъ, что-то лежитъ тутъ» закричали всѣ, бросившись развязывать. Тутъ икота, которая не переставала мучить голову во все время сидѣнія его въ мѣшкѣ, такъ усилилась, что онъ началъ икать и кашлять во все горло. «Ахъ, тутъ сидитъ кто-то!» закричали всѣ и въ испугъ бросились вонъ изъ дверей.

«Что за чортъ! куда вы мечетесь, какъ угорь-лыя?» сказалъ, входя въ дверь, Чубъ.

«Ай, батько!» произнесла Оксана: «въ мѣшкѣ сидитъ кто-то!»

«Въ мѣшкѣ! гдѣ вы взяли этотъ мѣшокъ?»

«Кузнецъ бросилъ его посреди дороги» сказали всѣ вдругъ.

«Ну, такъ, не говорилъ ли я?..» подумалъ про-себя Чубъ. «Чего жъ вы испугались? посмо-тримъ: а ну-ка, человиче, прошу не погнѣваться, что не называемъ по имени и отчеству, выль-зай изъ мѣшка!»

Голова выльзъ.

«Ау!» вскрикнули дѣвушки.

«И голова вльзъ туда жъ» говорилъ про-себя Чубъ въ недоумѣнн, мѣряя его съ головы до ногъ: «вишь какъ!.. Э!..» болѣе онъ ничего не могъ сказать.

Голова самъ былъ не меньше смущенъ и не зналъ, что начать. «Должно-быть, на дворъ хо-лодно?» сказалъ онъ, обращаясь къ Чубу.

«Морозецъ есть» отвѣчалъ Чубъ: «а позволю спросить тебя: чѣмъ ты смазываешь свои сапоги, смальцемъ, или дегтемъ?» Онъ хотѣлъ не то ска-зать; онъ хотѣлъ спросить: какъ ты, голова, залзъ въ этотъ мѣшокъ? но самъ не пони-малъ, какъ выговорилъ совершенно другое.

«Дегтемъ лучше» сказалъ голова: «ну, про-щай, Чубъ!» и, нахлобучивъ капелюхи, вышелъ изъ хаты.

«Для чего, спросилъ я съ-дуру, чѣмъ онъ ма-жетъ сапоги!» произнесъ Чубъ, поглядывая на

двери, въ которыя вышелъ голова: «ай да Солоха! эдакого челоуька засадить въ мѣшокъ!... Вишь, чортова баба! А я дуракъ... да гдѣ же тотъ проклятый мѣшокъ?»

«Я кинула его въ уголь, тамъ больше ничего нѣтъ» сказала Оксана.

«Знаю я эти штуки, ничего нѣтъ! Подайте его сюда: тамъ еще одинъ сидить! Встряхните его хорошенько... Что, нѣтъ? Вишь, проклятая баба! А поглядѣть на нее — какъ святая, какъ-будто и скромнаго никогда не брала въ ротъ».

Но оставимъ Чуба изливать на-досугъ свою досаду и возвратимся къ кузнецу, потому-что уже на дворѣ, вѣрно, есть часъ девятый.

Сначала страшно показалось Вакулѣ, когда поднялся онъ отъ земли на такую высоту, что ничего уже не могъ видѣть внизу и пролетѣлъ, какъ муха, подъ самымъ мѣсяцемъ, такъ-что если бы не наклонился немного, то зацѣпилъ бы его шапкою. Однако жъ, немного спустя, онъ ободрился и уже сталъ подшучивать надъ чортомъ.

Все было светло въ вышинѣ. Воздухъ, въ легкомъ серебряномъ туманѣ, былъ прозраченъ. Все было видно, и даже можно было замѣтить, какъ вихремъ пронесся мимо ихъ, сидя въ торникѣ, колдунъ; какъ звезды, собравшись въ кучу, играли въ жмурки; какъ облакомъ клубился въ сторонѣ цѣлый рой духовъ; какъ плясавшій при мѣсяцѣ чертъ снялъ шапку, увидѣвши кузнеца, скачущаго верхомъ; какъ метла возвращавшаяся назадъ метла, на которой, видно, только что съездила, куда нѣжно, вѣдьма... много еще дрянн встрѣчали они. Все, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядѣть на него, и потомъ снова неслоь далѣе и продолжало свое; кузнецъ все летѣлъ, и вдругъ заблестѣлъ передъ нимъ Петербургъ весь въ огнѣ. (Тогда была по какому-то случаю иллюминація). Чертъ, перелетѣвъ черезъ шлагбаумъ, оборотился въ коня, и кузнецъ увидѣлъ себя на лихомъ бѣгунѣ среди улицы. Боже мой! стукъ, громъ, блескъ; по обѣимъ сторонамъ гроиздаются четырехъ-этажныя стѣны; стукъ конскихъ копытъ и колесъ отзывался громомъ и отдавался съ четырехъ сторонъ; дома росли, и будто подымались изъ земли на каждомъ шагу; мосты дрожали; кареты летѣли;

извоцики, форейторы кричали; снѣгъ свистѣлъ подъ тысячью летящихъ со всѣхъ сторонъ саней; пѣшеходы жались и тѣснились подъ домами, униженными площадками, и огромныя тѣни ихъ мелькали по стѣнамъ, досягая головою трубъ и крышъ. Съ изумленіемъ оглядывался кузнецъ на всѣ стороны. Ему казалось, что всѣ дома устремили на него свои безчисленныя огненныя очи и глядѣли. Господь въ крытыхъ сукномъ шубахъ, онъ увидѣлъ такъ много, что не зналъ, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тутъ панства!» подумалъ кузнецъ: «я думаю, каждый, кто ни пройдетъ по улицъ въ шубѣ, то и засѣдатель, то и засѣдатель! а тѣ, что катаются въ такихъ чудныхъ бричкахъ со стеклами, тѣ, когда не городничіе, то вѣрно комиссары, а можетъ, еще и больше». Его слова прерваны были вопросомъ чорта: «Прямо ли ѣхать къ царицѣ!» — «Нѣтъ, страшно» подумалъ кузнецъ: «тутъ, гдѣ-то, не знаю, пристали запорожцы, которые проѣзжали осенью чрезъ Диканьку. Они ѣхали изъ Сѣчи съ бумагами къ царицѣ; все бы таки посоветоваться съ ними. Эй, сатана! полѣзай ко мнѣ въ карманъ, да веди къ запорожцамъ!» Чортъ въ одну минуту

похудѣлъ и сдѣлался такимъ маленькимъ, что безъ труда вѣлъ къ нему въ карманъ. А Вакула не успѣлъ оглянуться, какъ очутился передъ большимъ домомъ, вошелъ, самъ не зная какъ, на лѣстницу, отворилъ дверь и подался немного назадъ отъ блеска, увидѣвши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тѣхъ самыхъ заворожцевъ, которые проѣзжали черезъ Диканьку, а теперь сидѣли на шелковыхъ диванахъ, поджавъ подъ себя намазаннныя дегтемъ сапоги, и курили самый крѣпкій табакъ, называемый обыкновенно корешками.

«Здравствуйте, панове! помогай Богъ вамъ! вотъ гдѣ увидѣлись!» сказалъ кузнецъ, подошедши ближе и отвѣсивши поклонъ до земли.

«Что тамъ за челоувѣкъ?» спросилъ сидѣвшій передъ самымъ кузнецомъ другаго, сидѣвшаго подалѣе.

«А вы не узнали?» сказалъ кузнецъ: «это я, Вакула, кузнецъ! Когда проѣзжали осенью черезъ Диканьку, то прогостили, дай Боже вамъ всякаго здоровья и долголѣтїя, безъ малаго два дня. Я новую шину тогда поставилъ на переднее колесо вашей кибитки!»

«А!» сказалъ тотъ же заворожецъ: «это тотъ

самый кузнецъ, который маюеть важно. Здорово, землякъ! зачѣмъ тебя Богъ принесъ?»

«А такъ, захотѣлось поглядѣть, говорятъ...»

«Что жь, землякъ» сказала, приосанясь, запорожець и желая показать, что онъ можетъ говорить и по-русски: «што, балшой городъ?»

Кузнецъ и себя не хотѣлъ осрамить и показаться новичкомъ; притомъ же, какъ имѣли случай видѣть выше сего, онъ зналъ и самъ грамотный языкъ. «Губернія знатная!» отвѣчалъ онъ равнодушно: «нечего сказать, дома балшущіе, картины висятъ скрозь важныя. Многіе дома цисписаны буквами изъ сусальнаго золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорція!»

Запорожцы, услышавши кузнеца, такъ свободно изъясняющагося, вывели заключеніе, очень для него выгодное.

«Послѣ потолкуемъ съ тобою, землякъ, побольше; теперь же мы ѣдемъ сейчасъ къ царицѣ».

«Къ царицѣ? А будьте масковы, панове, возьмите и меня съ собою!»

«Тебя?» произнесъ запорожець съ такимъ видомъ, съ какимъ говоритъ дядька четырехлѣтне-

му своему воспитаннику, который просить посадить его на настоящую, на большую лошадь: «Что ты будешь там дѣлать? Нить, не можно». При этомъ на лицѣ его выразилась значительная мина.

«Мы, братъ, будемъ съ царицею толковать про свое». — «Возьмите!» настаивалъ кузнецъ. «Проси!» шепнулъ онъ тихо чорту, ударивъ кулакомъ по карману. Не успѣлъ онъ этого сказать, какъ другой запорожецъ проговорилъ: «Возьмемъ его, въ-самомъ-дѣль, братцы!»

«Пожалуй, возьмемъ!» произнесли другіе.

«Надѣвай же платье такое, какъ и мы!» — Кузнецъ схватился натянуть на себя зеленый жупанъ, какъ вдругъ дверь отворилась и вошедшій съ позументами человекъ сказалъ, что пора бѣжать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда онъ понесся въ огромной каретѣ, качаясь на прессорахъ, когда съ обѣихъ сторонъ мимо его бѣжали назадъ четырехъ-этажные дома, и мостовая, гремя, казалась, сама катилась подъ ноги лошадей.

«Боже ты мой, какой свѣтъ!» подумалъ про себя кузнецъ: «у насъ днемъ не бываетъ такъ свѣтло».

Кареты остановились передъ дворцомъ. Запорожцы вошли, вступили въ великолѣпныя стѣны и начали подыматься на блистательно-освященную лѣстницу. «Что за лѣстница!» шепталь про себя кузнецъ: «жалъ ногами топтать. Экія украшенія! Вотъ говорятъ: лгутъ сказки! кой чортъ лгутъ! Боже ты мой, что за перила! какаѣ работы! тутъ одного желѣза рублей на пятьдесятъ пошло!»

Уже взобравшись на лѣстницу, запорожцы прошли первую залу. Робко слѣдовалъ за ними кузнецъ, опасаясь на каждомъ шагѣ поскользнуться на паркетѣ. Прошли три залы, кузнецъ все еще не переставалъ удивляться. Вступивши въ четвертую, онъ невольно подошелъ къ висѣвшей на стѣнѣ картинѣ. Это была Пречистая Дѣва съ Младенцемъ на рукахъ: «Что за картина! что за чудная живопись!» разсуждалъ онъ: «вотъ, кажется, говорить! кажется, живая! а Дитя Святое! и ручки прижало, и усмѣхается, бѣдное! а краски! Боже ты мой, какія краски! тутъ вохры, я думаю, и на конѣйку не пошло, все яръ, да баканъ; а голубая такъ и горитъ! важная работа! Должно-быть грунтъ наведенъ былъ блейвасомъ. Сколь однако жъ ни удивительны

сін малеванія, но эта мѣдная ручка» продолжалъ онъ, подходя къ двери и щупая замокъ: «еще большаго достойна удивленія; экъ какая чистая выдѣлка! это все, я думаю, нѣмецкіе кузнецы, за самыя дорогія цѣны, дѣлали...» Можетъ-быть, долго еще бы разсуждалъ кузнецъ, если бы лакей съ галунами не толкнулъ его подъ руку и не напомнилъ, чтобы онъ не отставалъ отъ другихъ. Запорожцы прошли еще двѣ залы и остановились. Тутъ вельно имъ было дожидаться. Въ залѣ толпилось нѣсколько генераловъ въ шитыхъ золотомъ мундирахъ. Запорожцы поклонились на всѣ стороны и стали въ кучу. Минуту, спустя вошелъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты, величественнаго роста, довольно плотный человекъ въ гетманскомъ мундирѣ и желтыхъ сапожкахъ. Волосы на немъ были растрепаны, одинъ глазъ немного кривъ, на лицѣ изображалась какая-то надменная величавость, во всѣхъ движеніяхъ видна была привычка повелѣвать. Всѣ генералы, которые расхаживали довольно спѣсиво въ золотыхъ мундирахъ, засуетились и съ низкими поклонами, казалось, ловили каждое его слово и даже малѣйшее движеніе, чтобы сейчасъ лѣтъ выполнять его. Но гетманъ не обратилъ даже и

вниманія на все это, едва кивнулъ головою и подошелъ къ запорожцамъ.

«Запорожцы все отвѣсили поклонъ въ-ноги.

«Все ли вы здесь?» спросилъ онъ протяжно, произнося слова немного въ-нось.

«Та вси, батько!» отвѣчали запорожцы, кланяясь снова.

«Не забудьте говорить такъ, какъ я васъ училъ!»

«Нѣтъ, батько, не позабудемъ».

«Это царь?» спросилъ кузнецъ одного изъ запорожцевъ.

«Куда тебѣ царь! это самъ Потемкинъ» отвѣчалъ тотъ.

Въ другой комнату послышались голоса, и кузнецъ не зная, куда деть свои глаза отъ множества вонедлиныхъ дамъ, въ атласныхъ платьяхъ съ длинными хвостами, и придворныхъ, въ шитыхъ золотомъ кафтанахъ и съ пучками назадъ. Онъ только видѣлъ одинъ блескъ и больше ничего. Запорожцы вдругъ все пали на землю и закричали въ одинъ голосъ: «Помилуй, мамо! помилуй!» Кузнецъ, не видя ничего, растяннулся и самъ, со всѣмъ усердіемъ, на полу.

«Встаньте!» прозвучало надъ ними повелитель-

ный и вѣсть пріятный голосъ. Нѣкоторые изъ придворныхъ засуетились и толкали запорожцевъ.

«Не встанемъ, мамо! не встанемъ! умремъ, а не встанемъ!» кричали запорожцы.

Потемкинъ кусалъ себѣ губы; наконецъ подошелъ самъ и повелительно шепнулъ одному изъ запорожцевъ. Запорожцы поднялись.

Тутъ осмѣлился и кузнецъ поднять голову и увидѣлъ стоявшую передъ собою небольшого роста женщину, нѣсколько даже дородную, напудренную, съ голубыми глазами и вѣсть съ тѣмъ величественно-улыбающимся видомъ, который такъ умѣлъ покорять себѣ все и могъ только принадлежать одной царствующей женщинѣ.

«Свѣтлѣйшій обѣщала меня познакомить сегодня съ моимъ народомъ, котораго я до-сихъ-поръ еще не видала» говорила дама съ голубыми глазами, рассматривая съ любопытствомъ запорожцевъ: «хорошо ли васъ здѣсь содержать?» продолжала она, подходя ближе.

«*Та спасибі, мамо!* Провіантъ даютъ хорошій, хотя бараны здѣшніе совсѣмъ не то, что у насъ на Запорожьѣ, — почему жъ не жить какъ-нибудь?...»

Потемкинъ поморщился, видя, что запорожцы говорятъ совершенно не то, чему онъ ихъ училъ....

Одинъ изъ запорожцевъ, пріосанясь, выступилъ впередъ: «Помилуй, мамо! чѣмъ тебя твой вѣрный народъ прогнѣвалъ? Развѣ держали мы руку поганого татарина; развѣ соглашались въ чѣмъ-либо съ турчиномъ; развѣ измѣнили тебѣ дѣломъ или помышленіемъ! За что жъ немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь вездѣ строить крѣпости отъ насъ; послѣ слышали, что хочешь *поворотить въ карабинеры*; теперь слышимъ новыя напасти. Чѣмъ виновато запорожское войско? тѣмъ ли, что перевело твою армію чрезъ Перекопъ и помогло твоимъ енараламъ порубать крымцевъ?...

Потемкинъ молчалъ и небрежно чистилъ небольшою щеточкою свои брилльянты, которыми были унижены его руки.

«Чего же хотите вы?» заботливо спросила Екатерина.

Запорожцы значительно взглянули другъ на друга.

«Теперь пора! царица спрашиваетъ, чего хо-

тите?» сказалъ самъ-себѣ кузнецъ и вдругъ повалился на землю:

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Изъ чего, не во гнѣвъ будь сказано вашей царской милости, сдѣланы черевики, что на ногахъ вашихъ? Я думаю, ни одинъ швецъ, ни въ одномъ государствѣ на свѣтъ не съумѣетъ такъ сдѣлать. Боже ты мой, что, если бы моя жинка надѣла такіе черевики!»

Государыня засмѣялась. Придворные засмѣялись тожъ. Потемкинъ и хмурился и улыбался вмѣстѣ. Запорожцы начали толкать подъ руку кузнеца, думая, не съ ума ли онъ сошелъ.

«Встань!» сказала ласково государыня: «если тебѣ такъ хочется имѣть такіе башмаки, то это не трудно сдѣлать. Принесите ему сей же часъ башмаки самые дорогіе, съ золотомъ! Право, мнѣ очень нравится это простодушіе! Вотъ, вамъ» продолжала государыня, устремивъ глаза на стоявшаго подалѣе отъ другихъ господина, съ полнымъ, но нѣсколько блѣднымъ лицомъ, котораго скромный кафтанъ съ большими перламутровыми пуговицами показывалъ, что онъ не принадлежалъ

къ числу придворныхъ: «предметъ, достойный остроумнаго пера вашего!»

«Вы, ваше императорское величество, слишкомъ милостивы. Тутъ нуженъ, по-крайней-мѣрѣ, Лафонтенъ!» отвѣчалъ, поклонясь, господишь съ перламутровыми пуговицами.

«По-чести, скажу вамъ: я до-сихъ-поръ безъ памяти отъ вашего «Бригадира». Вы удивительно хорошо чигаєте! Однако жъ» продолжала государыня, обращаясь снова къ запорожцамъ: «я слышала, что на Сѣчь у васъ никогда не жепятся».

«Якъ же, мамо! вѣдь челоуьку, сама знаешь, безъ жинки нельзя жить» отвѣчалъ тотъ самый запорожець, который разговаривалъ съ кузнецомъ, и кузнецъ удивился, слыша, что этотъ запорожець, зная такъ хорошо грамотный языкъ, говоритъ съ царицею, какъ-будто нарочно, самымъ грубымъ, обыкновенно называемымъ мужицкимъ нарѣчїемъ. «Хитрый народъ!» подумалъ онъ самъ-себѣ: «вѣрно, не даромъ онъ это дѣлаетъ».

«Мы не чернецы» продолжалъ запорожець: «а люди грѣшныя. Падки, какъ и все честное христіанство, до скоромнаго. Есть у насъ не ма-

ло такихъ, которые имѣють женъ, только не живутъ съ ними на Сѣчѣ. Есть такіе, что имѣють женъ въ Польшѣ; есть такіе, что имѣють женъ въ Украинѣ; есть такіе, что имѣють женъ и въ Турецинѣ».

Въ это время кузнецу принесли башмаки. «Боже ты мой, что за украшеніе!» вскрикнулъ онъ радостно, ухвативъ башмаки: «ваше царское величество! что жъ, когда башмаки такіе на ногахъ, и въ нихъ, чайтельно, ваше благородіе, ходите и на ледъ *ковзаться*, какія жъ должны быть самыя ножки? думаю, по малой мѣрѣ, изъ чистаго сахару».

Государыня, которая точно имѣла самыя стройныя и прелестныя ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплиментъ изъ устъ простодушнаго кузнеца, который въ своемъ запорожскомъ платьи могъ почесться красавцемъ, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный такимъ благосклоннымъ вниманіемъ, кузнецъ уже хотѣлъ-было разспросить хорошенько царицу обо всемъ: правда ли, что цари ѣдятъ одинъ только медъ, да сало, и тому подобное — но, почувствовавъ, что занорожцы толкають его подъ бока, рѣшился замолчать; и

когда государыня, обратившись къ старикамъ, начала разспрашивать, какъ у нихъ живутъ на Съчѣ, какіе обычаи водятся — онъ, отошедши назадъ, нагнулся къ карману, сказалъ тихо: «Выноси меня отсюда скорѣе!» и вдругъ очутился за шлагбаумомъ.

«Утонулъ! ейбогу, утонулъ! вотъ, чтобы я не сошла съ этого мѣста, если не утонулъ!» лепетала толстая ткачиха, стоя въ кучѣ диканьскихъ бабъ, посреди улицы.

«Что жъ, развѣ я лгунья какая? развѣ я у кого-нибудь корову украма? развѣ я сглазила кого, что ко мнѣ не имѣютъ вѣры?» кричала баба въ казацкой свиткѣ съ фіолетовымъ носомъ, размахивая руками: «вотъ, чтобы мнѣ воды не захотѣлось пить, если старая Переперчиха не видѣла собственными глазами, какъ повѣсился кузнецъ!»

«Кузнецъ повѣсился? вотъ тебѣ на!» сказалъ голова, выходявшій отъ Чуба, остановился и протѣснился ближе къ разговаривавшимъ.

«Скажи лучше, чтобъ тебѣ водки не захотѣлось пить, старая пьяница!» отвѣчала ткачиха: «нужно быть такой сумасшедшей, какъ ты, чтобы повѣситься! Онъ утопулъ! утопулъ въ проруби! Это я такъ знаю, какъ тѣ, что ты была сейчасъ у шинкарки».

«Срамница! вишь, чѣмъ стала попрекать?» гнѣвно возразила баба съ фиолетовымъ носомъ: «молчала бы, негодница! Развѣ я не знаю, что къ тебѣ дякъ ходитъ каждый вечеръ».

Ткачиха вспыхнула.

«Что дякъ? къ кому дякъ? что ты врешь?»

«Дякъ?» пропѣла, тѣсясь къ ссорившимся, дячиха, въ тулупъ изъ заячьяго мѣха, крытомъ синею китайкой: «я дамъ знать дяка! Кто это говорить дякъ?»

«А вотъ къ кому ходитъ дякъ!» сказала баба съ фиолетовымъ носомъ, указывая на ткачиху.

«Такъ это ты, сука» сказала дячиха, подступая къ ткачихѣ: «такъ это ты, вѣдьма, напускаешь на него туманъ и поишь нечистымъ зѣльемъ, чтобы ходилъ къ тебѣ?»

«Отвяжись отъ меня, сатана!» говорила, плятась, ткачиха.

«Вишь, проклятая вѣдьма, чтобъ ты не до-

ждалась дѣтей своихъ видѣть, негодная! тьфу!..» тутъ дѣвчуха плюнула прямо въ глаза ткачихъ.

Ткачиха хотѣла сдѣлать то же, но вмѣсто того плюнула въ небритую бороду голову, который, чтобы лучше все слышать, подобрался къ самымъ спорившимъ. «А, скверная баба!» закричалъ голова, обтирая полою лицо и поднявши кнутъ. Это движеніе заставило всѣхъ разойтись съ ругательствами, въ разныя стороны. «Экая мерзость!» повторилъ голова, продолжая обтираться. «Такъ кузнецъ утопулъ! Боже ты мой, а какой важный живописецъ былъ! Какіе ножи крѣпкіе, серпы, плуги умѣлъ выковывать! Что за сила была! Да» продолжалъ онъ, задумавшись: «такихъ людей мало у насъ на селѣ. Тотъ я, еще сидя въ проклятомъ мѣшкѣ, замѣчалъ, что бѣдняжка былъ крѣпко не въ духѣ. Вотъ тебѣ и кузнецъ! былъ, а теперь и нѣтъ! А я собирался-было подковать свою рябую кобылу!...» и будучи полонъ такихъ христіанскихъ мыслей, голова тихо побрелъ въ свою хату.

Оксана смутилась, когда до нея дошли такія вѣсти; она мало вѣрила глазамъ Перецрчихи и толкамъ бабъ: она знала, что кузнецъ довольно

набоженъ, чтобы рѣшиться погубить свою душу. Но что, если онъ, въ-самомъ-дѣль, ушелъ съ намѣреніемъ никогда не возвращаться въ село? А вѣдь-ли и въ другомъ мѣстѣ найдется такой молодецъ, какъ кузнецъ. Онъ же такъ любилъ ее! Онъ долѣе всѣхъ выносилъ ея капризы! Красавица всю ночь подъ своимъ одѣяломъ поворачивалась съ праваго бока на лѣвый, съ лѣваго на правый, и не могла заснуть. То, разметавшись въ обворожительной наготѣ, которую почной мракъ скрывалъ даже отъ нея самой, она почти вслухъ бранила себя; то, притихнувъ, рѣшалась ни о чемъ не думать — и все думала; и вся горѣла; и къ утру влюбилась по-уши въ кузнеца.

Чубъ не изъявилъ ни радости, ни печали объ участи Вакулы. Его мысли заняты были однимъ: онъ никакъ не могъ позабыть вѣроломства Солохи и, сонный, не переставалъ бранить ее.

Настало утро. Вся церковь еще до свѣта была полна народа. Пожилыя женщины, въ бѣлыхъ намиткахъ, въ бѣлыхъ суконныхъ свиткахъ, набожно крестились у самаго входа церковнаго. Дворянки, въ зеленыхъ и желтыхъ кофтахъ, а инныя даже въ синихъ кунтушахъ

съ золотыми назади усами, стояли впереди ихъ. Дѣвчата, у которыхъ на головахъ намотана была цѣлая лавка лентъ, а на шеѣ, монистъ, крестовъ и дукатовъ, старались пробраться еще ближе къ иконостасу. Но впереди всѣхъ стояли дворяне и простые мужики съ усами, съ чубами, съ толстыми шеями, и только-что выбритыми подбородками, всѣ большою частию въ кобенякахъ, изъ-подъ которыхъ выказывалась бѣлая, а у иныхъ и синяя свитка. На всѣхъ лицахъ, куда ни взгляни, видѣнь былъ праздникъ. Голова облизывался, воображая, какъ онъ разговѣется колбасою; дѣвчата помышляли о томъ, какъ онѣ будутъ козаться съ хлопцами на льду; старухи усерднѣе, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, какъ казакъ Свербыгузь клалъ поклоны. Одна только Оксана стояла какъ-будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у нея столпилось столько разныхъ чувствъ, одно другаго досаднѣе, одно другаго печальнѣе, что лицо ея выражало одно только сильное смущеніе; слезы дрожали на глазахъ. Дѣвчата не могли понять этому причины и не подозревали,

чтобы виною былъ кузнецъ. Однако жъ, не одна Оксана была занята кузнецомъ. Весь міръ не замѣтили, что праздникъ — какъ-будто не праздникъ; что какъ-будто все чего-то недостаетъ. Какъ на бѣду, дьякъ, послѣ путешествія въ мѣшкѣ, охрипъ и дребезжалъ едва слышимымъ голосомъ; правда, пріѣзжій пѣвчій славно бралъ баса; но куда бы лучше, если бы и кузнецъ былъ, который всегда, бывало, какъ только пѣли «Отче нашъ» или «Иже херувимы» всходилъ на крыльцо и выводилъ оттуда тѣмъ же самымъ пѣнвомъ, какимъ поютъ и въ Полтавѣ. Къ тому же онъ одинъ исправлялъ должность церковнаго титора. Уже отошла заутрени; послѣ заутрени отошла обѣдня... куда жъ это, въ-самомъ-дѣль, запропастился кузнецъ?

Еще быстрее въ остальное время ночи несся чортъ съ кузнецомъ назадъ. И мигомъ очутился Вакула подлѣ своей хаты. Въ это время пропѣлъ

пѣтухъ. «Куда?» закричалъ кузнецъ, ухвати за хвостъ хотѣвшаго убѣжать чорта: «постой, пріатель, еще не все: я еще не поблагодарилъ тебя». Тутъ, схвативши хворостину, отвѣсилъ онъ ему три удара, и бѣдный чортъ припустилъ бѣжать, какъ мужикъ, котораго только-что вышарилъ засѣдатель. Итакъ, вмѣсто того, чтобы провестъ, соблазнить и одурачить другихъ, врагъ человѣческаго рода былъ самъ одураченъ. Послѣ сего Вакула вошелъ въ сѣни, зарылся въ сѣно и проспалъ до обѣда. Проснувшись, онъ испугался, когда увидѣлъ, что солнце уже высоко: «Я проспалъ заутреню и обѣдню!» Тутъ благочестивый кузнецъ погрузился въ уныніе, рассуждая, что это, вѣрно Богъ, нарочно, въ наказаніе за грѣшное его намѣреніе погубить свою душу, наслалъ сонъ, который не далъ даже ему побывать, въ такой торжественный праздникъ, въ церкви. Но однако жъ, успокоивъ себя тѣмъ, что въ слѣдующую недѣлю исповѣдается въ этомъ попу, и съ нынѣшняго же дня начнетъ бить по пятидесяти поклоновъ цѣлый годъ, заглянулъ онъ въ хату; но въ ней не было никого. Видно, Солоха еще не возвращалась. Бережно вынулъ онъ изъ-за пазухи башмаки и снова

изумился дорогой работѣ и чудному происшествію минувшей ночи; умылся, одѣлся какъ можно лучше, надѣлъ то самое платье, которое досталъ отъ запорожцевъ, вынулъ изъ сундука новую шапку изъ рѣшетилловскихъ смушекъ съ синимъ верхомъ, которой не надѣвалъ еще ни разу съ того времени, какъ купилъ ее еще въ бытность въ Полтавѣ; вынулъ также новый всѣхъ цвѣтовъ поясъ; положилъ все это вмѣстѣ съ нагайкою въ платокъ и отправился прямо къ Чубу.

Чубъ выпучилъ глаза, когда вошелъ къ нему кузнецъ, и не зналъ, чему дивиться: тому ли, что кузнецъ воскресъ, тому ли, что кузнецъ смѣлъ къ нему притти, или тому, что онъ нарядился такимъ щеголемъ и запорожцемъ. Но еще больше изумился онъ, когда Вакула развязалъ платокъ и положилъ предъ нимъ новехонькую шапку и поясъ, какого не видано было на селѣ, а самъ повалился ему въ-ноги и проговорилъ умоляющимъ голосомъ: «Помилуй, батько! не гнѣвись! вотъ тебѣ и нагайка: бей, сколько душа пожелаетъ, отдаюся самъ; во всемъ каюсь; бей, да не гнѣвись только! Ты жъ, когда-то, братался съ покойнымъ батькомъ, вмѣстѣ хлѣбъ-соль ѣли и магарычъ пили».

Чубъ не безъ тайнаго удовольствія видѣлъ, какъ кузнецъ, который никому на селѣ въ усь не дулъ, сгибалъ въ рукъ пятаки и подковы, какъ гречневые блины, тотъ самый кузнецъ лежалъ у ногъ его. Чубъ еще больше не уронить себя, Чубъ взялъ пагайку и ударилъ его три раза по спинѣ. «Ну, будетъ съ тебя, вставай! старыхъ людей всегда слушай! Забудемъ все, что было межъ нами! Ну, теперь говори, чего тебѣ хочется?»

«Отдай, батько, за меня Оксану!»

Чубъ немного подумалъ, поглядѣлъ на шапку и поясъ: шапка была чудная, поясъ также не уступалъ ей; вспомнилъ о вѣроломной Солохѣ и сказалъ рѣшительно: «добре! присылай сватовъ!»

«Ай!» вскрикнула Оксана, переступивъ черезъ порогъ и увидѣвъ кузнеца, и вперила съ изумленіемъ и радостію въ него очи.

«Погляди, какіе я тебѣ принесъ черевики!» сказалъ Вакула: «тѣ самые, что носятъ царица».

«Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ не нужно черевиковъ!» говорила она, махая руками и не сводя съ него очей: «я и безъ черевиковъ...» далье она не говорила и покраснѣла.

Кузнецъ подошелъ ближе, взявъ ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она такъ чудно-хороша. Восхищенный кузнецъ тихо поцаловалъ ее, и лицо ея нуще загорьлось, и она стала еще лучше.

Провъзжалъ черезъ Диканьку блаженной памяти архіерей, хвалилъ мѣсто, на которомъ стоитъ село, и провъзжая по улицѣ, остановился передъ новою хатою. «А чья это такая размалеванная хата?» спросилъ преосвященный у стоявшей близъ дверей красной женщины съ дѣтѣй на рукахъ. «Кузница Вакулы!» сказала ему, кланяясь, Оксана, потому-что это именно была она. «Славно! славно работа!» сказалъ преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругомъ красною краскою; на дверяхъ же вездѣ были казаки на лошадяхъ съ трубками въ зубахъ. Но еще больше похвалилъ преосвященный Вакулу, когда узналъ, что онъ выдержалъ церковное покаяніе и выкрасилъ даромъ весь лѣвый крыльцо зеленою краскою съ

красными цвѣтами. Это, однако жъ, не все: на стѣнѣ сбоку, какъ войдешь въ церковь, нама- левалъ Вакула чорта въ аду, такого гадкаго, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, какъ только расплакивалось у нихъ на рукахъ дитя, подносили его къ картиѣ и говорили: «онъ бачъ, яка така намалевана!» и дитя, удерживал слезѣнки, косилось на картину и жалось къ груди своей матери.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

161
162

LIBRARY

СТРАШНАЯ МЕСТЬ.

I.

Шумить, гремитъ конецъ Кіева: есауль Горобецъ празднуеть свадьбу своего сына. Наѣхало много людей къ есаулу въ-гости. Въ старину любили хорошенько поѣсть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться. Пріѣхаль на гнѣдомъ конѣ своемъ и заворожець Микитка прямо съ разгульной попойки съ Перешля поля, гдѣ поилъ онъ семь дней и семь но-

чей королевскихъ шляхтичей краснымъ виномъ. Пріѣхалъ и названный братъ есаула, Данило Бурульбашъ, съ другаго берега Днѣпра, гдѣ, промежъ двумя горами, былъ его хуторъ, съ молодою женою Катериною и съ годовымъ сыномъ. Дивилися гости блѣмому лицу пани Катерины, чернымъ, какъ нѣмецкій бархатъ, бровямъ, нарядной сукнѣ и исподницѣ изъ голубаго полу-табенеку, сапогамъ съ серебряными подковами; но еще больше дивились тому, что не пріѣхалъ вмѣстѣ съ нею старый отецъ. Всего только годъ жилъ онъ на заднѣпровьи, а двадцать одинъ пропадалъ безъ вѣсти и воротился къ дочкѣ своей, когда уже та вышла замужъ и родила сына. Онъ, вѣрно, много наразсказалъ бы дивнаго. Да какъ и не разсказать, бывши такъ долго въ чужой землѣ! Тамъ все не такъ: и люди не тѣ, и церковей христовыхъ нѣтъ... Но онъ не пріѣхалъ. Гостямъ поднесли варенуху съ изюмомъ и сливами, и на немаломъ блюдѣ каравай. Музыканты принялись за исподку его, испеченную вмѣстѣ съ деньгами и, навремя притихнувъ, положили возлѣ себя цымбалы, скрипки и бубны. Между-тѣмъ молодежи и дѣвчата, утершись шитыми платками, выступали снова изъ

рядовъ своихъ; а парубки, схватившись въ боки, гордо озираясь на стороны, готовы были понестись имъ на-встрѣчу — какъ старый есауль вынесъ двѣ иконы благословить молодыхъ. Тѣ иконы достались ему отъ честнаго схимника, старца Варѣоломея. Не богата на нихъ утварь, не горитъ ни серебро, ни золото, но никакая нечистая сила не посмѣетъ прикоснуться къ тому, у кого онъ въ домѣ. Принодявъ иконы вверхъ, есауль готовился сказать краткую молитву... какъ вдругъ закричали, перенугавшись, игравшіе на землѣ дѣти, а влѣдъ за ними поднялся народъ, и всѣ показывали со страхомъ пальцами на стоявшаго посреди ихъ казака. Кто онъ таковъ — никто не зналъ. Но уже онъ протанцовалъ на-славу казачка и уже успѣлъ насмѣшить обступившую его толпу. Когда же есауль поднялъ иконы, вдругъ все лицо казака переменялось: носъ выросъ и наклонился на-сторону, вмѣсто карихъ, запрыгали зеленыя очи, губы заснизли, подбородокъ задрожалъ и заострился, какъ конь, изо рта выбѣжалъ клыкъ, изъ-за головы поднялся горбъ, и сталъ казакъ — старикъ. «Это онъ! это онъ!» кричали въ толпѣ, тѣсно прижимаясь другъ къ другу. «Колдунъ

показался снова!» кричали матери, хватая за руки детей своих. Величаво и сановито выступилъ впередъ есаулъ и сказалъ громкимъ голосомъ, выставивъ противъ него иконы: «пропади образъ сатаны, тутъ тебѣ нѣтъ мѣста!» и зашипѣвъ и щолкнувъ, какъ волкъ, зубами, проналъ чудный старикъ. Пошли, пошли и зашумѣли, какъ море въ непогоду, толки и рѣчи между народомъ. «Что это за колдунъ?» спрашивали молодые и небывалые люди. «Бѣда будетъ!» говорили старые, качая головами. И вездѣ, по всему подворью есаула, стали собираться въ кучки и слушать исторіи про чуднаго колдуна. Но всѣ почти говорили разнo, и навѣрно никто не могъ рассказать про него. На дворъ выкатили бочку меду и не мало поставили ведеръ грецкаго вина; все повеселѣло снова; музыканты грянули — дѣвчата, молодцы, лихое казачество, въ яркихъ жупанахъ, понеслись. Девяностолѣтнее и столѣтнее старье, подгулявъ, пустилось и себѣ приплясывать, поминая не даромъ пропавшіе годы. Пировали до поздней ночи, и пировали такъ, какъ теперь уже не пируютъ. Стали гости расходиться, но мало побрело во свояси; много осталось ночевать у есаула на ши-

рокомъ дворъ; а еще больше казачества заснуло, непрошенное, подъ лавками, на полу, возлѣ коня, близъ хлѣва; гдѣ пошатнулась съ хмѣля казацкая голова, тамъ и лежитъ и хранитъ на весь Кіевъ.

II.

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяць показался изъ-за горы. Будто дамасскою дорогію и бѣлою, какъ снѣгъ, кисеею покрылъ онъ гористый берегъ Днѣпра, и тѣнь ушла еще далѣе въ чащу сосенъ.

Посреди Днѣпра плывъ дубъ. Сидятъ впереди два хлопца: черныя казацкія шапки набекрень, и подъ веслами, какъ-будто отъ огнива огонь, летятъ брызги во всѣ стороны.

Отчего не поют казаки? Не говорят ни о томъ, какъ уже ходять по Украинѣ ксензы и перекрещиваютъ казацкій народъ въ католиковъ; ни о томъ, какъ два дня билась при Соленомъ озерѣ орда. Какъ имъ шеть, какъ говорить про лихія дѣла: панъ ихъ Данило призадумался, и рукавъ его кармазиннаго жупана опустился изъ дуба и черпаетъ воду; пани ихъ Катерина тихо колышетъ дитя и не сводитъ съ него очей, а на незасланную полотномъ нарядную сукню сърою пылью валится вода. Любо глянуть съ середины Дибра на высокія горы, на широкіе луга, на зеленые лѣса! Горы тѣ, не горы: подошвы у нихъ шеть, внизу ихъ, какъ и вверху, острая вершина и подъ ними и надъ ними высокое небо. Тѣ лѣса, что стоятъ на холмахъ, не лѣса: то волосы, поросшіе на косматой головѣ лѣснаго дѣда. Подъ нею въ водѣ моется борода, и подъ бородою, и надъ волосами высокое небо. Тѣ луга, не луга: то зеленый поясъ, перепоясавшій посерединѣ круглое небо, и въ верхней половинѣ и въ нижней половинѣ прогуливается мѣсяць. Не глядитъ панъ Данило по сторонамъ, глядитъ онъ на молодую жену свою. «Что, моя молодая жена, моя золотая Катерина

вдалася въ печаль?» — «Я не въ печаль вдалася, панъ мой, Данило! Меня устрашили чудные рассказы про колдуна. Говорять, что онъ родился такимъ страшнымъ... и никто изъ дѣтей сызмала не хотѣлъ играть съ нимъ. Слушай, панъ Данило, какъ страшно говорятъ: что будто ему все чудилось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Встрѣтится ли подѣ темный вечеръ съ какимъ-нибудь человѣкомъ, и ему тотчасъ покажется, что онъ открываетъ ротъ и скалитъ зубы. И на другой день находили мертвымъ того человѣка. Мнѣ чудно, мнѣ страшно было, когда я слушала эти рассказы» говорила Катерина, вынимая платокъ и вытирая имъ лицо спавшаго на рукахъ дитяти. На платкѣ были вышиты ею краснымъ шолкомъ листья и ягоды. Панъ Данило ни слова, и сталъ поглядывать на темную сторону, гдѣ далеко, изъ-за лѣса чернѣлъ земляной валъ, изъ-за вала подымался старый замокъ. Надъ бровями вдругъ вырѣзались три морщины; лѣвая рука гладила молодецкіе усы. «Не такъ еще страшно, что колдунъ» говорилъ онъ: «какъ страшно то, что онъ недобрый гость. Что ему за блажь пришла притащиться сюда? Я слышала, что хотять Ляхи строить какую-то крѣ-

ность, чтобы перерезать намъ дорогу къ запо-
рожнамъ. Пусть это правда... Я размечу чер-
товское гнѣздо, если только пронесется слухъ,
что у него есть какой-нибудь притонъ. Я сожгу
старого колдуна, такъ-что и воронамъ нечего бу-
детъ расклевать. Однако жъ, думаю, онъ не безъ
золота и всякаго добра. Вотъ гдѣ живетъ этотъ
дьяволь! Если у него водится золото... Мы сей-
часъ будемъ плыть мимо крестовъ — это клад-
бище! тутъ гниютъ его нечистые дѣды. Гово-
рять, они все готовы были себя продать за де-
нежку саганъ и съ душою и съ ободранными жупа-
нами. Если жъ у него точно есть золото, то
мѣшкать нечего теперь: не всегда на войнѣ мо-
жно добыть...»

«Знаю, что затѣваешь ты; не предвѣщаетъ
мнѣ ничего добраго встреча съ нимъ. Но ты
такъ тяжело дышишь, такъ сурово глядишь,
брови твои такъ угрюмо надвинулись на очи!..»

«Молчи, баба!» съ сердцемъ сказалъ Данило:
«съ вами кто свяжется, самъ станетъ бабой.
Хюпець, дай мнѣ огня въ люльку!» Тутъ обо-
ротился онъ къ одному изъ гребцовъ, который,
вымолотивши изъ своей люльки горячую золу,
сталъ перекладывать ее въ люльку своего пана.

«Пугаетъ меня колдуномъ!» продолжалъ панъ Данило: «Казакъ, слава Богу, ни чертей, ни ксензовъ не боится. Много было бы проку, если бы мы стали слушаться женъ; не такъ ли, хлопцы? наша жена люлька, да острая сабля!» Катерина замолчала, потушивши очи въ сонную воду; а вътеръ дергалъ воду рябую, и весь Днепръ серебрился, какъ волчья шерсть середи ночи. Дубъ повернулъ и сталъ держаться лѣсистаго берега. На берегу видѣлось кладбище: ветхіе кресты топились въ кучу. Ни камина не растеть межъ ими, ни трава не зеленѣеть, только мѣсяць грѣеть ихъ съ небесной вышины. «Слышите ли, хлопцы, крики? Кто-то зоветъ насъ на помощь!» сказалъ панъ Данило, оборотясь къ гребцамъ своимъ. «Мы слышимъ крики, и кажется, съ той стороны» разомъ сказали хлопцы, указывая на кладбище. Но все стихло. Лодка поворотила, и стала огибать выдавшійся берегъ. Вдругъ гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и панъ Данило: страхъ и холодъ прорѣзался въ казацка жилы. Крестъ на могилѣ зашатался, и тихо поднялся изъ нея высохшій мертвецъ. Борода до лоса; на пальцахъ когти длинныя, еще длин-

нѣ самыхъ пальцевъ. Тихо поднималъ онъ руки вверхъ. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпѣлъ онъ. «Душно мнѣ! душно!» простоналъ онъ дикимъ, не человѣчьимъ голосомъ. Голосъ его, будто ножъ, царапалъ сердце, и мертвецъ вдругъ ушелъ подъ землю. Зашатался другой крестъ, и опять вышелъ мертвецъ, еще страшнѣе, еще выше прежняго; весь заросъ; борода по колѣна и еще длиннѣе костяные когти. Еще диче закричалъ онъ: «душно мнѣ!» и ушелъ подъ землю. Пошатнулся третій крестъ, поднялся третій мертвецъ. Казалось, одиѣ только кости поднялись высоко надъ землею. Борода по самыя пяты; пальцы съ длинными когтями возились въ землю. Страшно протянулъ онъ руки вверхъ, какъ-будто хотѣлъ достать мѣсяць, и закричалъ такъ, какъ-будто кто-нибудь сталъ шилить его жолтыя кости... Дитя, спавшее на рукахъ Катерины, вскрикнуло и пробудилось; сама пани вскрикнула; гребцы пороняли шапки въ Дибирь; самъ панъ вздрогнулъ. Все вдругъ пропало, какъ будто не бывало; однако жъ долго хлопцы не брались за весла. Заботливо поглядѣлъ Буруль-

башь на молодую жену, которая въ испугъ качала на рукахъ кричавшее дитя; прижалъ ее къ сердцу и поцаловалъ въ лобъ. «Не пугайся, Катерина! Гляди: ничего нѣтъ!» говорилъ онъ, указывая по сторонамъ: «это колдунъ хочетъ устроить людей, чтобы никто не добрался до нечистаго гнѣзда его. Бабъ только однѣхъ онъ напугаетъ этимъ! Дай сюда на руки мнѣ сына!» При семъ словѣ поднялъ панъ Данило своего сына вверхъ и поднесъ къ губамъ: «Что, Иванъ, ты не боишься колдуновъ? Нѣтъ, говори: тятя, я казакъ. Полно же, перестань плакать! домой прїѣдемъ! прїѣдемъ домой — мать накормитъ кашею; положитъ тебя спать въ люльку, запоетъ:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да выростай, выростай въ забаву!
Казачеству на славу,
Ворожевкамъ на расправу!

«Слушай, Катерина: мнѣ кажется, что отецъ твой не хочетъ жить въ ладу съ нами. Прїѣхалъ угрюмый, суровый, какъ-будто сердится... Ну, недоволенъ, зачѣмъ и прїѣзжать. Не хотѣлъ выпить за казацкую волю! не покачалъ на рукахъ

двяти! Сперва было я ему хотѣлъ повѣрить все, что лежитъ на сердце, да не беретъ что-то, и рѣчь заикнулась. Нѣтъ, у него не казацкое сердце! Казацкія сердца когда встрѣтятся гдѣ, какъ не выбьются изъ груди на встрѣчу другъ другу! Что, мои любые хлопцы, скоро берегъ? Ну, шанки я вамъ дамъ новыя. Тебѣ, Стецько, дамъ выложенную бархатомъ съ золотомъ; я ее снялъ вмѣстѣ съ головою у татарина; весь его снарядъ достался мнѣ; одну только его душу я вынулъ изъ волю. Ну, причаливай! Вотъ, Иванъ, мы и пріѣхали, а ты все плачешь! Возьми его, Катерина!»

Всѣ вышли. Изъ-за горы показалась соломенная кровля: то дѣдовскіе хоромы пана Данила. За ними еще гора, а тамъ уже и поле, а тамъ хоть сто верстъ пройди, не сыщешь ни одного казака.

III.

Хуторъ пана Данила между двумя горами въ узкой долинь, сбѣгающей къ Дибру. Не высокіе у него хоромы; хата на видъ, какъ и у простыхъ казаковъ, и въ ней одна свѣтлица; но есть гдѣ помѣститься тамъ и ему, и женѣ его, и старой прислужницѣ, и десяти отборнымъ молодцамъ. Вокругъ стѣнь вверху идутъ дубовыя полки; густо на нихъ стоятъ миски, горшки,

для трапезы; есть межъ ими и кубки серебряные, и марки, оправленные въ золото, дарственные и добытыя на войнѣ; ниже висятъ дорогіе мушкеты, сабли, пищали, конья; волею и неволею перешли они отъ татаръ, турокъ и ляховъ; не мало за то и вызубрены; глядя на нихъ, панъ Данило какъ-будто по значкамъ припоминалъ свои схватки; подъ стѣною, внизу, дубовыя, гладко вытесанныя лавки; возлѣ ихъ, передъ лежанкою, виситъ на веревкахъ, продѣтыхъ въ кольцо, привинченное къ потолку, люлька; во всей свѣтлицѣ полъ гладко убитый и смазанный глиною. На лавкахъ спитъ съ женою панъ Данило; на лежанкѣ старая прислужница; въ люлкѣ тѣшится и убаюкивается малое дитя; на полу покотомъ ночуютъ молодцы. Но казаку лучше спать на гладкой землѣ при вольномъ небѣ; ему не пуховикъ и не перина нужна; онъ моститъ себѣ подъ голову свѣжее сѣно и вольно протягивается на травѣ; ему весело взглянуть, проснувшись среди ночи, на высокое, засѣянное звѣздами небо, и вздрогнуть отъ почнаго холода, принесшаго свѣжесть казачкимъ косточкамъ; потягиваясь и бормоча

сквозь сонъ, закуриваетъ онъ люльку и закутывается крѣпче въ теплый кожухъ.

Не рано проснулся Бурульбанъ послѣ вчерашняго веселья, и проснувшись, сѣлъ въ углу на лавкѣ и началъ натачивать новую, вымѣнянную имъ, турецкую саблю; а пани Катерина принялась вышивать золотомъ шелковый ручникъ. Вдругъ вошелъ катерининъ отецъ, разсерженъ, нахмуренъ, съ заморскою люлькою въ зубахъ, приступилъ къ дочкѣ и сурово сталъ выспрашивать ее: что за причина тому, что такъ поздно воротилась она домой.

«Про эти дѣла, тесть, не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ. У насъ уже такъ водится, не погнѣвайся!» говорилъ Данило, не оставляя своего дѣла: «можетъ, въ иныхъ невѣрныхъ земляхъ этого не бываетъ — я не знаю».

Краска выступила на суровомъ лицѣ тестя и очи дико блеснули. «Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!» бормоталъ онъ про себя: «ну, я тебя спрашиваю: гдѣ таскался до поздней ночи?»

«А вотъ это дѣло, дорогой тесть! На это я тебѣ скажу, что я давно уже вышелъ изъ тѣхъ,

которыхъ бабы пеленають. Знаю, какъ сидѣть на конѣ; умью держать въ рукахъ и саблею острую; еще кое-что умью... умью никому и отвѣта не давать въ томъ, что дѣлаю».

«Я вижу, Данило, я знаю, ты желаешь ссоры! Кто скрывается, у того, вѣрно, на умъ недоброе дѣло».

«Думай себѣ что хочешь» сказалъ Данило: «думаю и я себѣ. Слава Богу, ни въ одномъ еще безчестномъ дѣлѣ не былъ; всегда стоялъ за вѣру православную и отчизну; не такъ какъ нынѣ бродяги таскаются, Богъ знаетъ гдѣ, когда православные быются на-смерть, а послѣ нагнать убирать не ими засѣянное жито; на униатовъ даже не похожи: не заглянуть въ божію церковь. Такихъ бы нужно допросить порядкомъ, гдѣ они таскаются».

«Э, казакъ! знаешь ли ты... я плохо стрѣляю: всего за сто сажень пуля моя пронзываетъ сердце; я и рублюсь незавидно: отъ челоуѣка остаются куски мелче крупъ, изъ которыхъ варятъ кашу».

«Я готовъ» сказалъ панъ Данило, бойко перекрестивши воздухъ саблею, какъ-будто зная, на что се выточилъ.

«Данило!» закричала громко Катерина, ухвативши его за руку и повиснувъ на ней: «вспомни, безумный, погляди, на кого ты поднимаешь руку! Батько, твои волосы бѣлы, какъ снѣгъ, а ты разгорѣлся, какъ неразумный хлопецъ!»

«Жена!» крикнулъ грозно панъ Данило: «ты знаешь, я не люблю этого; вѣдай свое бабье дѣло!»

Сабли страшно звукнули; желѣзо рубило желѣзо, и искрами, будто пылью, осыпали себя казаки. Съ плачемъ ушла Катерина въ особую свѣтлицу, кинулась въ постель и закрыла уши, чтобы не слышать сабельныхъ ударовъ. Но не такъ худо бились казаки, чтобы можно было заглушить ихъ удары. Сердце ея хотѣло разорваться на части; по всему тѣлу слышала она, какъ проходили звуки: тукъ, тукъ. «Нѣтъ, не вытерплю, не вытерплю... Можетъ, уже алая кровь бьетъ ключемъ изъ блага тѣла; можетъ, теперь изнемогаетъ мой милый; а я лежу здѣсь!» И вся блѣдная, едва переводя духъ, вошла въ хату.

Ровно и страшно бились казаки; ни тотъ, ни другой не одолеваетъ. Вотъ наступаетъ катери-

иниъ отецъ — подается панъ Данило; насту-
паеть панъ Данило — подается суровый отецъ, и
опять наравнѣ. Кипятъ. Размахнулись... ухъ!
сабли звенять... и, гремя, отлетѣли въ сторону
клинки. «Благодарю тебя, Боже!» сказала Ка-
терина и вскрикнула снова, когда увидѣла, что
казаки взялись за мушкеты; поправили кремни,
взвели курки. Выстрѣлилъ панъ Данило, не по-
палъ. Нацѣлился отецъ... онъ старъ, онъ ви-
дѣть не такъ зорко, какъ молодой, однако жъ
не дрожить его рука. Выстрѣлъ загремѣлъ...
Пошатнулся панъ Данило; алая кровь выкраси-
ла лѣвый рукавъ казацкаго жупана. «Нѣтъ!»
закричалъ онъ: «я не продамъ такъ дешево себя;
не лѣвая рука, а правая атаманъ. Виситъ у ме-
ня на стѣнѣ турецкій пистолеть: еще ни разу
во всю жизнь не измѣнялъ онъ мнѣ; слѣзай со
стѣны, старый товарищ! покажи другу услу-
гу!» Данило протянулъ руку.

«Данило!» закричала въ отчаяніи, схвативши
его за руки и бросившись ему въ ноги, Катери-
на: «не за себя молю; мнѣ одинъ конецъ: та
недостойная жена, которая живетъ послѣ сво-
его мужа; Дибирь, холодный Дибирь будетъ
мнѣ могилою... Но погляди на сына, Данило!

погляди на сына! Кто пригрѣтъ бѣдное дитя? Кто приголубить его? Кто выучить его летать на ворономъ конѣ, биться за волю и вѣру, пить и гулять по-казацки? Пропадай сынъ мой! пропадай! тебѣ не хочется знать отецъ твой! гляди, какъ онъ отворачиваетъ лице свое. О! я теперь знаю тебя! ты звѣрь, а не человекъ! у тебя волчье сердце, а дума лукавой гадины. Я думала, что у тебя есть капля жалости, что въ твоёмъ каменномъ тѣлѣ человѣчье чувство горитъ. Безумно же я обманулась. Тебѣ это радость принесть; твои кости станутъ танцовать въ гробѣ съ веселья, когда услышать, какъ нечестивые звѣри ляжи кинутъ въ пламя твоего сына, когда сынъ твой будетъ кричать подъ ножами и окропомъ. О, я знаю тебя! Ты радъ бы изъ гроба встать и раздуть шапкою огонь, взвихрившійся подъ нимъ!»

«Постой, Катерина! ступай мой ненаглядный Иванъ, поцалую тебя! Нѣтъ, дитя мое, никто не тронетъ волоска твоего; ты вырастешь на славу отчины; какъ вихорь, будешь ты летать передъ казаками, съ бархатною шапочною на головъ, съ острою саблею въ рукъ. Дай, отецъ, руку! Забудемъ бывшее межъ нами. Чтò съ-

лалъ передъ тобою неправого — винюсь. Что же ты не даешь руки?» говорилъ Данило отцу Катерины, который стоялъ на одномъ мѣстѣ, не выражая на лицѣ своемъ ни гнѣва, ни примиренія.

«Отецъ!» вскричала Катерина, обнявъ и поцаловавъ его: «не будь неумолимъ, прости Данилу: онъ не огорчитъ больше тебя!»

«Для тебя только, моя дочь, прощаю!» отвѣчалъ онъ, поцаловавъ ее и блеснувъ страшно очами. Катерина немного вздрогнула: чуденъ показался ей и поцалуй и странный блескъ очей. Она облокотилась на столъ, на которомъ перевязывалъ раненную свою руку панъ Данило, передумывая, что худо и не по-казацки сдѣлалъ онъ, прося прощенья, когда не былъ ни въ чемъ виноватъ.

IV.

Блеснулъ день, но не солнечный: небо хмурилось и тонкій дождь съялся на поля, на лѣса, на широкій Днѣпръ. Проснулась пани Катерина, но не радостна: очи заплаканы, и вся она смутна и не спокойна. «Мужъ мой милый, мужъ дорогой, чудный мнѣ сонъ снился!»

«Какой сонъ, моя любая пани Катерина?»

«Снилось мнѣ, чудно, право, и такъ живо, будто на-яву, снилось мнѣ, что отецъ мой есть

тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула. Но прошу тебя, не вѣрь сну: какихъ глупостей не привидится! Будто я стояла передъ нимъ, дрожала вся, боялась, и отъ каждаго слова его стонали мои жилы. Если бѣ ты слышала, что онъ говорилъ...»

«Что же онъ говорилъ, моя золотая Катерина?»

«Говорилъ: ты посмотри на меня, Катерина, я хорошъ! Люди напрасно говорятъ, что я дурень; я буду тебѣ славнымъ мужемъ. Посмотри, какъ я поглядываю очами! — Тутъ навелъ онъ на меня огненные очи, я вскрикнула и пробудилась».

«Да, сны много говорятъ правды. Однако жѣ, знаешь ли ты, что за горою не такъ спокойно; чуть ли не ляхи стали выглядывать снова: Милъ Горобецъ прислалъ сказать, чтобы я не спалъ; напрасно только онъ заботится: я и безъ того не сплю. Хлопцы мои въ эту ночь срубили двѣнадцать засѣковъ. Посполитство будемъ угощать свинцовыми сливами, а шляхтичи потанцуютъ и отъ батоговъ».

«А отецъ знаетъ объ этомъ?»

«Сидить у меня на шеѣ твой отецъ! я до-сихъ-

порь разгадать его не могу. Много, вѣрно, онъ грѣховъ надѣлалъ въ чужой землѣ. Что жъ, въ самомъ-дѣлѣ, за причина: живетъ около мѣсяца, и хотъ бы разъ развеселился, какъ добрый казакъ! Не захотѣлъ выпить меду! слышишь, Катерина, не захотѣлъ выпить меду, который я вытрусилъ у брестовскихъ жидовъ. Эй, хлопонецъ!» крикнулъ панъ Данило: «бѣги, малый, въ погребъ, да принеси жидовскаго меду! Горьлки даже не пьеть! экая пропастъ! Миѣ кажется, пани Катерина, что онъ и въ Господа Христа не вѣруетъ. А? какъ тебѣ кажется?»

«Богъ знаетъ, что говоришь ты, панъ Данило!»

«Чудно, пани?» продолжалъ Данило, принимая глиняную кружку отъ казака: «поганые католики даже надки до водки; одни только турки не пьютъ. Что, Стецько, много хлебнулъ меду въ подвалѣ?»

«Попробовалъ только, панъ!»

«Лжешь, собачій сынъ! вишь, какъ мухи напали на усы! Я по глазамъ вижу, что хватилъ съ полведра. Эхъ, казаки! что за лихой народъ! все отдать готовъ товарищу, а хмѣльное высушить

самъ. Я, пани Катерина, что-то давно уже былъ пьянъ. А?»

«Вотъ давно! а въ прошедшій...»

«Не бойся, не бойся, больше кружки не выпью! А вотъ и турецкій игумень лезетъ въ дверь?» проговорилъ онъ сквозь зубы, увидя тестя, нагнувшагося, чтобъ войти въ дверь.

«А что жъ это, моя дочь!» сказалъ отецъ, снимая съ головы шапку и поправляя поясъ, на которомъ висѣла сабля съ чудными каменьями: «солнце уже высоко, а у тебя обѣдъ не готовъ».

«Готовъ обѣдъ, панъ отецъ, сейчасъ поставимъ! Вынимай горшокъ съ галушками!» сказала пани Катерина старой прислужницѣ, обтиравшей деревянную посуду: «постой, лучше я сама выну» продолжала Катерина: «а ты позови хлопцевъ».

Всѣ сѣли на полу въ кружокъ: противъ покута панъ отецъ, по лѣвую руку панъ Данило, по правую руку пани Катерина и десять нанвѣрнѣйшихъ молодцовъ, въ синихъ и желтыхъ жупанахъ.

«Не люблю я этихъ галушекъ!» сказалъ панъ

отець, немного поѣвши и положивши ложку: «никакого вкусу нѣтъ!»

«Знаю, что тебѣ лучше жидовская лапша» подумалъ про-себя Данило. «Отчего же, тещѣ» продолжалъ онъ вслухъ: «ты говоришь, что вкусу нѣтъ въ галушкахъ? Худо сдѣланы, что ли? Моя Катерина такъ дѣлаетъ галушки, что и гетману рѣдко достается есть такія; а брезгать ими нечего; это христіанское кушанье! Всѣ святые люди и угольники божіи ѣдали галушки».

Ни слова отецъ; замолчалъ и панъ Данило.

Подали жаренаго кабана съ капустою и сливами. «Я не люблю свинины!» сказалъ катерининъ отецъ, выгребая ложкою капусту.

«Для чего же не любить свинины?» сказалъ Данило: «одни турки и жидаы не ѣдятъ свинины».

Еще суровѣе нахмурился отецъ.

Только одну лемишку съ молокомъ и вѣль старый отецъ и потянулъ вмѣсто водки изъ флажки, бывшей у него за пазухой, какую-то черную воду.

Пообѣдавши, заснулъ Данило молодецкимъ сномъ и проснулся только около вечера. Съѣлъ и сталъ писать листы въ казацкое войско; а пани

Катерина начала качать ногою люльку, сидя на лежанкѣ. Сидитъ панъ Данило, глядитъ лѣвымъ глазомъ на писаніе, а правымъ въ окошко: а изъ окошка далеко блестать горы и Дибирь; за Дибромъ синѣютъ лѣса; мелькаетъ сверху прояснившееся ночное небо; но не далекимъ небомъ и не синимъ лѣсомъ любитъ панъ Данило: глядитъ онъ на выдавшійся мысъ, на которомъ чернѣлъ старый замокъ. Ему почудилось, будто блеснуло въ замкѣ огнемъ узенькое окошко. Но все тихо; это вѣрно показалось ему. Слышно только, какъ глухо шумить внизу Дибирь и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ; онъ, какъ старикъ, ворчить и ронцетъ; ему все не мило; все перемѣнилось около его; тихо враждуетъ онъ съ прибережными горами, лѣсами, лугами и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море. Вотъ по широкому Дибру зачернѣла лодка и въ замкѣ снова какъ-будто блеснуло что-то. Потихоньку свиснулъ Данило и выбѣжалъ на свистъ вѣрный хлопонецъ. «Бери, Стецько, съ собою скорѣе острую саблю да винтеску, да ступай за мною!»

«Ты идешь?» спросила пани Катерина.

«Иду, жена. Нужно осмотрѣть всѣ мѣста, все ли въ порядкѣ».

«Мнѣ, однако жъ, страшно оставаться одной. Меня сонъ такъ и клонить; что, если мнѣ приснится то же самое? я даже не увѣрена, точно ли то сонъ былъ, такъ это происходило живо».

«Съ тобою старуха останется; а въ сѣняхъ и на дворѣ спать казаки!»

«Старуха спитъ уже, а казакамъ что-то не вѣрится. Слушай, панъ Данило: замкни меня въ комнату, а ключъ возьми съ собою. Мнѣ тогда не такъ будетъ страшно; а казаки пусть лягутъ передъ дверями».

«Пусть будетъ такъ!» сказалъ Данило, стирая пылъ съ винтовки и насыпая на полку порохъ. Вѣрный Стецько уже стоялъ одѣтый во всей казацкой сбруѣ. Данило надѣлъ смушевую шапку, закрылъ окошко, задвинулъ засовами дверь, замкнулъ, и промежъ спавшими своими казаками, вышелъ потихоньку изъ двора въ горы. Небо почти все прочистилось. Свѣжій вѣтеръ чуть-чуть навѣвалъ съ Дибпра. Если бы не слышно было издали стенанія чайки, то все бы казалось онѣмѣвшимъ. Но вотъ почудился шорохъ... Буруль-

башь съ вѣрнымъ слугою тихо спрятался за терновникъ, прикрывавшій срубленный засѣкъ. Кто-то въ красномъ жупанѣ, съ двумя пистолетами, съ саблею на боку, спускался съ горы. «Это тесть!» проговорилъ панъ Данило, разглядывая его изъ-за куста: «Зачѣмъ и куда ему идти въ эту пору? Стецько, не зѣвай, смотри въ оба глаза, куда возьметъ дорогу панъ отецъ». Человѣкъ въ красномъ жупанѣ сошелъ на самый берегъ и поворотилъ къ выдавшемуся мысу. «А! вотъ куда!» сказалъ панъ Данило: «Что, Стецько, вѣдь онъ какъ разъ потащился къ колдуну въ дупло».

«Да, вѣрно, не въ другое мѣсто, панъ Данило! иначе мы видѣли бы его на другой сторонѣ; но онъ пропалъ подлѣ замка».

«Постой же, вылеземъ, а потомъ пойдемъ по слѣдамъ. Тутъ что-нибудь да кроется. Нѣтъ, Катерина, я говорилъ тебѣ, что отецъ твой недобрый человѣкъ; не такъ онъ и дѣлалъ все, какъ православный».

Уже мельнули панъ Данило и его вѣрный хлопецъ на выдавшемся берегу; вотъ уже ихъ и невидно; непробудный лѣсъ, окружавшій замокъ, спряталъ ихъ. Верхнее окошко тихо засвѣти-

лось; внизу стоятъ казаки и думаютъ, какъ-бы влѣзть имъ: ни воротъ, ни дверей невидно; со двора, вѣрно, есть ходъ; но какъ войти туда? Издали слышно, какъ гремятъ цѣпи и бѣгають собаки. «Что я думаю долго!» сказалъ панъ Данило, увидя передъ окномъ высокій дубъ: «стой тутъ, малый! я полѣзу на дубъ; съ него прямо можно глядѣть въ окошко». Тутъ снялъ онъ съ себя поясъ, бросилъ внизъ саблю, чтобъ не звенѣла, и ухватясь за вѣтви, поднялся вверхъ. Окошко все еще свѣтилось. Присѣвши на сукъ, возлѣ самага окна, уцѣпился онъ рукою за дерево, и глядитъ: въ комнату и свѣчи нѣтъ, а свѣтитъ. По стѣнамъ чудные знаки; виситъ оружіе, но все странное: такого не носятъ ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христiяне, ни славный народъ шведскій. Подъ потолкомъ взадъ и впередъ мелькають нетопыри, и тѣнь отъ нихъ мелькаетъ по стѣнамъ, по дверямъ, по помосту. Вотъ отворилась безъ скрипа дверь; входитъ кто-то въ красномъ жупанѣ и прямо къ столу, накрытому бѣлою скатертью. «Это онъ, это тесть!» Панъ Данило опустился немного ниже и прижался крѣпче къ дереву. Но тестю некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко, или

ить. Онъ пришелъ пасмуренъ, не въ духѣ, сдернулъ со стола скатерть — и вдругъ по всей комнатѣ тихо разлился прозрачно-голубой свѣтъ. Только не смѣшавшіяся волны прежняго блѣдно-золотаго переливались, ныряли, словно въ голубомъ морѣ и тянулись слоями, будто на мраморѣ. Тутъ поставилъ онъ на столъ горшокъ и началъ кидать въ него какія-то травы. Панъ Данило сталъ вглядываться и не замѣтилъ уже на немъ краснаго жупана; вмѣсто того показались на немъ широкія шаровары, какія носятъ турки; за поясомъ пистолеты; на головѣ какая-то чудная шапка, исписанная всѣмъ не русскою и не польскою грамотою. Глазнулъ въ лицо — и лицо стало переминыться: носъ вытянулся и повиснулъ надъ губами; ротъ въ минуту раздался до ушей; зубъ выглянулъ изо рта, нагнулся на сторону, и сталъ передъ нимъ тотъ самый колдунъ, который показался на свадьбѣ у есаула. «Правдивъ сонъ твой, Катерина!» подумалъ Бурульбашъ. Колдунъ сталъ прохаживаться вокругъ стола, знаки стали быстрѣе переминыться на стѣнѣ, а нетопыри залетали сильнѣе внизъ и вверхъ, взадъ и впередъ. Голубой свѣтъ становился рѣже, рѣже, и совсѣмъ какъ-будто потухъ. И свѣтлица

освѣтилась уже тонкимъ розовымъ свѣтомъ. Казалось, съ тихимъ звономъ разливался чудный свѣтъ по всемъ угламъ, и вдругъ пропалъ и настала тьма. Слышался только шумъ, будто вѣтеръ въ тихій часъ вечера наигрываетъ, кружась по водному зеркалу, нагибая еще ниже въ воду серебряныя ивы. И чудится пану Даниль, что въ свѣтлицѣ блещитъ мѣсяць, ходять звѣзды, неясно мелькаетъ темно-синее небо и холодъ ночнаго воздуха пахнулъ даже ему въ лицо. И чудится пану Даниль (тутъ онъ сталъ щупать себя за усы, не спитъ ли), что уже не небо въ свѣтлицѣ, а его собственная опочивальня: висятъ на стѣнѣ его татарскія и турецкія сабли; около стѣнъ полки, на полкахъ домашняя посуда и утварь; на столѣ хлѣбъ и соль; виситъ люлька... но вмѣсто образовъ выглядываютъ страшныя лица; на лежанкѣ... по сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно; и опять съ чуднымъ звономъ освѣтилась вся свѣтлица розовымъ свѣтомъ, и опять стоитъ колдунъ неподвижно въ чудной чалмѣ своей. Звуки стали сильнѣе и гуще, тонкій розовый свѣтъ становился ярче, и что-то бѣлое, какъ-будто облако, вѣяло посреди хаты; и чудится пану Даниль, что

облако то, не облако, что тó стоитъ женщина; только изъ чего она: изъ воздуха, что-ли, выткана? Отчего же она стоитъ и земли не трогаетъ, и не опершись ни на что, и сквозь нее просвѣчиваетъ розовый свѣтъ и мелькаютъ на стѣнѣ знаки. Вотъ она какъ-то пошевелила прозрачною головою своею: тихо свѣтятся ея блѣдно-голубыя очи; волосы вьются и падаютъ по плечамъ ея, будто свѣтло-сѣрый туманъ; губы блѣдно алѣютъ, будто сквозь блѣдно-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свѣтъ зари; брови слабо темнѣютъ... «Ахъ! это Катерина!» Тутъ почувствовалъ Данило, что члены у него оковались; онъ силится говорить, но губы шевелились безъ звука. Неподвижно стоялъ колдунъ на своемъ мѣстѣ. «Гдѣ ты была?» спросилъ онъ, и стоявшая передъ нимъ затрепетала.

«О! зачѣмъ ты меня вызвалъ?» тихо просто-нала она. «Мнѣ было такъ радостно. Я была въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ родилась и прожила пятнадцать лѣтъ. О, какъ хорошо тамъ! Какъ зеленъ и душистъ тотъ лугъ, гдѣ я играла въ дѣтствѣ: и полевые цвѣточки тѣ же, и хата наша, и огородъ! О, какъ обняла меня добрая

моя мать! Какая любовь у нея въ очахъ! Она приголубливала меня, цаловала въ уста и щеки, расчесывала частымъ гребнемъ мою русую косу... Отецъ!» тутъ она вперила въ колдуна блѣдныя очи: «зачѣмъ ты зарѣзалъ мать мою!»

Грозно колдунъ погрозилъ пальцемъ. «Развѣ я тебя просилъ говорить про это?» и воздушная красавица задрожала. «Гдѣ теперь пани твоя?»

«Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и полетѣла. Миѣ давно хотѣлось увидѣть мать; миѣ вдругъ сдѣлалось пятнадцать лѣтъ; я вся стала легка, какъ птица. Зачѣмъ ты меня вызвалъ?»

«Ты помнишь все тѣ, чтѣ я говорилъ тебѣ вчера?» спросилъ колдунъ такъ тихо, что едва можно было разслушать.

«Помню, помню; но чего бы не дала я, чтобы только забыть это. Бѣдная Катерина! она многого не знаетъ изъ того, чтѣ знаетъ душа ея».

«Это катеринина душа» подумалъ панъ Данило; но все еще не смѣлъ пошевелиться.

«Покайся, отецъ! не страшно ли, что послѣ каждаго убійства твоего, мертвецы поднимаются изъ могилъ?»

«Ты опять за старое!» грозно прервалъ колдунъ: «я поставлю на своемъ, я заставлю тебя сдѣлать, что мнѣ хочется. Катерина, полюби меня!...»

«О, ты чудовище, а не отецъ мой!» престо-нала она: «нѣтъ, не будетъ по-твоему! Правда, ты взялъ нечистыми чарами твоими власть вызы-вать душу и мучить ее; но одинъ только Богъ можетъ заставлятъ ее дѣлать, что ему угодно. Нѣтъ, никогда Катерина, доколь я буду дер-жаться въ ея тѣлѣ, не рѣшится на богопротив-ное дѣло. Отецъ! близокъ страшный судъ! Если бы ты и не отецъ мой былъ, и тогда бы не за-ставилъ меня измѣнить моему любому, вѣрному мужу; если бы мужъ мой и не былъ мнѣ вѣ-ренъ и милъ, и тогда бы не измѣнила ему, по-тому-что Богъ не любитъ клятвопреступныхъ и невѣрныхъ душъ». Тутъ вперила она блѣдныя очн свои въ окошко, подѣ которымъ сидѣлъ панъ Данило, и неподвижно остановилась...

«Куда ты глядишь? Кого ты тамъ видишь?» закричалъ колдунъ. Воздушная Катерина задро-жала; но уже панъ Данило былъ давно на зем-лѣ и пробирался съ своимъ вѣрнымъ Стецькомъ въ свои горы. «Страшно, страшно!» говорилъ

онъ про-себя, почувствовавъ какую-то робость въ казацкомъ сердцѣ, и скоро прошелъ дворъ свой, на которомъ также крѣпко спали казаки, кромѣ одного, сидѣвшаго на-сторожѣ и курившаго люльку. Небо все было засѣяно звѣздами.

=

V.

«Как хорошо ты съдѣлалъ, что разбудилъ меня!» говорила Катерина, протирая очи шитьемъ рукавомъ своей сорочки и разглядывая съ ногъ до головы стоявшаго передъ нею мужа: «какой страшный сонъ мнѣ видѣлся! какъ тяжело дышала грудь моя! ухъ!... Мнѣ казалось, что я умираю...»

«Какой же сонъ? ужъ не этотъ ли?» и сталъ Бурульбашъ рассказывать женѣ своей все, имъ видѣнное.

«Ты какъ это узналъ, мой мужъ?» спросила, изумившись, Катерина: «но нѣтъ, многое мнѣ не извѣстно изъ того, что ты рассказываешь. Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою; ни мертвецовъ, ничего не видѣлось мнѣ; нѣтъ, Данило, ты не такъ рассказываешь. Ахъ, какъ страшень отецъ мой!»

«И не диво, что тебѣ многое не видѣлось; ты не знаешь и десятой доли того, что знаетъ душа; знаешь ли, что отецъ твой антихристъ? Еще въ прошломъ году, когда собирался я вмѣстѣ съ ляхами на крымцевъ (тогда еще я держалъ руку этого невѣрнаго народа), мнѣ говорилъ игумень братскаго монастыря (онъ, жена, святой человѣкъ), что антихристъ имѣетъ власть вызывать душу каждаго человѣка, а душа гуляетъ по своей волѣ, когда заснетъ онъ, и летаетъ вмѣстѣ съ архангелами около божіей свѣтлицы. Мнѣ съ перваго раза не показалось лицо твоего отца; если бы я зналъ, что у тебя такой отецъ, я бы не женился на тебѣ; я бы ки-

нулъ тебя и не принялъ бы на душу грѣха, породившись съ антихристовымъ племенемъ».

«Данило!» сказала Катерина, закрывъ лицо руками, и рыдая: «я ли виновна въ чемъ передъ тобою? я ли изменила тебѣ, мой любимый мужъ? чѣмъ же навела на себя гнѣвъ твой? не вѣрно развѣ служила тебѣ? сказала ли противное слово, когда ты ворочался на-веселѣ съ молодецкой пирушки? тебѣ ли не родила черноброваго сына?...»

«Не плачь, Катерина, я тебя теперь знаю и не брошу ни за что! грѣхи все лежатъ на отцѣ твоемъ».

«Нѣтъ, не называй его отцомъ моимъ! Онъ не отецъ мнѣ. Богъ свидѣтель, я отрекаюсь отъ него, отрекаюсь отъ отца! Онъ антихристъ, богоотступникъ! пропадай онъ, тонн онъ — не подамъ руки спасти его; сохни онъ отъ тайной травы — не подамъ воды напиться ему. Ты у меня отецъ мой!»

==

VI.

Въ глубокомъ подвалѣ у пана Данила, за тремя замками, сидитъ колдунъ, закованный въ желѣзныя цѣпи; а подалѣ надъ Днѣпромъ горитъ бѣсовскій его замокъ, и алыя, какъ кровь, волны хлебещуть и толпятся вокругъ старинныхъ стѣнь. Не за колдовство и не за богопротивныя дѣла сидитъ въ глубокомъ подвалѣ колдунъ — имъ судія Богъ: сидитъ онъ за тайное предательство,

за сговоры съ врагами православной русской земли продать католикамъ украинскій народъ и выжечь христіанскія церкви. Угрюмъ колдунъ; дума черная, какъ ночь, у него въ головѣ; всего только одинъ день остается жить ему; а завтра пора распрощаться съ міромъ: завтра ждетъ его казнь. Не совсѣмъ легкая казнь его ждетъ: это еще милость, когда сварятъ его живаго въ котлѣ, или сдерутъ съ него грѣшную кожу. Угрюмъ колдунъ, поникнулъ головою; можетъ-быть, онъ уже и кается передъ смертнымъ часомъ; только не такіе грѣхи его, чтобы Богъ простилъ ему. Вверху передъ нимъ узкое окно, переплетенное желѣзными палками. Гремя цѣпями, поднялся онъ къ окну поглядѣть, не пройдетъ ли его дочь. Она кротка, не памятозлобна, какъ голубка, не умиосердится ли надъ отцомъ... Но никого нѣтъ; внизу бѣжить дорога; по ней никто не пройдетъ; пониже ея, гуляетъ Дивирь; ему ни до кого нѣтъ дѣла: онъ бушуетъ, и унывно слышать колодинку однозвучный шумъ его. Вотъ кто-то показался по дорогѣ — это казакъ! и тяжело вздохнулъ узникъ; опять все пусто; вотъ, кто-то вдали спускается... развѣвается зеленый кунтушъ... го-

рить на головъ золотой корабликъ... Это она! Еще ближе прикинулъ онъ къ окну. Вотъ уже подходитъ близко... «Катерина! дочь! умило-сердись, подай милостыню!...» Она нѣма, она не хочетъ слушать, она и глазъ не наведетъ на торьму, и уже прошла, уже и скрылась. Пусто во всемъ мѣрѣ; унывно шумитъ Днѣпръ; грусть залегаетъ въ сердце; но вѣдаетъ ли эту грусть колдунъ? День клопнется къ вечеру. Уже солнце сѣло; уже и нѣтъ его; уже и вечеръ: свѣжо; гдѣ-то мычитъ волъ; откуда-то навѣваются звуки: вѣрно гдѣ-нибудь народъ идетъ съ работы и веселится; по Днѣпру мелькаетъ лодка... кому нужда до колодника? Блеснулъ на небѣ серебряный серпъ; вотъ, кто-то идетъ съ противной стороны по дорогѣ; трудно разглядѣть въ темнотѣ; это возвращается Катерина. «Дочь! Христа ради, и свирѣпыя волченята не стануть рвать свою мать, дочь, хотя взгляни на преступнаго отца своего!» Она не слушаетъ, и идетъ. «Дочь, ради несчастной матери!...» Она остановилась. «Приди принять послѣднее мое слово!»

«Зачѣмъ ты зовешь меня, богоотступникъ? Не называй меня дочерью! Между нами нѣтъ ни-

какого родства. Чего ты хочешь отъ меня ради несчастной моей матери?»

«Катерина! мнѣ близокъ конецъ: я знаю, меня твой мужъ хочетъ привязать къ кобыль-ему хвосту и пустить по полю, а можетъ, еще и страшнѣйшую выдумаетъ казнь...»

«Да развѣ есть на свѣтъ казнь равная твоимъ грѣхамъ? Жди ее; никто не станетъ просить за тебя».

«Катерина! меня не казнь страшить, но муки на томъ свѣтъ... Ты невинна, Катерина, душа твоя будетъ летать въ раю около Бога; а душа богоотступнаго отца твоего будетъ горѣть въ огнь вѣчною, и никогда не угаснетъ тотъ огонь: все сильнѣе и сильнѣе будетъ онъ разгораться; ни капли росы никто не уронить, ни вѣтеръ не пахнетъ...»

«Этой казни я не властна умалить» сказала Катерина, отвернувшись.

«Катерина! постой на одно слово: ты можешь спасти мою душу; ты не знаешь еще, какъ добръ и милосердъ Богъ; слышала ли ты про апостола Павла, какой былъ онъ грѣшнѣйшій человекъ, но послѣ покаялся — и сталъ святымъ».

«Что я могу сдѣлать, чтобы спасти твою душу?» сказала Катерина: «мнѣ ли, слабой женщиной, объ этомъ подумать?»

«Если бы мнѣ удалось отсюда вытти, я бы все кинулъ; покаюсь: пойду въ пещеры, надену на тѣло жесткую власяницу, день и ночь буду молиться Богу; не только скоромнаго, не возьму рыбы въ ротъ! не постелю одежды, когда стану спать! и все буду молиться, все молиться! И когда не сниметъ съ меня милосердіе Божіе хотя сотой доли грѣховъ, закопаюсь по шею въ землю, или замуруюсь въ каменную стѣну; не возьму ни пищи, ни питія, и умру; а все добро свое отдамъ чернецамъ, чтобы сорокъ дней и сорокъ ночей правили по мнѣ панихиду».

Задумалась Катерина. «Хотя я отонру, но мнѣ не расковать твоихъ цѣпей».

«Я не боюсь цѣпей» началъ онъ: «ты говоришь, что они заковали мои руки и ноги? Нѣтъ; я напустилъ имъ въ глаза туманъ и, вмѣсто руки, протянулъ сухое дерево; вотъ я, гляди: на мнѣ нѣтъ теперь ни одной цѣпи!» сказалъ онъ, выходя на средину: «я бы и стѣнъ этихъ не побоялся и прошелъ бы сквозь ихъ, но мужъ твой и не знаетъ, какія это стѣны: ихъ стро-

илъ святой схимникъ, и никакая нечистая сила не можетъ отсюда вывести колодника, не отомкнувъ тѣмъ самымъ ключомъ, которымъ замыкала святой свою келью. Такую самую келью вырою и я себя, неслыханный грѣшникъ, когда выйду на волю».

«Слушай: я выпущу тебя; но если ты меня обманешь?» сказала Катерина, остановившись передъ дверью: «и, вместо того, чтобы покаяться, будешь опять братомъ чорту?»

«Нѣтъ, Катерина, мнѣ уже не долго остается жить; близокъ и безъ казни мой конецъ; неужели ты думаешь, что я предамъ самъ-себя на вѣчную муку?»

Замки загремѣли. «Прощай! храни тебя Богъ милосердый, дитя мое!» сказалъ колдунъ, поцаловавъ ее.

«Не прикасайся ко мнѣ, неслыханный грѣшникъ; уходи скорѣе!...» говорила Катерина. Но его уже не было.

«Я выпустила его» сказала она, испугавшись и дико осматривая стѣны: «что я стану теперь отвѣчать мужу? я пропала! мнѣ живой теперь остается зарыться въ могилу!» и зарыдавъ, почти упала она на цѣнь, на которомъ сидѣлъ ко-

лодникъ. «Но я спасла душу» сказала она тихо: «я сдѣлала богоугодное дѣло; но мужъ мой... я въ первый разъ обманула его. О! какъ страшно, какъ трудно будетъ мнѣ передъ нимъ говорить неправду! кто-то идетъ! это онъ! мужъ!» вскрикнула она отчаянно, и безъ чувствъ упала на землю.

VII.

«Это я, моя родная дочь! Это я, мое серденько!» услышала Катерина, очнувшись, и увидя передь собою старую прислужницу. Баба, наклонившись, казалось, что-то шептала, и протянув надъ нею изсохшую руку свою, опрыскивала ее холодною водою.

«Гдѣ я?» говорила Катерина, подымаясь и оглядываясь; «передо мною шумить Дибирь, за мною горы... Куда завела меня ты, баба?»

«Я тебя не завела, а вывела; вынесла на рукахъ моихъ изъ душнаго подвала; замкнула ключикомъ дверь, чтобы тебѣ не досталось чего отъ пана Данила».

«Гдѣ же ключъ?» сказала Катерина, поглядывая на свой поясъ. «Я его не вижу».

«Его отвязалъ мужъ твой, поглядѣть на колдуна, дитя мое».

«Поглядѣть?... Баба, я пропала!» вскрикнула Катерина.

«Пусть Богъ милуетъ насъ отъ этого, дитя мое! Молчи только, мой папюлочка, никто ничего не узнаетъ!»

«Онъ убѣжалъ, проклятый антихристъ! Ты слышала, Катерина, онъ убѣжалъ?» сказалъ панъ Данило, приступая къ женѣ своей. Очи метали огонь; сабля, звеня, тряслась на боку его. Помертвѣла жена.

«Его выпустилъ кто-нибудь, мой любой мужъ?» проговорила она, дрожа.

«Выпустилъ, правда твоя; но выпустилъ чортъ. Погляди, вмѣсто его, бревно заковано въ железо. Сдѣлалъ же Богъ такъ, что чортъ не бонется казачьихъ лапъ! Если бы только думу объ этомъ держалъ въ головѣ хоть одинъ изъ

моихъ казаковъ, и я бы узналъ... то бы и казни ему не нашель!»

«А если бы я?...» невольно вымолвила Катерина и, испугавшись, остановилась.

«Если бы ты вздумала, тогда бы ты не жена мнѣ была. Я бы тебя зашилъ тогда въ мѣшокъ и утопилъ бы на самой срединѣ Дибра!...»

Духъ занялся у Катерины, и ей чудилось, что волосы стали отдѣляться на головѣ ея.

=

VIII.

На пограничной дорогѣ, въ корчмѣ, собрались ляхи и пируютъ уже два дня. Что-то не мало всей сволочи. Сошлись вѣрно на какой-нибудь набѣздъ: у нихъ и мушкеты есть; чокаются шпоры; брякаютъ сабли; паны веселятся и хвастаются, говорятъ про небывалыя дѣла свои, насмѣхаются надъ православьемъ, зовутъ народъ украинскій своими холопьями, и важно крутятъ

усы, и важио, задравши головы, разваливаются на лавкахъ. Съ ними и ксензь вмѣстѣ; только и ксензь у нихъ на ихъ же стать: и съ виду даже не похожъ на христіанскаго пона: пьеть и гуляетъ съ ними и говорить нечестивымъ языкомъ своимъ срамныя рѣчи. Ни въ чемъ не уступаетъ имъ и челядь: позаквадали назадъ рукава оборваныхъ жупановъ своихъ, и ходять козыремъ, какъ-будто бы что путное. Играють въ карты, быють картами одинъ другаго по носамъ; набрали съ собою чужихъ женъ; крикъ, драка!.. Паны бьснуются и отпускають штуки: хватають за бороду жиды, маюють ему на нечестивомъ лбу крестъ; стрѣляютъ въ бабъ холостыми зарядами и танцюють краковякъ съ нечестивымъ попомъ своимъ. Не бывало такого соблазна на русской земль и отъ татаръ: видно уже ей Богъ опредѣлилъ за грѣхи терпѣть такое посрамленіе! Слышио между общимъ содомомъ, что говорятъ про задѣпровскій хуторъ пана Данилы, про красавицу жену его... Не на доброе дѣло собралась эта шайка!

IX.

Сидитъ панъ Данило за столомъ въ своей свѣтлицѣ, подпершись локтемъ, и думаетъ. Сидитъ на лежанкѣ пани Катерина и поетъ пѣсню.

«Что-то грустно мнѣ, жена моя!» сказалъ панъ Данило: «и голова болить у меня, и сердце болить; какъ-то тяжело мнѣ! видно, гдѣ-то недалеко уже ходить смерть моя».

«О, мой ненаглядный мужъ! приинки ко мнѣ

головою своею! Зачѣмъ ты приголубливаешь къ себѣ такія черныя думы?» подумала Катерина, да не посмѣла сказать. Горько ей было, повинной головѣ, принимать мужнія ласки.

«Слушай, жена моя!» сказалъ Данило: «не оставлю сына, когда меня не будетъ; не будетъ тебѣ отъ Бога счастья, если ты кинешь его, ни въ томъ, ни въ этомъ свѣтѣ; тяжело будетъ гнить моимъ костямъ въ сырой землѣ; а еще тяжелѣе будетъ душѣ моей!»

«Что говоришь ты, мужъ мой? не ты ли издѣвался надъ нами, слабыми женами? а теперь самъ говоришь, какъ слабая жена; тебѣ еще долго нужно жить».

«Нѣтъ, Катерина, чувствуетъ душа близкую смерть. Что-то грустно становится на свѣтѣ; времена лихія приходятъ. Охъ! помню, помню я годы; имъ, вѣрно, не воротиться! Онъ былъ еще живъ, честь и слава нашего войска, старый Конашевичъ! Какъ-будто передъ очами моими проходятъ теперь казацкіе полки! Это было золотое время, Катерина! Старый гетманъ сидѣлъ на ворономъ конѣ; блестя въ рукѣ булава; вокругъ сердюки; по сторонамъ шевелилось красное море запорожцевъ. Началъ говорить

гетманъ — и все стало, какъ вкопаное. Запла-
калъ старичина, какъ зачалъ воспоминашь намъ
прежнія дѣла и сѣчи. Эхъ, если бы ты знала,
Катерина, какъ рѣзалась мы тогда съ турками!
На головѣ моей видѣнь и донынѣ рубецъ; че-
тыре пули пролетѣло въ четырехъ мѣстахъ сквозь
меня, и ни одна изъ рапъ не зажила совсѣмъ.
Сколько мы тогда набрали золота! дорогіе ка-
менья шапками черпали казаки; какихъ коней,
Катерина, если бѣ ты знала, какихъ коней мы
тогда угнали! Охъ, не воевать уже мнѣ такъ!
Кажется, и не старъ, и тѣломъ бодръ, а мечъ
казацкій вываливается изъ рукъ, живу безъ дѣ-
ла, и самъ не знаю для чего живу; порядку
нѣтъ въ Украинѣ: полковники и есаулы гры-
зутся, какъ собаки, между собою; нѣтъ стар-
шей головы надъ всеми; шляхетство наше все
перемѣнило на польскій обычай, переняло лу-
кавство... продало душу, принявши унию; жи-
довство угнетаетъ бѣдный народъ; о время, вре-
мя! минувшее время! куда подѣвались вы, лѣта
мои?... Ступай, мальчъ, въ подвалъ, принеси мнѣ
кухоль меду! вышью за прежнюю долю и за дав-
ніе годы!»

«Чѣмъ будемъ принимать гостей, панъ? Съ

луговой стороны идуť ляхи!» сказалъ, вошедши въ хату, Стецько.

«Знаю, зачѣмъ идуť они» вымолвилъ Данило, подымаясь съ мѣста. «Сядьте, мои верные слуги, коней! надѣвайте сбрую! сабли на-голо! не забудьте набрать и свицоваго толокна: съ честью нужно встрѣтить гостей!»

Но еще не успѣли казаки сѣсть на коней и зарядить мушкеты, а уже ляхи, будто упавшій осенью съ дерева на землю листь, усыпали собою гору.

«Э, да тутъ есть съ кѣмъ перевѣдаться!» сказалъ Данило, поглядывая на толстыхъ пановъ, важно качавшихся впереди на коняхъ, въ золотой сбруѣ: «Видно, еще разъ доведется намъ погулять на-славу! Натѣшься же казацкая душа въ послѣдній разъ! Гуляйте, хлопцы, пришелъ нашъ праздникъ!»

И пошла по горамъ потѣха, и запыривалъ пирь: гуляютъ мечи, летаютъ пули, ржутъ и топчутъ кони; отъ крику безумѣетъ голова; отъ дыму слѣпнутъ очи; все перемѣшалось; по казакъ чуетъ, гдѣ другъ, гдѣ недругъ; прошумитъ ли пуля — валится лыхой сѣдокъ съ коня; свиснетъ сабля — катится по землѣ голова, бор-

ноча языкомъ несвязныхъ рѣчи. Но видѣть въ толпѣ красный верхъ казацкой шапки пана Данила; мечется въ глаза золотой поясъ на синемъ жупанѣ; вихремъ вѣтся грива вороного коня; какъ птица мелькаетъ онъ тамъ и тамъ; покрикиваетъ и машетъ дамасской саблей, и рубить съ праваго и лѣваго плеча. Руби, казакъ! гулай, казакъ! тышь молодецкое сердце; но не заглядывайся на золотыя сбруи и жупаны: топчи подъ ноги золото и камень! коли, казакъ! гулай, казакъ! но оглянись назадъ: нечестивые ляхи зажигаютъ уже хаты и угощаютъ нануганный скоть. И, какъ вихорь, поворотилъ панъ Данило назадъ, и шапка съ краснымъ верхомъ мелькаетъ уже возлѣ хатъ, и рѣдетъ вокругъ его толпа. Не часъ, не другой бьются ляхи и казаки; не много становится тѣхъ и другихъ; но не устаетъ панъ Данило: сбиваетъ съ сѣдла длиннымъ конемъ своимъ, топчетъ лухимъ конемъ пѣшихъ. Уже очищается дворъ, уже начали разбѣгаться ляхи; уже обдираютъ казаки съ убитыхъ золотыя жупаны и богатую сбрую; уже панъ Данило сбивается въ погону, и взглянулъ, чтобы созвать своихъ.... и весь закипѣлъ отъ ярости: ему показался катерининъ отецъ. Вотъ

онъ стоитъ на горѣ и цѣлитъ въ него мушкетомъ. Данило погналъ коня прямо къ нему... Казакъ, на гибель идешь!... Мушкетъ гремитъ — и колдунъ пропалъ за горою. Только вѣрный Стецько видѣлъ, какъ мелькнула красная одежда и чудная шапка. Зашатался казакъ и свалился на землю. Кинулся вѣрный Стецько къ своему пану — лежить панъ его, протянувшись на земль и закрывши ясныя очи; алая кровь закипѣла на груди. Но, видно, почувалъ вѣрнаго слугу своего; тихо приподнялъ вѣки, блеснулъ очами: «прощай, Стецько! скажи Катеринѣ, чтобы не покидала сына! не покидайте и вы его, мои вѣрные слуги!» и затихъ. Выметѣла казацкая душа изъ дворянскаго тѣла; посинѣли уста; спитъ казакъ непробудно; зарыдалъ вѣрный слуга и машетъ рукою Катеринѣ: «Ступай, пани, ступай: подгулялъ твой панъ; лежить онъ пьанехонекъ на сырой земль; долго не протрезвится ему!» Всплеснула руками Катерина и повалилась, какъ спопъ, на мертвое тѣло. «Мужъ мой! ты ли лежишь тутъ закрывши очи? Встань, мой ненаглядный соколъ, протяни ручку свою! приподымись! погляди хоть разъ на твою Катерину, пошевели устами, вымолви хоть одно словеч-

ко!... Но ты молчишь, ты молчишь, мой ясный
пань! ты носишь как черное море; сердце
твое не бьется! отчего ты такой холодный, мой
пань? видно, не горячи мои слезы, не въ мочь
имъ согреть тебя! видно, не громокъ плачь мой,
не разбудить имъ тебя! Кто же поведетъ теперь
полки твои? кто понесется на твоёмъ ворономъ
коникъ? громко загукаетъ и замашетъ саблей предъ
казаками? Казаки, казаки! гдѣ честь и слава
ваша! Лежитъ честь и слава ваша, закрывши
очи, на сырой землѣ. Похороните же меня, по-
хороните вмѣстѣ съ нимъ! засыпьте мнѣ очи зем-
лею! надавите мнѣ кленовыя доски на бѣлыя
груди! Мнѣ не нужна больше красота мол!»

Плачетъ и убивается Катерина; а даль вся
покрывается пылью: скачетъ старый есаул Го-
робецъ на помощь.

міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стекляннхъ водъ, и прибережнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ, и наклонившись, глядятъ въ нихъ и не пагладятся, и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями; въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто кромѣ солнца и голубаго неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засынаетъ, и человекъ, и звѣрь, и птица; а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю, и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпръ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжить отъ него — развѣ погаснетъ на небѣ; черный лѣсъ, униженный спящими вѣронами, и древле разломанныя горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею — напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ.

Синій, синій ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и
середь ночи, какъ середь дня, видѣнь за столь-
ко въ даль, за сколько видѣть можетъ чело-
вѣче око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ бе-
регамъ отъ почнаго холода, даетъ онъ по себѣ
серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто
полоса дамасской сабли, а онъ, синій, снова за-
снулъ; чудень и тогда Дибирь, и нѣтъ рѣки
равной ему въ мѣрь! Когда же пойдутъ горами
по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до
корня, дубы трещать и молнія, изламывалась
между тучъ, разомъ освѣщаетъ цѣлый мѣрь —
страшенъ тогда Дибирь! Водяные холмы гре-
мятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и сто-
номъ отбѣгають назадъ, и плачуть, и залива-
ются вдали. Такъ убивается старая мать казака,
выпровожая своего сына въ войско; разгульный
и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбо-
ченившись и молодецки заломивъ шапку; а она,
рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя,
ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки и за-
ливается горячими слезами.

Дико чернеютъ промежъ ратующими волнами
обгорѣлые пни и камни на выдавшемся берегу.
И бьется о берегъ, подымаясь вверхъ и опус-

какаясь внизъ, пристающая лодка. Кто изъ казаковъ осмѣлился гулять въ челянѣ, въ то время, когда разсердился старый Дибирь? видно, ему не вѣдомо, что онъ глотааетъ людей, какъ мухъ. Лодка причалила, и вышелъ изъ нея колдунъ; невеселъ онъ; ему горька тризна, которую свершили казаки надъ убитымъ своимъ паномъ. Не мало заплатились лахи: сорокъ четыре пана со всею сбруею и жупанами, да тридцать три колопа изрублены въ куски; а остальныхъ вместе съ конями угнали въ плѣнъ продать татарамъ. По каменнымъ ступенямъ спустился онъ между обгорѣлыми нѣрами, внизъ, гдѣ, глубоко въ землѣ, вырыта была у него землянка; тихо вошелъ онъ, не скрывшувши дверью, поставилъ на столъ, закрытый скатертью, горшокъ, и сталъ бросать длинными руками своими какія-то невѣдомыя травы; взялъ куваль, выдѣланный изъ какого-то чуднаго дерева, почерпнулъ имъ воды, и сталъ лить, шевеля губами и творя какія-то заклинанія. Показался розовый свѣтъ въ свѣтилицѣ; и страшно было глядѣть тогда ему въ лицо; оно казалось кровавымъ, глубокія морщины только чернѣли на немъ, а глаза были какъ въ огнѣ. Нечестивый грѣшникъ! уже и борода давно по-

сдѣла, и лицо изрыто морщинами, и высохъ весь, а все еще творить богопротивный умыселъ. Посреди хаты стало вѣять бѣлое облако и что-то похожее на радость сверкнуло въ лицѣ его; но отчего же вдругъ сталъ онъ недвижимъ съ разинутымъ ртомъ, не смѣя пошевелиться, и отчего волосы щетиною поднялись на его головѣ? Въ облакѣ передъ нимъ свѣтилось чье-то чудное лицо. Непрошенное, незванное, явилось оно къ нему въ-гости; чѣмъ далѣе, выискивалось больше и вперило неподвижныя очи. Черты его, брови, глаза, губы, все незнакомое ему; никогда во всю жизнь свою онъ его не видывалъ. И страшнаго, кажется, въ немъ мало; а непреодолимый ужасъ напалъ на него. А незнакомая дивная голова сквозь облако также неподвижно глядѣла на него. Облако уже и пропало; а невѣдомыя черты еще рваче выказывались и острыя очи не отрывались отъ него. Колдунъ весь побѣлѣлъ, какъ полотно; дикимъ, не своимъ голосомъ вскрикнулъ, опрокинулъ горшокъ.... Все пропало.

XI.

«Успокой себя, моя любая сестра!» говорилъ старый есауль Горобецъ: «сны редко говорятъ правду».

«Прилягъ, сестрица!» говорила молодая его невѣстка: «я позову старуху, ворожею: противъ нея никакая сила не устоитъ: она выльетъ переполохъ тебѣ».

«Ничего не бойся!» говорилъ сынъ его, хватаясь за саблю: «никто тебя не обидитъ».

Пасмурно, мутными глазами, глядела на всѣхъ Катерина и не находила рѣчи. «Я сама устроила себѣ погибель; я выпустила его». Наконецъ она сказала: «мнѣ нѣтъ отъ него покоя! вотъ уже десять дней я у васъ въ Кіевѣ, а горя ни капли не убавилось; думала, буду хоть въ тишинѣ растить на мести сына... страшень, страшень привидѣлся онъ мнѣ во снѣ! Боже сохрани и вамъ увидѣть его! сердце мое до-сихъ-поръ бьется.—Я зарублю твое дитя, Катерина!— кричалъ онъ — если не выйдешь за меня замужь...» и, зарыдавъ, кинулась она къ колыбели, а испуганное дитя протануло ручонки и кричало.

Киньдъ и сверкалъ сынъ есаула отъ гнѣва, слыша такія рѣчи.

Расходился и самъ есаулъ Горобецъ: «Пусть попробуетъ онъ, окаянный антихристъ, притти сюда: отвѣдасть, бываетъ ли сила въ рукахъ стараго казака. Богъ видитъ» говорилъ онъ, подымая кверху прозорливыя очи: «не летѣлъ ли я подать руку брату Данилу? Его святая воля! засталъ уже на холодной постели, на которой много, много улеглось казацкаго народа; за те развѣ не пышна была тризна по немъ? выпустили ли хоть одного ляха живаго? Успо-

койся же, дитя мое! никто не посмѣетъ тебя обидѣть, развѣ ни меня не будетъ, ни моего сына». Кончивъ слова свои, старый есауль пришелъ къ колыбели, и дитя, увидѣвши висѣвшую на ремнѣ у него въ серебряной оправѣ красную люльку и гаманъ съ блестящимъ огнивомъ, протянуло къ нему ручонки и засмѣялось. «По отцу пойдетъ!» сказалъ старый есауль, снимая съ себя люльку и отдавая ему: «еще отъ колыбели не отсталъ, а ужъ думаетъ курить люльку».

Тихо вздохнула Катерина и стала качать колыбель. Сговорились провести ночь вмѣстѣ, и немного погодя уснули всѣ; уснула и Катерина.

На дворѣ и въ хатѣ все было тихо; не спали только казаки, стоявшіе на-сторожѣ. Вдругъ Катерина, вскрикнувъ, проснулась, и за нею проснулись всѣ. «Онъ убить, онъ зарѣзанъ!» кричала она и кинулась къ колыбели. Всѣ обступили колыбель и окаменѣли отъ страха, увидѣвши, что въ ней лежало не живое дитя. Ни звука не вымолвилъ ни одинъ изъ нихъ, не зная, что думать о неслыханномъ злодѣйствѣ.

XII.

Далеко от украинскаго края, проѣхавши Польшу, минуя и многочисленный городъ Лембергъ, идутъ рядами высоковерхія горы. Гора за горою, будто каменными цепями, перекидываютъ онѣ вправо и влево землю и обковываютъ ее каменною толщею, чтобы не прососало шумное и буйное море. Идутъ каменные цепи въ Валахию и въ Седмиградскую область, и грома-
томъ I. 23

дою стали въ видѣ подковы между галичскимъ и венгерскимъ народомъ. Нѣтъ такихъ горъ въ нашей сторонѣ. Глазь не смѣетъ оглянуть ихъ; а на вершину иныхъ не заходила и нога чело-вѣчья. Чуденъ и видъ ихъ: не задорное ли море выбѣжало въ бурю изъ широкихъ береговъ, вскинуло вихремъ безобразныя волны и онѣ, окаменѣвъ, остались недвижны въ воздухъ? Не оборвались ли съ неба тяжелыя тучи и загро-моздили собою землю? ибо и на нихъ такой же сѣрый цвѣтъ, а бѣлая верхушка блеститъ и искрится при солнцѣ. Еще до Карпатскихъ горъ услышишь русскую моль, и за горами еще, кой-гдѣ, отзовется какъ-будто родное слово; а тамъ уже и вѣра не та, и рѣчь не та. Живетъ не малолюдный народъ венгерскій; ѣздитъ на коняхъ, рубится и пьетъ не хуже казака; а за конную сбрую и дорогіе кафтаны не скупится вынимать изъ кармана червонцы. Раздольны и велики есть между горами озера. Какъ стекло, недвижны они и, какъ зеркало, отдають въ себѣ голыя вершины горъ и зеленыя ихъ подошвы. Но кто среди ночи, блещутъ, или не блещутъ звѣзды, ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣчьимъ ростомъ ска-

четь подь горами, надь озерами, отсвѣчиваетъ съ исполинскимъ конемъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горахъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечника; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шоломъ надвинуть; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены — онъ спитъ и, сонный, держитъ поводá; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пáжъ, и также спитъ и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ, куда, зачѣмъ ѣдетъ? кто его знаетъ! Не день, не два уже онъ переезжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце, его невидно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горахъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и тучи не пройдутъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ видѣнъ и отдается въ озерахъ и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взѣхалъ на Кривань. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь подымается она надь другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустясь, закрыли его.

XIII.

«Тс... тише, баба! не стучи такъ, дитя мое заснуло. Долго кричалъ сынъ мой, теперь спать. Я пойду въ лѣсъ, баба! Да что же ты такъ глядишь на меня? Ты страшна: у тебя изъ глазъ вытягиваются желѣзные клещи... ухъ, какія дивныя! и горять какъ огонь! Ты, вѣрно, вѣдьма! О, если ты вѣдьма, то пропади отсюда! ты украдешь моего сына. Какой безтолковый этотъ

есауль: онъ думаетъ, мнѣ весело жить въ Кіевѣ; нѣтъ, здѣсь и мужъ мой и сынъ; кто же будетъ смотреть за хатой? Я ушла такъ тихо, что ни кошка, ни собака не услышали. Ты хочешь, баба, сдѣлаться молодою — это совсѣмъ не трудно: нужно танцовать только; гляди, какъ я танцую...» и проговоривъ такіа несвязныя рѣчи, уже неслась Катерина, безумно поглядывая на всѣ стороны и упираясь руками въ боки. Съ визгомъ притопывала она ногами; безъ мѣры, безъ такта звенѣли серебряныя подковы. Незаплетенныя черныя косы металась по бѣлой шеѣ. Какъ птица, не останавливаясь, летѣла она, размахивая руками и кивая головой, и казалось, будто, обезсилѣвъ, или грянется на земь, или вылетитъ изъ міра. Печально стояла старая няня и слезами налились ея глубокія морщины; тяжкій камень лежалъ на сердцѣ у вѣрныхъ хлопцевъ, глядѣвшихъ на свою няню. Уже совсѣмъ ослабѣла она и лѣнливо топала ногами на одномъ мѣстѣ, думая, что танцуетъ горлицу. «А у меня монисто есть, парубки!» сказала она наконецъ, остановившись: «а у васъ нѣтъ!... Гдѣ мужъ мой?» вскричала она вдругъ, выхвативъ изъ-за пояса турецкій кинжалъ. «О! это

не такой ножъ, какой нужно». При этомъ и слезы, и тоска показались у нея на лицѣ. «У отца моего далеко сердце: онъ не достанетъ до него. У него сердце изъ жельза выковано; ему выковала одна вѣдьма на пекельномъ огнѣ. Что жъ пойдетъ отецъ мой? развѣ онъ не знаетъ, что пора заколотъ его? Видно онъ хочетъ, чтобъ я сама пришла...» и не докончивъ, чудно засмѣялась. «Мнѣ пришла на умъ забавная исторія: я вспомнила, какъ погребали моего мужа. Вѣдь его живаго погребли... какой смѣхъ забираетъ меня... Слушайте, слушайте!» и, вмѣсто словъ, начала она пѣть пѣсню:

Бижьтъ возокъ кровавенькій:
Утѣмъ возку казакъ лежить,
Пострѣляввій, порубаный.
Въ прайій руки дротыкъ держить,
Съ того дроту кривия бижьтъ;
Бижьтъ рука кровавая.
Надъ ричкою лворъ стовтъ:
Надъ лворомъ воронъ криче.
За казакомъ маты плаче.
Не плачь, маты, не журися!
Бо вже твій сынъ оженився.
Та взявъ живку павлявочку,
Въ чистомъ поли землявочку,
И безъ дверецъ, безъ оковецъ.
Та вси пвсни вышовъ конецъ.
Танцювала рыба зъ ракомъ...
Ахто мене неволюбить трася его матерь!

Такъ перемѣшивались у нея всѣ вѣсни. Уже день и два живетъ она въ своей хатѣ и не хочетъ слышать о Кіевѣ, и не молится, и бѣжить отъ людей; и съ утра до поздняго вечера бродить по темнымъ дубравамъ. Острые сучья царапаютъ бѣлое лицо и плеча; вѣтеръ треплетъ расплетенныя косы; осенніе листья шумятъ подъ ногами ея — ни на что не глядитъ она. Въ часъ, когда вечерняя заря тухнетъ, еще не являются звѣзды, не горитъ мѣсяць, а уже страшно ходить въ лѣсу: по деревьямъ царапаются и хватаются за сучья некрещеныя дѣти, рыдаютъ, хохочутъ, катятся клубомъ по дорогамъ и въ широкой кранивѣ; изъ дѣвировскихъ волнъ выбѣгаютъ вереницами погубившія свои души дѣвы; волосы льются съ зеленой головы на плечи; вода, звучно журча, бѣжитъ съ длинныхъ волосъ на землю, и дѣва свѣтится сквозь воду, какъ-будто бы сквозь стеклянную рубашку; уста чудно усмѣхаются, щеки пылаютъ, очи вымаиваютъ душу... она сгорѣла бы отъ любви, она зацаловала бы... Бѣги, крещеный человекъ! уста ея — ледъ, постель — холодная вода; она защекочетъ тебя и утащитъ въ рѣку. Катерина не глядитъ ни на кого, не боится, безумная, ру-

салонокъ, бѣгаетъ поздно съ ножомъ своимъ и
пицетъ отца.

Съ раннимъ утромъ прѣхалъ какой-то гость,
статный собою, въ красномъ жупанѣ, и освѣ-
домляется о панѣ Данилѣ; слышитъ все, ути-
раетъ рукавомъ заплаканныя очи и пожимаетъ
плечами. Онъ-де воевалъ вмѣстѣ съ покойнымъ
Бурульбашемъ; вмѣстѣ рубились они съ крым-
цами и турками; ждалъ ли онъ, чтобы такой
конецъ былъ нана Данила. Рассказываетъ еще
гость о многомъ другомъ и хочетъ видѣть панн
Катерину.

Катерина сначала не слушала ничего, что го-
ворилъ гость; напоследокъ стала, какъ разум-
ная, вслушиваться въ его рѣчи. Онъ повелъ
про то, какъ они жили вмѣстѣ съ Даниломъ,
будто братъ съ братомъ; какъ укрылись разъ
подъ греблею отъ крымцевъ... Катерина все слу-
шала и не смускала съ него очей. «Она отой-
детъ!» думали хлопцы, глядя на нее: «этотъ
гость вылечитъ ее! она уже слушаетъ, какъ
разумная!» Гость началъ рассказывать между-
тѣмъ, какъ панъ Данило, въ часъ откровенной
бесѣды, сказалъ ему: «Гляди, братъ Копранъ:
когда волею божіей не будетъ меня на свѣтъ,

возьми къ себѣ жену, и пусть будетъ она твоею женою...» Страшно вонзила въ него очи Катерина. «А!» вскрикнула она: «это онъ! это отецъ!» и кинулась на него съ ножомъ. Долго боролся тотъ, стараясь вырвать у нея ножъ; наконецъ вырвалъ, замахнулся — и совершилось страшное дѣло: отецъ убилъ безумную дочь свою. Изумившіеся казаки кинулись-было на него; но колдунъ уже успѣлъ вскочить на коня и пропалъ изъ виду.

=

XIV.

За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собиравшись дивиться этому чуду: вдругъ стало видимо далеко во всѣ концы свѣта. Вдали засниль Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бавалье люди узнали и Крымъ, горою подымавшійся изъ моря, и болотный Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля галичская. «А то что такое?» допраши-

валь собравшійся народъ старыхъ людей, указывая на далеко мерещившіеся на небѣ и большіе похожіе на облака сѣрые и бѣлые верхи. «То Карпатскія горы!» говорили старыя люди: «межъ ними есть такія, съ которыхъ вѣкъ не сходитъ снѣгъ, а тучи пристають и ночуютъ тамъ». Тутъ показалось новое диво: облака слетѣли съ самой высокой горы, и на вершинѣ ея показался во всей рыцарской сбруѣ чловѣкъ на конѣ съ закрытыми очами, и такъ видѣнь, какъ бы стоялъ вблизи. Тутъ, межъ дивившимся со страхомъ народомъ, одинъ вскочилъ на коня и, дико озираясь по сторонамъ, какъ-будто ница очами, не гонится ли кто за нимъ, торопливо, во всю мочь, погналъ коня своего. То былъ колдунъ. Чего же такъ перепугался онъ? Со страхомъ взглянувшись въ чуднаго рыцаря, узналъ онъ на немъ то же самое лицо, которое незваное показалось ему, когда онъ ворожилъ. Самъ не могъ онъ разумѣть, отчего въ немъ все смутилось при такомъ видѣ и, робко озираясь, мчался онъ на конѣ, покаместъ не застигнулъ его вечеръ и не проглянули звѣзды. Тутъ поворотилъ онъ домой, можетъ-быть, допросить нечистую силу, что значить такое диво. Уже

онъ хотѣлъ перескочить съ конемъ черезъ узкую рѣку, выступившую рукавомъ среди дороги, какъ вдругъ конь на всемъ скаку остановился, заворотилъ къ нему морду, и — чудо, засмѣялся! бѣлые зубы страшно блеснули двумя рядами во мракѣ. Дыбомъ поднялись волосы на головѣ колдуна. Дико закричалъ онъ и заплакалъ, какъ изступленный, и погналъ коня прямо къ Кіеву. Ему чудилось, что все со всѣхъ сторонъ бѣжало ловить его: деревья, обступивши темнымъ лѣсомъ, и какъ-будто живыя, кивая черными бородами и вытягивая длинныя вѣтви, силились задушить его; звѣзды, казалось, бѣжали впереди передъ нимъ, указывая вѣзмъ на грѣшника; сама дорога, чудилось, мчалась по слѣдамъ его. Отчаянный колдунъ летѣлъ въ Кіевъ ко святымъ мѣстамъ.

=

XV.

Одинокѣ сидѣлъ въ своей пещерѣ передъ лампадою схимникъ и не сводилъ очей съ святой книги. Уже много лѣтъ, какъ онъ затворился въ своей пещерѣ; уже сдѣлалъ себѣ и досчатый гробъ, въ который ложился спать вмѣсто постели. Закрывъ святой старецъ свою книгу и сталъ молиться... Вдругъ вбѣжалъ человекъ чуднаго, страшнаго вида. Изумился святой схимникъ въ

первый разъ, и отступилъ, увидѣвъ такого чело-
вѣка. Весь дрожалъ онъ, какъ осиповый листь;
очи дико косились; страшный огонь пугливо
сыпался изъ очей; дрожь наводило на душу
уродливое его лицо.

«Отецъ, молись! молись!» закричалъ онъ от-
чаянно: «молись о погибшей душѣ!» и грянул-
ся на землю.

Святой схимникъ перекрестился, досталъ кни-
гу, развернулъ и, въ ужасъ, отступилъ назадъ
и выронилъ книгу: «Нѣтъ, неслыханный грѣш-
никъ! нѣтъ тебѣ помилованія! бѣги отсюда! не
могу молиться о тебѣ!»

«Нѣтъ?» закричалъ, какъ безумный, грѣш-
никъ.

«Гляди: святыя буквы въ книгѣ налились
кровью... Еще никогда въ мѣръ не бывало тако-
го грѣшника!»

«Отецъ! ты смѣешься надо мною!»

«Иди, окаянный грѣшникъ! не смѣюсь я надъ
тобою. Боязнь овладѣваетъ мною. Не добро быть
человѣку съ тобою вмѣстѣ!»

«Нѣтъ, нѣтъ! ты смѣешься, не говори... я ви-
жу, какъ раздвинулся ротъ твой: вотъ бѣль-
ють рядами твои старыя зубы!...»

И, какъ бѣшеный, кинулся онъ — и убилъ святаго схимника.

Что-то тяжело застонало и стоишь перенесся черезъ поле и лѣсъ. Изъ-за лѣса поднялись тощія, сухія руки съ длинными ногтями: затряслась и пропала.

И уже ни страха, ничего не чувствовалъ онъ. Все чудится ему какъ-то смутно: въ ушахъ шумить, въ головѣ шумить, какъ-будто отъ хмѣля, и все, что ни есть передъ глазами, покрывается какъ-бы паутиною. Вскочивши ни коня, поѣхалъ онъ прямо въ Каневъ, думая оттуда черезъ Черкасы направить путь къ татарамъ прямо въ Крымъ, самъ не зная для чего. Ъдетъ онъ уже день, другой, а Канева все нѣтъ. Дорога та самая; пора бы ему уже давно показаться, но Канева не видно. Вдали блеснули верхушки церквей: но это не Каневъ, а Шумскъ. Изумился колдунъ, видя, что онъ заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону. Погналъ коня назадъ къ Кіеву и черезъ день показался городъ; но не Кіевъ, а Галичь, городъ еще далѣе отъ Кіева, чѣмъ Шумскъ, и уже не далеко отъ Венгровъ. Не зная что дѣлать, повернулъ онъ коня снова назадъ; но чувствуетъ снова, что ѡдетъ

въ противную сторону и все впередъ. Не могъ бы ни одинъ человекъ въ свѣтъ рассказать, что было на душѣ у колдуна; а если бы онъ взглянулъ и увидѣлъ что тамъ дѣлалось, то уже не досыпалъ бы онъ почей и не засмѣялся бы ни разу. То была не злость, не страхъ, и не лютая досада. Нѣтъ такого слова на свѣтъ, которымъ бы можно было его назвать. Его жгло, пекло, ему хотѣлось бы весь свѣтъ вытоптать кономъ своимъ, взять всю землю отъ Кіева до Галича съ людьми, со всѣмъ, и затопить ее въ Черномъ морѣ. Но не отъ злобы хотѣлось ему это сдѣлать: нѣтъ, самъ онъ не зналъ отъ чего. Весь вздрогнулъ онъ, когда уже показались близко передъ нимъ Карпатскія горы и высокій Криванъ, накрывшій свое темя, будто шапкою, сѣрою тучею; а конь все несся и уже рыскалъ по горамъ. Тучи разомъ очистились, и передъ нимъ показался въ страшномъ величїи всадникъ... Онъ силится остановиться; крѣпко натягиваетъ удила; дико ржалъ конь, подымая гриву, и мчался къ рыцарю. Тутъ чудится колдуну, что все въ немъ замерло, что недвижный всадникъ шевелится и вдругъ открылъ свои очи;

увидѣлъ несшагося къ нему колдуна, и засмѣялся. Какъ громъ, разсыпался дикій смѣхъ по горамъ и зазвучалъ въ сердцѣ колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влѣзъ въ него и ходилъ внутри его и билъ молотами по сердцу, по жиламъ... такъ страшно отдался въ немъ этотъ смѣхъ!

Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и поднялъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ, и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли галичской, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другаго выше, одинъ другаго костистѣй, стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукъ страшную добычу. Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться отъ земли; но не могъ, не въ силахъ

быль этого сдѣлать — такъ великъ выросъ онъ въ землѣ; а если бы поднялся, то опрокинулъ бы и Карпаты, и Семиградскую и Турецкую земли. Немного только подвинулся онъ — и пошло отъ того трясеніе по всей землѣ, и много поопрокидывалось вездѣ хатъ, и много задавило народу.

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ-будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ: то, въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человекъ, страшнѣйшаго проходить мимо, мертвецы грызутъ мертвеца. Нерѣдко бывало по всему міру, что земля тряслась отъ одного конца до другаго: то оттого дѣлается, толкуютъ грамотные люди, что есть гдѣ-то, близъ моря, гора, изъ которой выхватывается пламя и текутъ горячія рѣки. Но старики, которые живутъ и въ Венгріи, и въ галичской землѣ, лучше знаютъ это, и говорятъ, что то хочетъ подняться выросшій въ землѣ великій, великій мертвецъ, и трясеть землю.

XVI.

Въ городъ Глуховъ собрался народъ около старца бандуриста, и уже съ часъ слушалъ, какъ свѣнецъ игралъ на бандурѣ. Еще такихъ чудныхъ пѣсень и такъ хорошо не пѣлъ ни одинъ бандуристъ. Сперва повелъ онъ про прежнюю гетманщину за Сагайдачнаго и Хмельницкаго. Тогда иное было время: казачество было въ славу, топтало конями непріятелей, и никто

не смѣлъ посмѣяться надъ нимъ. Пѣль и веселыя пѣсни старецъ и поваживалъ своими очами на народъ, какъ-будто зрящій; а пальцы, съ придѣланными къ нимъ костями, летали какъ муха по струнамъ и, казалось, струны сами играли; а кругомъ народъ, старые люди понуривъ головы, а молодые поднимъ очи на старца, не смѣли и шептать между собою.

Постойте, сказалъ старецъ, я вамъ запою про одно давнее дѣло. Народъ сдвинулся еще тѣснѣе и слѣпецъ запѣлъ:

«За пана Степана, князя седмиградскаго (былъ князь седмиградскій королемъ и у ляховъ) жило два казака: Иванъ да Петро. Жили они такъ, какъ братъ съ братомъ. «Гляди, Иванъ, все, что ни добудешь — все пополамъ: когда кому веселье, веселье и другому; когда кому горе — горе и обонмъ; когда кому добыча — пополамъ добычу; когда кто въ полонъ попадетъ — другой продай все и дай выкупъ, а не то, самъ ступай въ полонъ». И правда, все, что ни доставали казаки, все дѣлили пополамъ; угоняли ли чужой скотъ, или коней, все дѣлили пополамъ.

«Воевалъ король Степанъ съ турчиномъ. Уже три недѣли воюеть онъ съ турчиномъ, а все не можетъ его выгнать. А у турчина былъ паша такой, что самъ съ десятио лыччарами могъ порубить цѣлый полкъ. Вотъ объявилъ король Степанъ, что если същется смѣльчакъ и приведетъ къ нему пашу живаго, или мертваго, дастъ ему одному столько жалованья, сколько дастъ на все войско. «Пойдемъ, братъ, ловить пашу!» сказалъ братъ Иванъ Петру. И поѣхали казаки, одинъ въ одну сторону, другой въ другую.

«Поймалъ ли бы еще, или не поймалъ Петро, а уже Иванъ ведетъ пашу арканомъ за шею къ самому королю. «Бравый молодецъ!» сказалъ король Степанъ, и приказалъ выдать ему одному такое жалованье, какое получаетъ все войско; и приказалъ отвести ему земли тамъ, гдѣ онъ задумаетъ себѣ, и дать скота, сколько пожелаетъ. Какъ получилъ Иванъ жалованье отъ короля, въ тотъ же день раздѣлилъ все поровну между собою и Петромъ. Взялъ Петро половину королевскаго жалованья, но не могъ вынести того, что

Иванъ получилъ такую честь отъ короля, и за-
таилъ глубоко на душѣ мечь.

* * *

*

«Ѣхали оба рыцаря на жалованную королею
землю, за Карпаты. Посадилъ казакъ Иванъ съ
собою на коня своего сына, привязавъ его къ
себѣ. Уже настали сумерки — они все ѣдутъ.
Младенецъ заснулъ; сталъ дремать и самъ Иванъ.
Не дремли, казакъ, по горамъ дороги опас-
ныя!... Но у казака такой конь, что самъ вездѣ
знаетъ дорогу: не спотыкнется и не оступится.
Есть между горами провалъ, въ провалъ дна ни-
кто не видалъ; сколько отъ земли до неба,
столько до дна того провала. Но надъ самымъ
проваломъ дорога — два челоуѣка еще могутъ
проѣхать, а трое ни за что. Сталъ бережно
ступать конь съ дремавшимъ казакомъ. Рядомъ
ѣхалъ Петро, весь дрожалъ и притаилъ духъ
отъ радости. Оглянулся и толкнулъ названнаго
брата въ провалъ; и конь съ казакомъ и мла-
денцемъ полетѣли въ провалъ.

* * *

*

«Ухватился, однако жъ, казакъ за сукъ, и одинъ только конь пометель на дно. Сталь онъ карабкаться, съ сыномъ за плечами, вверхъ; не много уже не добрался, поднялъ глаза и увидель, что Петро наставилъ пику, чтобы столкнуть его назадъ. «Боже ты мой, праведный! лучше бь мнѣ не подымать глазъ, чѣмъ видѣть, какъ родной братъ наставляетъ пику столкнуть меня назадъ!... Братъ мой милый! коли меня пикой, когда уже мнѣ такъ написано на роду; но возьми сына: чѣмъ невинный младенецъ виновать, чтобы ему пронасть такую мотую смертью?» Засмѣялся Петро и толкнулъ его пикой, и казакъ съ младенцемъ полетель на дно. Забралъ себѣ Петро все добро и сталь жить, какъ паша. Табуновъ ни у кого такихъ не было, какъ у Петра; овецъ и барановъ нигдѣ столько не было. И умеръ Петро.

«Какъ умеръ Петро, призвалъ Богъ души обоихъ братьевъ, Петра и Ивана, на судъ. «Великій есть грѣшникъ сей человекъ!» сказалъ Богъ. «Иване! не выберу я ему скоро казни; выбери ты самъ ему казнь!» Долго думалъ Иванъ, вы-

мышляя казнь, и наконецъ сказалъ: «Великую обиду нанесъ мнѣ сей человекъ: предать своего брата, какъ Иуда, и лишилъ меня честнаго моего рода и потомства на землѣ. А человекъ безъ честнаго рода и потомства, что хлѣбное семя, кинутое въ землю, и пропавшее даромъ въ землѣ. Выходу нѣтъ — никто и не узнаеть, что кинуту было семя.

«Сдѣлай же, Боже, такъ, чтобы все потомство его не имѣло на землѣ счастья; чтобы послѣдній въ родѣ былъ такой злодѣй, какого еще и не бывало на свѣтѣ! и отъ каждаго его злодѣйства, чтобы дѣды и прадѣды его не нашли бы покоя въ гробахъ, и терпя муку, невѣдомую на свѣтѣ, подымались бы изъ могилъ! А Иуда Петро, чтобы не въ силахъ былъ подняться, и отъ того терпѣлъ бы муку еще горшую; и вѣлъ бы, какъ бѣшеный, землю, и корчился бы подъ землею.

«И когда придетъ часъ мѣры въ злодѣйствахъ тому человекъ, подыми меня, Боже, изъ того

провала на конь на самую высокую гору, и пусть придет онъ ко мнѣ, и брошу я его съ той горы въ самый глубокой провалъ, и всѣ мертвецы, его дѣды и прадѣды, гдѣ бы ни жили при жизни, чтобы всѣ потянулись отъ разныхъ сторонъ земли грызть его, за тѣ муки, что онъ наносилъ имъ, и вечно бы его грызли, и повеселился бы я, глядя на его муки! А Иуда Петро чтобы не могъ подняться изъ земли, чтобы рвался грызть и себя, но грызъ бы самого себя, а кости его росли бы чѣмъ дальше, больше, чтобы чрезъ то еще сильнѣе становилась его боль. Та мука для него будетъ самая страшная: ибо для человѣка нѣтъ большей муки, какъ хотѣть отмстить, и не мочь отмстить».

* * *

«Страшна казнь, тобою выдуманная, человѣче!» сказалъ Богъ: «пусть будетъ все такъ, какъ ты сказалъ; но и ты сиди вѣчно тамъ на конь своемъ, и не будетъ тебѣ царствія небеснаго, покаместъ ты будешь сидѣть тамъ на конь своемъ!» И то все такъ сбылось, какъ было сказано: и донынѣ стоитъ на Карпатъ на конь дивный рыцарь, и видитъ, какъ въ бездонномъ

проваль грызуть мертвецы мертвеца, и чуеть, какъ лежащій подъ землею мертвецъ растеть, гложеть въ страшныхъ мукахъ свои кости и страшно трясеть всю землю...»

—

Ужъ слѣпецъ кончилъ свою пѣсню; уже снова сталь перебирать струны; уже сталь пѣть смѣшныя присказки про Хому и Ерему, про Сткляра Стокозу... но старыя и малыя все еще не думали очнуться и долго стояли, потунивъ головы, раздумывая о страшномъ, въ старину случившемся дѣлѣ.

ИВАНЪ БЕДОРОВИЧЪ

ШПОНЬКА

И

ЕГО ТЕТУШКА.

Иванъ Бедоровичъ

Копия

ВЪВЕДЕНІЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ

ОТЪ АВТОРА

Съ этой исторіей случилась исторія: намъ рассказывалъ ее пріѣзжавшій изъ Гадяча Степанъ Ивановичъ Курочка. Нужно вамъ знать, что память у меня, невозможно сказать, что за дрянь: хоть говори, хоть не говори, все одно. Тоже самое, что въ рѣшето воду лей. Зная за собою такой грѣхъ, нарочно просилъ его списать ее въ тетрадку. Ну, дай Богъ ему здоровья, человекъ онъ былъ всегда добрый для меня, взялъ и списалъ. Положилъ я ее въ маленький столикъ; вы, думаю, его хорошо знаете: онъ стоитъ въ углу, когда войдешь въ

дверь... Да, я и позабылъ, что вы у меня никогда не были. Старуха моя, съ которой живу уже лѣтъ тридцать вмѣстѣ, грамотѣ съ-роду не училась; нечего и грѣха таить. Вотъ замѣчаю я, что она пирожки печеть на какой-то бумагѣ. Пирожки она, любезные читатели, удивительно хорошо печеть; лучшихъ пирожковъ вы нигдѣ не будете ѣсть. Посмотрѣлъ какъ-то на сподку пирожка — смотрю : писанныя слова. Какъ-будто сердце у меня знало : прихожу къ столику — тетрадки и половины нѣтъ! Остальные листки всѣ растаскала на пироги. Что прикажешь дѣлать? на старости лѣтъ не подражаться же!—Прошлый годъ случилось проѣзжать чрезъ Гадячь; нарочно еще, не доѣзжая города, завязалъ узелокъ, чтобы не забыть попросить объ этомъ Степана Ивановича. Этого мало : взялъ обѣщаніе съ самого-себя : какъ-только чихну въ городѣ, то чтобы при этомъ вспомнить о немъ. Все напрасно. Проѣхалъ чрезъ городъ, и чихнулъ, и высморкался въ платокъ, а все позабылъ; да уже вспомнилъ, какъ версть за шесть отъѣхалъ отъ заставы.

Нечего дѣлать, пришлось печатать безъ конца. Впрочемъ, если кто желаетъ непременно знать, о чемъ говорится далѣе въ этой повѣсти, то ему стоитъ только нарочно прїѣхать въ Гадячь, и попросить Степана Ивановича. Онъ съ большимъ удовольствіемъ разскажетъ ее, хоть, пожалуй, снова отъ начала до конца. Живетъ онъ недалеко возлѣ каменной церкви. Тутъ есть сейчасъ маленькій переулокъ: какъ-только поворотитесь въ переулокъ, то будутъ вторыя или третья ворота. Да вотъ лучше: когда увидите на дворѣ большой шестъ съ перепеломъ и выйдетъ на-встрѣчу вамъ толстая баба въ зеленой юбкѣ (онъ, не мѣшаетъ сказать, ведетъ жизнь холостую), то это его дворъ. Впрочемъ, вы можете его встрѣтить на базарѣ, гдѣ бываетъ онъ каждое утро до девяти часовъ, выбираетъ рыбу и зелень для своего стола и разговариваетъ съ отцомъ Антипомъ, или съ жидомъ-откупщикомъ. Вы его тотчасъ узнаете, потому что ни у кого нѣтъ, кромѣ его, панталонъ изъ цвѣтной выбойки и китайчатаго желтаго сюртука. Вотъ вамъ еще примѣта: когда хо-

дять онъ, то всегда размахиваетъ руками. Еще покойный тамошній засѣдатель, Денисъ Петровичъ, всегда, бывало, увидѣвши его издали, говорилъ: «глядите, глядите, вонъ идетъ вѣтряная мельница!»

ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА

И

ЕГО ТЕТУШКА.

—

I

ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ ШПОНЬКА.

Уже четыре года, какъ Иванъ Федоровичъ Шпонька въ отставку и живетъ на хуторъ своемъ Вытребенькахъ. Когда былъ онъ еще Ванюшею, то обучался въ гадячскомъ повѣтовомъ училищѣ и, надобно сказать, былъ преблагоправный и престарательный мальчикъ. Учитель россійской грамматики, Никифоръ Тимофеевичъ Дьепричастіе, говаривалъ, что если бы все у

него были такъ старательны, какъ Шпонька, то онъ не носилъ бы съ собою въ классъ кленовой линейки, которою, какъ самъ онъ признавался, уставалъ бить по рукамъ лѣнивцевъ и шалуновъ. Тетрадка у него всегда была чистенькая, кругомъ обшита, нигдѣ ни пятнышка. Сидѣлъ онъ всегда смиренно, сложивъ руки и уставивъ глаза на учителя, и никогда не привѣшивалъ, сидѣвшему впереди его товарищу, на спину бумажекъ, не рѣзалъ скамьи и не игралъ до прихода учителя въ *тѣсной бабы*. Когда кому нужда была въ ножикъ очинить перо, тотъ немедленно обращался къ Ивану Федоровичу, зная, что у него всегда водился ножикъ; и Иванъ Федоровичъ, тогда еще просто Ванюша, вынималъ его изъ небольшого кожаннаго чехольчика, привязаннаго къ петлѣ своего сѣренькаго сюртука, и просилъ только не скоблить пера остриемъ ножика, увѣряя, что для этого есть тупая сторона. Такое благонравіе скоро привлекло на него вниманіе даже самого учителя латинскаго языка, котораго одинъ кашель въ сѣняхъ, прежде нежели высовывалась въ дверь его фризловая шинель и лицо, изукрашенное оспою, наводилъ страхъ на весь классъ. Этотъ

страшный учитель, у котораго на кавердѣ всегда лежало два пучка розогъ и половина слушателей стояла на колынахъ, сдѣлалъ Ивана Федоровича аудиторомъ, не-смотря на то, что въ классѣ было много съ гораздо лучшими способностями. Тутъ не можно пропустить одного случая, сдѣлавшаго вліяніе на всю его жизнь. Одинъ изъ вѣреннѣхъ ему учениковъ, чтобы склонить своего аудитора написать ему въ списокъ *scit*, тогда, какъ онъ своего урока въ-зубъ не звалъ, принесъ въ классъ завернутый въ бумагу облитый масломъ блинъ. Иванъ Федоровичъ хотя и держался справедливости, но на эту пору былъ голоденъ и не могъ противиться обольщенію: взялъ блинъ, поставилъ передъ собою книгу и началъ есть, и такъ былъ занятъ этимъ, что даже не замѣтилъ, какъ въ классѣ сдѣлалась вдругъ мертвая тишина. Тогда только съ ужасомъ очнулся онъ, когда страшная рука, протянувшись изъ фризовой шинели, ухватила его за ухо и вытащила на средину класса. «Подай сюда блинъ! подай, говорить тебѣ, негодяй!» сказалъ грозный учитель; схватилъ пальцами масляный блинъ и выбросилъ его за окно, строго запретивъ, бѣгавшимъ по двору школьникамъ

поднимать его. После этого тутъ же высккъ онъ пребольно Ивана Федоровича по рукамъ; и дѣло: руки виноваты, зачѣмъ брали, а не другая часть тѣла. Какъ бы то ни было, только съ этихъ поръ робость, и безъ того неразлучная съ нимъ, увеличилась еще болѣе. Можетъ-быть, это самое происшествіе было причиною того, что онъ не имѣлъ никогда желанія вступить въ штатскую службу, видя на опытъ, что не всегда удается хоронить концы. Было уже безъ малаго пятнадцать лѣтъ ему, когда перешелъ онъ во второй классъ, гдѣ, вмѣсто сокращеннаго катихизиса и четырехъ правилъ ариѳметики, принялся онъ за пространнѣй, за книгу о должностяхъ человека и за дроби. Но увидѣвши, что чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ, и получивши извѣстіе, что батюшка приказалъ долго жить, пробылъ еще два года и, съ согласіемъ матушки, вступилъ потомъ въ П^{***} пѣхотный полкъ. П^{***} пѣхотный полкъ былъ совсѣмъ не такого сорта, къ какому принадлежать многіе пѣхотные полки: несмотря на то, что онъ большею частію стоялъ по деревнямъ, онъ былъ на такой ногѣ, что не уступалъ инымъ и кавалерійскимъ. Большая часть офицеровъ пила

выморозки и умѣла таскать жидовъ за пейсики не хуже гусаровъ; нѣсколько человекъ даже танцевали мазурку, и полковникъ П*** полка никогда не упускалъ случая замѣтить объ этомъ, разговаривая съ кѣмъ-нибудь въ обществѣ. «У меня-съ» говорилъ онъ обыкновенно, трепая себя по брюху послѣ каждаго слова: «многіе пляшутъ-съ мазурку; весьма многіе-съ, очень многіе-съ». Чтобы еще болѣе показать читателямъ образованность П*** пѣхотнаго полка, мы прибавимъ, что двое изъ офицеровъ были страшные игроки въ банкъ, и проигрывали мундиръ, фуражку, шинель, темлякъ и даже исподнее платье, чего не вездѣ и между кавалеристами можно сыскать. Обхожденіе съ такими товарищами однако же ни чуть не уменьшило робости Ивана Федоровича; и такъ-какъ онъ не пилъ выморозокъ, предпочитая имъ рюмку водки предъ обѣдомъ и ужиномъ, не танцевалъ мазурки и не игралъ въ банкъ, то, естественно, долженъ былъ всегда оставаться одинъ. Такимъ образомъ, когда другіе разъѣзжали на обывательскихъ по мелкимъ помѣщикамъ, онъ, сидя въ своей квартирѣ, упражнялся въ занятіяхъ, сродныхъ одной кроткой и доброй душѣ: то чистилъ пуговицы, то

читалъ гадательную книгу, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели. Зато не было никого исправителе Ивана Федоровича въ полку, и взводомъ своимъ онъ такъ командовалъ, что ротный командиръ всегда ставилъ его въ образецъ. Зато въ скоромъ времени, спустя одиннадцать лѣтъ послѣ полученія прапорщичьяго чина, произведенъ онъ былъ въ подпоручики. Въ продолженіе этого времени онъ получилъ извѣстіе, что матушка скончалась; а тетушка, родная сестра матушки, которую онъ зналъ только потому, что она привозила ему въ дѣтствѣ, и посылала даже въ Гадячъ, сушенныя груши и дѣланныя ею-самою превкусныя пряники (съ матушкой она была въ ссорѣ и потому Иванъ Федоровичъ послѣ не видалъ ея). Эта тетушка, по своему добродушію, взялась управлять небольшимъ его имѣніемъ; о чемъ извѣстила его въ свое время письмомъ. Иванъ Федоровичъ, будучи совершенно увѣренъ въ благоразуміи тетушки, началъ по-прежнему исполнять свою службу. Иной на его мѣстѣ, получивши такой чинъ, возгордился бы; но гордость совершенно была ему неизвѣстна, и сдѣлавшись поручикомъ, онъ былъ

тотъ же самый Иванъ Федоровичъ, какимъ былъ некогда въ прапорщичьемъ чинѣ. Пробывъ четыре года послѣ этого замѣчательнаго для него событія, онъ готовился выступить вмѣстѣ съ полкомъ изъ Могилевской губерніи въ Великороссію, какъ получилъ письмо такого содержанія:

Любезный племянникъ,

Иванъ Федоровичъ!

Посылаю тебѣ бѣлье: пять паръ нитяныхъ карпетокъ и четыре рубашки тонкаго холста; да еще хочу поговорить съ тобою о дѣлѣ: такъ-какъ ты уже имѣешь чинъ немало-важный, что, думаю, тебѣ известно, и пришелъ въ такіа дѣла, что пора и хозяйствомъ позаняться, то въ воинской службѣ тебѣ незначѣмъ болѣе служить. Я уже стара и не могу всего присмотрѣть въ твоёмъ хозяйствѣ; да и дѣйствительно многое притомъ имѣю тебѣ открыть лично. Пріѣзжай, Ванюша; въ ожиданіи подлиннаго удовольствія тебя видѣть, остаюсь многолюбящая твоя тетка

Василиса Цупчевьска.

Чудная въ огородѣ у насъ выросла рѣпа: больше похожа на картофель, чѣмъ на рѣпу.

Черезъ недѣлю послѣ полученія этого письма, Иванъ Федоровичъ написалъ такой отвѣтъ:

Милостивая государыня, тетушка,

Василиса Кашпоровна!

Много благодарю васъ за присылку бѣлья. Особенно карпетки у меня очень старыя, что даже деньщикъ што-

палъ ихъ четыре раза, и очень отъ того стали узкія. На-счетъ вашего мнѣнія о моей службѣ, я совершенно согла-сенъ съ вами, и третьяго дня подалъ отставку. А какъ только получу увольненіе, то найму извозчика. Преступленіе вашей комиссіи, на-счетъ сѣмянъ пшеницы сибирской арнаутки, не могъ исполнить: во всей Могилевской губер-ніи нѣтъ такой. Свиней же здѣсь кормятъ большею частію брагой, подмѣшивая немного вынгравашагося пива.

Съ совершеннымъ почтеніемъ, милостивая государыня тетушка, пребываю племянникомъ

Иваномъ Шпономъ.

Наконецъ Иванъ Федоровичъ получилъ отстав-ку съ чиномъ поручика, нанялъ за сорокъ руб-лей жидка отъ Могилева до Гадяча и сѣлъ въ кибитку въ то самое время, когда деревья одѣ-лись молодыми, еще рѣдкими листьями, вся земля ярко зазеленѣла свѣжею зеленью и по всему полю пахло весною.

II.

ДОРОГА.

Въ дорогѣ ничего не случилось слишкомъ замѣчательнаго. Ъхали съ небольшимъ двѣ недѣли. Можетъ-быть еще и этого скорѣе пріѣхалъ бы Иванъ Федоровичъ, но набожный жидъ шабашовалъ по субботамъ, и, накрывшись своєю попоной, молился весь день. Впрочемъ Иванъ Федоровичъ, какъ уже имѣлъ я случай замѣтить

прежде, былъ такой человекъ, который не допускалъ къ себѣ скуки. Въ то время развязывалъ онъ чемоданъ, вынималъ бѣлье, разсматривалъ его хорошенько: такъ ли вымыто, такъ ли сложено; снималъ осторожно пушокъ съ новаго мундира, сшитаго уже безъ погончиковъ, и снова все это укладывалъ наилучшимъ образомъ. Книгъ онъ, вообще сказать, не любилъ читать; а если заглядывалъ иногда въ гадательную книгу, такъ это потому, что любилъ встрѣчать тамъ знакомое, читанное уже нѣсколько разъ. Такъ городской житель отправляется каждый день въ клубъ, не для того, чтобы услышать тамъ что-нибудь новое, но чтобы встрѣтить тѣхъ пріятелей, съ которыми онъ уже съ незапамятныхъ временъ привыкъ болтать въ клубъ. Такъ чиновникъ съ большимъ наслажденіемъ читаетъ адресъ-календарь по нѣскольку разъ въ день, не для какихъ-нибудь дипломатическихъ затѣй, но его тѣшитъ до крайности печатная роспись именъ. «А! Иванъ Гавриловичъ такой-то!» повторяетъ онъ глухо про-себя. «А! вотъ и я! гм!...» и на слѣдующій разъ снова перечитываетъ его съ тѣми же восклицаніями.

Послѣ двухъ-недѣльной ѣзды, Иванъ Федоро-

вичь достигнулъ дереvушки, находившейся во ста верстахъ отъ Гадяча. Это было въ пятницу. Солнце давно уже зашло, когда онъ въѣхалъ съ кибиткою и съ жидомъ на постоялый дворъ. Этотъ постоялый дворъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, выстроенныхъ по небольшимъ дереvушкамъ. Въ нихъ обыкновенно съ большимъ усердіемъ потчуютъ путешественника съномъ и овсомъ, какъ-будто бы онъ былъ почтовая лошадь. Но если бы онъ захотѣлъ позавтракать, какъ обыкновенно завтракаютъ порядочные люди, то сохранилъ бы въ ненарушимости свой аппетитъ до другаго случая. Иванъ Ѳедоровичъ, зная все это, заблаговременно запасся двумя вязками бубликовъ и колбасою, и спросивши рюмку водки, въ которой не бываетъ недостатка ни на одномъ постояломъ дворѣ, началъ свой ужинъ, усѣвшись на лавкѣ передъ дубовымъ столомъ, неподвижно вкопаннымъ въ глиняный полъ. Въ продолженіе этого времени послышался стукъ брички. Ворота заскрыпѣли; но бричка долго не въѣзжала на дворъ. Громкій голосъ бранился со старухою, содержавшею трактиръ. «Я въѣду» услышалъ Иванъ Ѳедоровичъ: «но если хоть одинъ клопъ укуситъ меня въ твоей хатѣ, то

прибыю, ейбогу прибыю, старая колдунья! и за сьно ничего не дамь!» Минуту спустя дверь отворилась, и вошелъ, или, лучше сказать, влѣзь толстый человекъ въ зеленомъ сюртукъ. Голова его неподвижно покоилась на короткой шеѣ, которая казалась еще толще отъ двухъ-этажнаго подбородка. Казалось, и съ виду онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не ломали никогда головы надъ пустяками, и которыхъ вся жизнь катилась по маслу.

«Желаю здравствовать, милостивый государь!» проговорилъ онъ, увидѣвши Ивана Федоровича.

Иванъ Федоровичъ безмолвно поклонился.

«А позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?» продолжалъ толстый прїезжій.

При такомъ допросѣ Иванъ Федоровичъ невольно поднялся съ мѣста и сталъ въ-вытяжку, что обыкновенно онъ дѣлывалъ, когда спрашивалъ его о чемъ полковникъ. «Отставной поручикъ, Иванъ Федоровъ Шпонька» отвѣчалъ онъ.

«А смѣю ли спросить, въ какія мѣста изволите ѣхать?»

«Въ собственный хуторъ-сь, Вытребенки».

«Вытребенки!» воскликнулъ строгій допрощикъ.

«Позвольте, милостивый государь, позвольте!» говорилъ онъ, подступая къ нему и размахивая руками, какъ-будто бы кто-нибудь его не допускалъ, или онъ продирался сквозь толпу, и приблизившись, принялъ Ивана Федоровича въ объятія и облобызалъ сначала въ правую, потомъ въ лѣвую, и потомъ снова въ правую щеку. Ивану Федоровичу очень понравилось это лобызаніе, потому-что губы его прижали большія щеки незнакомца за мягкія подушки. «Позвольте, милостивый государь, познакомиться!» продолжалъ толстякъ: «я помѣщикъ того же гадячскаго повѣта и вашъ сосѣдь; живу отъ хутора вашего Вытребенки не дальше пяти верстъ, въ селѣ Хортыщѣ; а фамилія моя Григорій Григорьевичъ Сторченко. Непремѣнно, непременно, милостивый государь, и знать васъ не хочу, если не пріѣдете въ-гости въ село Хортыще. Я теперь спѣшу по-надобности... А что это?» проговорилъ онъ кроткимъ голосомъ вошедшему своему жокею, мальчику въ казацкой свиткѣ съ заплатанными локтями, съ недоумѣвающей миною ставившему на столъ узлы и ящики. «Что это? что?» — и голосъ Григорія Григорьевича незамѣтно дѣлался грознѣе и грознѣе. «Развѣ я это сю-

да велѣлъ ставить тебѣ, любезный? развѣ я это сюда говорилъ ставить тебѣ, подлець? Развѣ я не говорилъ тебѣ, напередъ разогрѣть курицу, мошенникъ: пошелъ!» вскрикнулъ онъ, топнувъ ногою. «Постой, рожа! гдѣ погребецъ со штофиками? Иванъ Федоровичъ!» говорилъ онъ, наливая рюмку настойки: «прошу покорно лекарственной!»

«Ейбогу-съ, не могу.... я уже имѣлъ случай....» проговорилъ Иванъ Федоровичъ съ запинкою.

«И слушать не хочу, милостивый государь!» возвысилъ голосъ помѣщикъ: «и слушать не хочу! съ мѣста не сойду, покамѣсть не выкушаете...»

Иванъ Федоровичъ, увидѣвши, что нельзя отказать, не безъ удовольствія выпилъ.

«Это курица, милостивый государь» продолжалъ толстый Григорій Григорьевичъ, разрезывая ее ножомъ въ деревянномъ ящикѣ. «Надобно вамъ сказать, что повариха моя Явдоха иногда любить куликнуть и отъ того часто пересушиваетъ. Эй, хлопче!» тутъ оборотился онъ къ мальчику въ казацкой свиткѣ, принесшему перину и подушки: «постели постель мнѣ на полу посе-

реди хаты! Смотри же, сына повзше наклади подь подушку! да выдерни у бабы изъ мычки клочекъ пеньки заткнуть мнѣ уши на ночь! Надобно вамъ знать, милостивый государь, что я имью обыкновеніе затыкать на ночь уши съ того проклятаго случая, когда въ одной русской корчмѣ залѣзъ мнѣ въ лѣвое ухо тараканъ. Проклятые кацапы, какъ я послѣ узналъ, ѣдятъ даже щи съ тараканами. Невозможно описать, что происходило со мною: въ ухѣ такъ и щеко-четъ, такъ и щекочетъ... ну, хоть на стѣну! Мнѣ помогла уже въ нашихъ мѣстахъ простая старуха; и чѣмъ бы вы думали? просто, зашоп-тываніемъ. Что вы скажите, милостивый госу-дарь, о лекаряхъ? я думаю, что они, просто, морочатъ и дурачатъ насъ: иная старуха въ двадцать разъ лучше знаетъ всѣхъ этихъ ле-карей».

«Дѣйствительно, вы изволите говорить совершенную-съ правду. Иная точно бываетъ...» Тутъ онъ остановился, какъ-бы не прибирая далѣе при-личнаго слова. Не мѣшаетъ здѣсь и мнѣ сказать, что онъ вообще не былъ щедръ на слова. Мо-жетъ-быть, это происходило отъ робости, а мо-жетъ, и отъ желанія выразиться красивѣе.

«Хорошенько, хорошенько перетряси сѣно!» говорилъ Григорій Григорьевичъ своему лакею: «тутъ сѣно такое гадкое, что, того и гляди, какъ-нибудь попадетъ сучокъ. Позвольте, милостивый государь, пожелать спокойной ночи! Завтра уже не увидимся: я выезжаю до зари. Вашъ жидъ будетъ шабашевать, потому-что завтра суббота, такъ вамъ нечего и вставать рано. Не забудьте же моей просьбы: и знать васъ не хочу, когда не прїѣдете въ село Хортыще».

Тутъ камердинеръ Григорья Григорьевича стащилъ съ него сюртукъ и сапоги, натянувъ на него вмѣсто того халатъ; а Григорій Григорьевичъ повалился на постель, и казалось, огромная перина легла на другую. «Эй, хлопче! куда же ты, подлець? поди сюда, поправь мнѣ одѣяло! Эй, хлопче, подмости подъ голову сѣна! Да что, коней уже напоили? Еще сѣна! сюда, подъ этотъ бокъ! да поправь, подлець, хорошенько одѣяло! Вотъ такъ, еще! охъ!..» Тутъ Григорій Григорьевичъ еще вздохнулъ раза два и пустилъ страшный носовой свистъ по всей комнатѣ, взхрапывая по временамъ такъ, что дремавшая на лежанкѣ старуха, пробудившись, вдругъ смотрѣла въ оба гла-

за на всѣ стороны, но, не видя ничего, успокоивалась и засыпала снова.

На другой день, когда проснулся Иванъ Федоровичъ, толстаго помѣщика уже не было. Это было одно только замѣчательное происшествіе, случившееся съ нимъ на дорогѣ. На третій день послѣ того, приближался онъ къ своему хуторку. Тутъ почувствовалъ онъ, что сердце въ немъ сильно забилося, когда выглянула, махая крыльями, вѣтряная мельница и когда, по мѣрѣ того, какъ жидъ гналъ своихъ клячъ на гору, показывался внизу рядъ вербъ. Живо и ярко блеснула сквозь нихъ прудъ и дышала свѣжестью. Здѣсь когда-то онъ купался; въ этомъ самомъ прудѣ онъ когда-то съ ребятишками брелъ по шею въ водѣ за раками. Кибитка взѣхала на греблю, и Иванъ Федоровичъ увидѣлъ тотъ же самый старинный домикъ, покрытый очеретомъ, тѣ же самыя яблони и черешни, въ которыхъ онъ когда-то украдкою лазилъ. Только-что вѣхалъ онъ во дворъ, какъ сбѣжали со всѣхъ сторонъ собаки всѣхъ сортовъ: бурья, черныя, сѣрыя, пѣгія. Нѣкоторыя съ лаемъ кидались подъ ноги лошадамъ, другія бѣжали сзади, замѣтивъ, что ось вымазана саломъ; одна, стоя

возль кухни и накрывъ лапою кость, заливалась во все горло; другая лаяла издали и бѣгала взадъ и впередъ, помахивая хвостомъ и какъ-бы приговаривая: «посмотрите, люди крещеные, какой я молодой человекъ!» Мальчишки, въ запачканныхъ рубашкахъ, бѣжали глядѣть. Свинья, прохаживавшаяся по двору съ шестнадцатью поросятами, подняла вверхъ съ испытующимъ видомъ свое рыло и хрюкала громче обыкновеннаго. На дворѣ лежало на землѣ множество ряденъ съ пшеницею, просомъ и ячменемъ, сушившимися на солнцѣ. На крышѣ тоже не мало сушилось разнаго рода травъ: петровыхъ батоговъ, нечуй-вѣтера, и другихъ. Иванъ Федоровичъ такъ былъ занятъ разсматриваніемъ этого, что очнулся тогда только, когда пѣгая собака укусила слѣзавшаго съ козелъ жида за икру. Сбѣжавшая дворня, состоявшая изъ поварихи, одной бабы и двухъ дѣвокъ въ шерстяныхъ исподницахъ, послѣ первыхъ восклицаній: «*та сежъ панычъ нашъ!*» объявила, что тетушка садила въ огородъ пшеничку, вмѣстѣ съ дѣвкою Палашкою и кучеромъ Омелькомъ, исправлявшимъ часто должность огородника и сторожа. Но тетушка, которая еще издали завидѣла рогожную кибит-

ку, была уже здѣсь. И Иванъ Федоровичъ изумился, когда она почти подняла его на рукахъ, какъ-бы не доверяя, та ли это тетушка, которая писала къ нему о своей дряхлости и болѣзни.

=

III.

ТЕТУШКА.

Тетушка Василиса Кашпаровна въ это время имѣла лѣтъ около пятидесяти. Замужемъ она никогда не была, и обыкновенно говорила, что жизнь дѣвическая для нея дороже всего. Впрочемъ, сколько мнѣ помнится, никто и не сваталъ ее. Это происходило оттого, что всѣ мужчины чувствовали при ней какую-то робость и никакъ не имѣли духу сдѣлать ей признаніе.

«Весьма съ большимъ характеромъ Василиса Кашпаровна!» говорили женихи, и были совершенно правы, потому-что Василиса Кашпаровна хотъ кого умѣла сдѣлать тише травы, Пьянцу мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она, собственною своею мужественною рукою дергала каждый день за чубъ, безъ всякаго посторонняго средства, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человекомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый по буднямъ капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлаго Воскресенья и своихъ именинъ, тогда-какъ ей болѣе всего шли бы драгунскіе усы и длинныя ботфорты. Зато занятія ея совершенно соотвѣтствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, гребя весломъ искуснѣе всякаго рыбакова; стрѣляла дичь; стояла неотлучно надъ косарями; знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ; брала пошлину по пяти копеекъ съ воза, провѣзжавшаго черезъ ея греблю; влѣзала на дерево и трясла груши; была лѣнивыхъ вассаловъ своею страш-

ною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квась, варила медовое варенье и хлопотала во весь день и вездѣ поспѣвала. Слѣдствіемъ этого было то, что маленькое имѣніе Ивана Федоровича, состоявшее изъ осьмнадцати душъ по последней ревизіи, процвѣтало въ полномъ смыслѣ слова. Къ-тому жъ она слишкомъ горячо любила своего племянника и тщательно собирала для него копейку. По пріѣздѣ домой, жизнь Ивана Федоровича рѣшительно измѣнилась и пошла совершенно другою дорогою. Казалось, натура именно создала его для управленія осьмнадцати-душнымъ имѣніемъ. Сама тетушка замѣтила, что онъ будетъ хорошимъ хозяиномъ, хотя впрочемъ не во всѣ еще отрасли хозяйства позволяла ему вмѣшиваться. *«Воно ще молода дитина!»* обыкновенно она говаривала, несмотря на то, что Ивану Федоровичу было безъ малаго сорокъ лѣтъ: *«гдѣ ему все знать!»* Однако жъ онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслаждение неизъяснимое его кроткой душѣ. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ

кось; шумъ падающей стройными рядами травы; изрѣдка заливающіяся пѣсни жницъ, то веселыя, какъ встрѣча гостей, то заунывыя, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ, и что за вечеръ! какъ волежь и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣеть, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи насѣкомыхъ, отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полно, то тамъ, то тамъ, раскладываются огни и ставятъ котлы, и вокругъ котловъ садятся усатыя косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрбуютъ... Трудно рассказать, что дѣлалось тогда съ Иваномъ Федоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединялся къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ недвижимо на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку, или считая концы нажатого хлѣба, унизавшія полѣ.

Въ непродолжительномъ времени объ Иванъ Федоровичъ вездѣ пошли рѣчи, какъ о великомъ хозяинѣ. Тетушка не могла нарадоваться своимъ племянникомъ, и никогда не упускала случая имъ

похвастаться. Въ одинъ день, это было уже по окончаніи жатвы и именно въ концѣ іюля, Василиса Кашпаровна, взявши Ивана Ѳедоровича съ таинственнымъ видомъ за руку, сказала, что она теперь хочетъ поговорить съ нимъ о дѣлѣ, которое съ давнихъ поръ уже ее занимаетъ.

«Тебѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ» такъ она начала: «известно, что въ твоёмъ хуторѣ осьмнадцать душъ, впрочемъ это по ревизіи, а безъ того, можетъ, наберется больше, можетъ, будетъ до двадцати-четырёхъ. Но не объ этомъ дѣло: ты знаешь тотъ лѣсокъ, что за нашею левадою, и вѣрно знаешь за тѣмъ же лѣсомъ широкій лугъ: въ немъ двадцать безъ малаго десятинъ; а травы столько, что можно каждый годъ продавать больше чѣмъ на сто рублей, особенно, если, какъ говорятъ, въ Гадячѣ будетъ конный полкъ».

«Какъ же-съ, тетушка, знаю: трава очень хорошая».

«Это я сама знаю, что очень хорошая; но знаешь ли ты, что вся эта земля, по-настоящему, твоя? Что жъ ты такъ выпучилъ глаза? Слушай, Иванъ Ѳедоровичъ! Ты помнишь Степана Кузьмича? Что̀ я говорю, поминишь! ты тогда былъ

такимъ маленькимъ, что не могъ выговорить даже его имени; куда жъ! Я помню, когда пришла на самое пущенье, передъ Филиповкою, и взяла-было тебя на руки, ты чуть не испортилъ мнѣ всего платья; къ-счастью, что успѣла передать тебя мамкѣ Матренѣ; такой ты тогда былъ гадкѣй!... Но не объ этомъ дѣло: вся земля, которая за нашимъ хуторомъ, и самое село Хортыще, было Степана Кузьмича. Онъ, надобно тебѣ объявить, еще тебя не было на свѣтъ, какъ началъ ѣздить къ твоей матушкѣ; правда, въ такое время, когда отца твоего не бывало дома; но я, однакожъ, это не въ укоръ ей говорю; упокой Господи ея душу! хотя покойница была всегда неправа противъ меня. Но не объ этомъ дѣло: какъ бы то ни было, только Степанъ Кузьмичъ сдѣлалъ тебѣ дарственную записку на то самое имѣніе, о которомъ я тебѣ говорила. Но покойница, твоя матушка, между нами будь сказано, была пречуднаго нрава. Самъ чортъ (Господи, прости меня за это гадкое слово!) не могъ бы понять ее. Куда она дѣла эту записку — одинъ Богъ знаетъ. Я думаю, просто, что она въ рукахъ этого стараго холостяка Григорія Григорьевича Сторченка. Этой пузатой

шельмъ, досталось все имѣніе. Я готова ставить, Богъ знаетъ что, если онъ не утаилъ записи».

«Позвольте-съ доложить, тетушка: не тотъ ли это Сторченко, съ которымъ я познакомился на станціи?» Тутъ Иванъ Федоровичъ разсказалъ про свою встрѣчу.

«Кто его знаетъ!» отвѣчала, немного подумавъ, тетушка: «можетъ-быть, онъ и не негодай. Правда, онъ всего только полгода какъ переѣхалъ къ намъ жить; въ такое время человѣка не узнаешь. Старуха-то, матушка его, я слышала, очень разумная женщина, и говорятъ, большая мастерица солить огурцы; ковры собственныя дѣвки ея умѣютъ отлично хорошо выдѣлывать. Но такъ-какъ ты говоришь, что онъ тебя хорошо принялъ, поѣзжай къ нему: можетъ-быть, старый грѣшникъ послушается совѣсти и отдастъ, что принадлежитъ не ему. Пожалуй, можешь повхатъ и въ бричку, только проклятая дитвора повыдергала сзади всѣ гвозди; нужно будетъ сказать кучеру Омелькѣ, чтобы прибиль вездѣ получше кожу».

«Для чего, тетушка? я возьму повозку, въ которой вы ѣздите иногда стрѣлять дичь».

Этимъ кончился разговоръ.

=

IV.

ОБѢДЪ.

Въ обеденную пору Иванъ Федоровичъ въѣхалъ въ село Хортыще, и немного оробѣлъ, когда сталъ приближаться къ господскому дому. Домъ этотъ былъ длинный и не подь очеретяною, какъ у многихъ окружныхъ помещиковъ, но подь деревянною крышею. Два амбара на дворе то же подь деревянною крышею; ворота дубовыя. Иванъ Федоровичъ похожъ былъ на то-

го Франта, который, захавъ на балъ, видитъ всѣхъ, куда ни оглянется, одѣтыхъ щеголеватѣе его. Изъ почтенія онъ остановилъ свой возокъ возлѣ амбара и подошелъ пѣшкомъ къ крыльцу.

«А! Иванъ Ѳедоровичъ!» закричалъ толстый Григорій Григорьевичъ, ходившій по двору въ сюртукъ, но безъ галстука, жилета и подтяжекъ; однако жъ и этотъ нарядъ, казалось, обременялъ его тучную ширину, потому-что потъ катился съ него градомъ. «Что жъ вы говорили, что сейчасъ, какъ-только увидите съ тетушкой, прѣдете, 'да и не прѣехали?» Послѣ этихъ словъ, губы Ивана Ѳедоровича встрѣтили тѣ же самыя знакомыя подушки.

«Большею частію по хозяйству... Я-съ прѣехалъ къ вамъ на минутку, собственно по-дѣлу...»

«На минутку? вотъ этого-то не будетъ. Эй, хлопче!» закричалъ толстый хозяинъ, и тотъ же самый мальчикъ въ казацкой свиткѣ выбѣжалъ изъ кухни. «Скажи Касьяну, чтобы ворота сейчасъ заперъ, слышишь, заперъ крѣпче! а коней вотъ этого пана, распрегъ бы сію минуту. Прошу въ комнату; здѣсь такая жара, что у меня вся рубашка мокра».

Иванъ Ѳедоровичъ, вошедши въ комнату, рѣ-

шилса не терять напрасно времени и, несмотря на свою робость, наступать рѣшительно.

«Тетушка имѣла честь... сказывала мнѣ, что дарственная запись покойнаго Степана Кузьмича...»

Трудно изобразить, какую непріятную мину сдѣлало при этихъ словахъ обширное лицо Григорія Григорьевича. «Ейбогу, ничего не слышу!» отвѣчалъ онъ: «надобно вамъ сказать, что у меня въ лѣвомъ ухѣ сидѣлъ тараканъ; въ русскихъ избахъ проклятыя кацаны вездѣ поразводили таракановъ. Невозможно описать никакимъ перомъ, что за мученіе было; такъ вотъ и щекочетъ, такъ и щекочетъ. Мнѣ помогла уже одна старуха самымъ простымъ средствомъ...»

«Я хотѣлъ сказать...» осмѣлился прервать Иванъ Федоровичъ, видя, что Григорій Григорьевичъ съ умысломъ хочетъ поворотить рѣчь на другое, «что въ завѣщаніи покойнаго Степана Кузьмича упоминается, такъ сказать, о дарственной записи... по ней слѣдуетъ мнѣ...»

«Я знаю, это вамъ тетушка успѣла наговорить. Это ложь, ейбогу, ложь! Никакой дарственной записи дядюшка не дѣлалъ. Хотя, правда, въ завѣщаніи и упоминается о какой-то

записи; но гдѣ же она? никто не представилъ ее. Я вамъ это говорю потому, что искренно желаю вамъ добра; ейбогу это ложь!»

Иванъ Федоровичъ замолчалъ, разсуждая, что, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ тетущкѣ такъ только показалось.

«А вотъ идетъ сюда матушка съ сѣстрами!» сказалъ Григорій Григорьевичъ: «слѣдовательно обѣдъ готовъ; пойдете!» Тутъ онъ потащилъ Ивана Федоровича за руку въ комнату, въ которой стояли на столѣ водка и закуска.

Въ то самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейникъ въ чепчикѣ, съ двумя барышнями — блонкурой и черноволосой. Иванъ Федоровичъ, какъ воспитанный кавалеръ, подошелъ сначала къ старушкиной ручкѣ, а послѣ къ ручкамъ обѣихъ барышень.

«Это, матушка, нашъ сосѣдъ; Иванъ Федоровичъ Шпонька!» сказалъ Григорій Григорьевичъ.

Старушка смотрѣла пристально на Ивана Федоровича, или, можетъ-быть, только казалась смотрящею. Впрочемъ, это была совершенная доброта; казалось, она такъ и хотѣла спросить Ивана Федоровича: «сколько вы на зиму насаливаете огурцовъ?»

«Вы водку пили?» спросила старушка.

«Вы, матушка, вѣрно, не выспались» сказалъ Григорій Григорьевичъ: «кто жъ спрашиваетъ гостя, пилъ ли онъ? Вы потчуйте только; а пили ли мы, или нѣтъ, наше дѣло. Иванъ Федоровичъ! прошу, золототысячникомой, или трохимовской сивушки, какую вы лучше любите? Иванъ Ивановичъ, а ты что стоишь?» произнесъ Григорій Григорьевичъ, оборотившись назадъ, и Иванъ Федоровичъ увидѣлъ подходившаго къ водкѣ Ивана Ивановича, въ долгополомъ сюртукѣ съ огромнымъ стоячимъ воротникомъ, закрывавшимъ весь его затылокъ, такъ-что голова его сидѣла въ воротникѣ, какъ будто въ бричкѣ. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ водкѣ, потеръ руки, рассмотрѣлъ хорошенько рюмку, налилъ, поднесъ къ свѣту, вылилъ разомъ изъ рюмки всю водку въ ротъ, но не проглатывая, пополоускалъ ею хорошенько во рту, послѣ чего уже проглотилъ, и, закусивши хлѣбомъ съ соевыми овѣнками, оборотился къ Ивану Федоровичу.

«Не съ Иваномъ ли Федоровичемъ, господиномъ Шнонькою имѣю честь говорить?»

«Такъ точно-съ» отвѣчалъ Иванъ Федоровичъ.

«Очень много изволили перебраться съ того времени, какъ я васъ знаю. Какъ же» продолжалъ Иванъ Ивановичъ: «я еще помню васъ вотъ этакими!» При этомъ поднялъ онъ ладонь на аршинъ отъ пола. «Покойный батюшка вашъ, дай Боже ему царствіе небесное, рѣдкій былъ человекъ. Арбузы и дыни всегда бывали у него такіе, какихъ теперь нигдѣ не найдете. Вотъ хоть бы и тутъ» продолжалъ онъ, отводя его въ сторону: «подадутъ вамъ за столомъ дыни. Что за дыни? смотреть не хочется! Вѣрите ли, милостивый государь, что у него были арбузы» произнесъ онъ съ таинственнымъ видомъ, разставляя руки, какъ-будто бы хотѣлъ обхватить толстое дерево: «ейбогу, вотъ какіе!»

«Пойдемте за столъ!» сказалъ Григорій Григорьевичъ, взявши Ивана Ѳедоровича за руку. Григорій Григорьевичъ сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ, въ концѣ стола, завѣсившись огромною салфеткою и походя въ этомъ видѣ на тѣхъ героевъ, которыхъ рисуютъ цырюльщики на своихъ вывѣскахъ. Иванъ Ѳедоровичъ, краснѣя, сѣлъ на указанное ему мѣсто противъ двухъ барышень; а Иванъ Ивановичъ не преминулъ по-

меститься возле него, радуясь душевно, что будет кому сообщать свои познанія.

«Вы напрасно взяли куприкъ, Иванъ Федоровичъ! это индѣйка!» сказала старушка, обратившись къ Ивану Федоровичу, которому въ это время поднесъ блюдо деревенскій официантъ въ сѣромъ фракѣ съ черною заплатою. «Возьмите спинку!»

«Матушка! вѣдь васъ никто не просить мѣшаться!» произнесъ Григорій Григорьевичъ: «будьте увѣрены, что гость самъ знаетъ, что ему взять! Иванъ Федоровичъ! возьмите крыльшико, вонъ, другое, съ пупкомъ! Да что жъ вы такъ мало взяли? возьмите стегнушко! Ты что разинулъ ротъ съ блюдомъ? проси! становись, подлець, на колѣна! говори сейчасъ: Иванъ Федоровичъ, возьмите стегнушко!»

«Иванъ Федоровичъ, возьмите стегнушко!» проревѣлъ, ставъ на колѣна, официантъ съ блюдомъ.

«Гм! что это за индѣйки!» сказалъ въ полголоса Иванъ Ивановичъ съ видомъ пренебреженія, оборотившись къ своему сосѣду: «такія ли должны быть индѣйки! Если бы вы увидѣли у меня индѣекъ! Я васъ увѣряю, что жиру въ томъ 1.

одной больше, чѣмъ въ десяткѣ такихъ, какъ эти. Вѣрите ли, государь мой, что даже противно смотреть, когда ходятъ онѣ у меня по двору, такъ жирны!...»

«Иванъ Ивановичъ, ты лжешь!» произнесъ Григорій Григорьевичъ, вслушавшись въ его рѣчь.

«Я вамъ скажу» продолжалъ все также своему сосѣду Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто-бы онъ не слышалъ словъ Григорья Григорьевича: «что прошлый годъ, когда я отправлялъ ихъ въ Гадячъ, давали по пятидесяти копеекъ за штуку, и то еще не хотѣлъ брать».

«Иванъ Ивановичъ! я тебѣ говорю, что ты лжешь!» произнесъ Григорій Григорьевичъ, для лучшей ясности, по складамъ, и громче прежняго.

Но Иванъ Ивановичъ, показывая видъ, будто это совершенно относилось не къ нему, продолжалъ также, но только гораздо тише: «именно, государь мой, не хотѣлъ брать. Въ Гадячъ ни у одного помѣщика...»

«Иванъ Ивановичъ! вѣдь ты глупъ и больше ничего» громко сказалъ Григорій Григорьевичъ.

«Вѣдь Иванъ Федоровичъ знаетъ все это лучше тебя и, вѣрно, не поверитъ тебѣ».

Тутъ Иванъ Ивановичъ совершенно обидѣлся, замолчалъ и принялся убирать иудѣйку, несмотря на то, что она не такъ была жирна, какъ тѣ, на которыя противно смотреть.

Стукъ ножей, ложекъ и тарелокъ замѣнилъ на-время разговоръ; но громче всего слышалось высмактываніе Григорьемъ Григорьевичемъ мозгу изъ бараньей кости.

«Читали ли вы» спросилъ Иванъ Ивановичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, высовывая голову изъ своей брочки къ Ивану Федоровичу: «книгу: Путешествіе Коробейникова ко святымъ мѣстамъ? Истинное услажденіе души и сердца! Теперь такихъ книгъ не печатають. Очень сожалительно, что не посмотрѣлъ, котораго году».

Иванъ Федоровичъ, услышавши, что дѣло идетъ о книгѣ, прилежно началъ набирать себѣ соусу.

«Истинно удивительно, государь мой, какъ подумаешь, что простой мѣщанинъ прошелъ всѣ мѣста эти: болѣе трехъ тысячъ верстъ, государь мой! болѣе трехъ тысячъ верстъ! Подлинно его самъ Господь сподобилъ побывать въ Палестинѣ и Иерусалимѣ».

«Такъ вы говорите, что онъ» сказалъ Иванъ Федоровичъ, который много наслышался о Иерусалимѣ еще отъ своего деньщика: «былъ и въ Иерусалимъ!...»

«О чемъ вы говорите, Иванъ Федоровичъ?» произнесъ съ конца стола Григорій Григорьевичъ.

«Я, то есть, имѣлъ случай замѣтить, что какія есть на свѣтѣ далекія страны!» сказалъ Иванъ Федоровичъ, будучи сердечно доволенъ тѣмъ, что выговорилъ столь длинную и трудную фразу.

«Не вѣрьте ему, Иванъ Федоровичъ!» сказалъ Григорій Григорьевичъ, не вслушавшись хорошенько: «все вретъ!»

Между-тѣмъ обѣдъ кончился. Григорій Григорьевичъ отправился въ свою комнату, по обыкновенію, цемножко всхрапнуть; а гости пошли вслѣдъ за старушкою-хозяйкою и барышнями въ гостиную, гдѣ тотъ самый столъ, на которомъ оставили они, выходя обѣдать, водку, какъ бы превращеніемъ какимъ, покрылся блюдечками съ вареньемъ разныхъ сортовъ и блюдами съ арбузами, вишнями и дынями. Отсутствіе Григорія Григорьевича замѣтно было во всемъ: хозяйка сдѣлалась словоохотнѣе и открывала сама,

безъ просьбы, множество секретовъ на-счетъ дѣланія постилы и сушенія грушъ. Даже барышни стали говорить; но бѣлокурая, которая казалась моложе шестью годами своей сестры и которой по виду было около двадцати-пяти лѣтъ, была молчаливѣе. Но болѣе всѣхъ говорилъ и дѣйствовалъ Иванъ Ивановичъ. Будучи увѣренъ, что его теперь никто не собьетъ и не смѣшаетъ, онъ говорилъ и объ огурцахъ и о посѣвѣ картофеля, и о томъ, какіе въ старину были разумные люди, куда противъ теперешнихъ! и о томъ, какъ все, чѣмъ далѣе, умнѣетъ и доходить къ выдумыванію мудрѣйшихъ вещей. Словомъ, это былъ одинъ изъ числа тѣхъ людей, которые съ величайшимъ удовольствіемъ любятъ позаняться услаждающимъ душу разговоромъ, и будутъ говорить обо всемъ, о чемъ только можно говорить. Если разговоръ касался важныхъ и благочестивыхъ предметовъ, то Иванъ Ивановичъ вздыхалъ послѣ каждаго слова, кивая слегка головою; ежели до хозяйственныхъ, то высывалъ голову изъ своей брочки и дѣлалъ такія мины, глядя на которыя, кажется, можно было прочесть, какъ нужно дѣлать грушевый квасъ, какъ велики тѣ дыни, о которыхъ онъ

говорилъ, и какъ жирны ть гуси, которые бѣгають у него по двору. Наконецъ съ великимъ трудомъ, уже ввечеру, удалось Ивану Федоровичу распрощаться, и несмотря на свою сговорчивость, и на тѣ, что его насильно оставляли ночевать, онъ устоялъ-таки въ своемъ намѣреніи ѣхать, — и уѣхалъ.

==

V.

НОВЫЙ ЗАМЫСЕЛЪ ТЕТУШКИ.

«Ну, что, выманить у стараго лиходѣя записи?» Такимъ вопросомъ встрѣтила Ивана Федоровича тетушка, которая съ нетерпѣнiемъ дожидалась его уже нѣсколько часовъ на крыльцѣ и не вытерпѣла наконецъ, чтобы не выбѣжать за ворота.

«Нѣтъ, тетушка!» сказалъ Иванъ Федоровичъ, слезая съ повозки: «у Григорiя Григорьевича нѣтъ никакой записи».

«И ты поверилъ ему? Врётъ онъ, проклятый! Когда-нибудь попаду, право поколочу его собственными руками. О, я ему поспущу жиру! Впрочемъ, нужно напередъ поговорить съ нашимъ подсудкомъ, нельзя ли судомъ съ него стребовать... Но не объ этомъ теперь дѣло: ну, что жъ, объѣдъ былъ хорошій?»

«Очень... да, весьма, тетушка».

«Ну, какія жъ были кушанья? расскажи. Старуха-то, я знаю, мастерца присматривать за кухней».

«Сырники были со сметаною, тетушка. Соусъ съ голубями, начиненными...»

«А индѣйка со сливами была?» спросила тетушка, потому-что сама была большая искусница готовить это блюдо.

«Была и индѣйка!... Весьма красивыя барышни, сестрицы Григорья Григорьевича, особенно бѣлокурая!»

«А!» сказала тетушка, и посмотрѣла пристально на Ивана Федоровича, который, покраснѣвъ, потушилъ глаза въ землю. Новая мысль быстро промелькнула въ ея головѣ. «Ну чтожъ?» спросила она съ любопытствомъ и живо: «какія у ней брови?» Не мешаешь замѣтить, что тетушка

всегда поставляла первую красоту женщины въ бровяхъ.

«Брови, тетушка, совершенно-съ такія, какія, вы рассказывали, въ молодости были у васъ. И по всему лицу небольшія веснушки».

«А!» сказала тетушка, будучи довольна замѣчаніемъ Ивана Федоровича, который однакожь не имѣлъ и въ мысляхъ сказать этимъ комплиментъ. «Какое же было на ней платье? хотя впрочемъ теперь трудно найти такихъ плотныхъ матерій, какая, вотъ хоть бы, напримѣръ, у меня на этомъ капотъ. Но не объ этомъ дѣло. Ну, что жъ, ты говорилъ о чемъ-нибудь съ нею?»

«То есть, какъ... я-съ, тетушка? Вы, можетъ-быть, уже думаете...»

«А что жъ, что тутъ диковиннаго? такъ Богу угодно! Можетъ-быть, тебѣ съ нею на роду написано жить парочкою».

«Я не знаю, тетушка, какъ вы можете это говорить; это доказываетъ, что вы совершенно не знаете меня...»

«Ну, вотъ уже и обидѣлся!» сказала тетушка: «*Ще молода дитина!*» подумала она про-себя: «ничего не знаетъ! Нужно ихъ свести вмѣстѣ:

пусть познакомятся!» Тутъ тетушка пошла заглянуть въ кухню и оставила Ивана Федоровича. Но съ этого времени она только и думала о томъ, какъ увидѣть скорѣе своего племянника женатымъ и помянчить маленькихъ внучатъ. Въ головѣ ея громоздились однѣ только приготовленія къ свадьбѣ, и замѣтно было, что она во всѣхъ дѣлахъ суетилась гораздо болѣе, нежели прежде, хотя впрочемъ эти дѣла болѣе шли хуже, нежели лучше. Часто, дѣлая какое-нибудь пирожное, котораго вообще она никогда не довѣряла кухаркѣ, она, позабывшись, и воображая, что возлѣ нея стоитъ маленькій внучекъ, просящій пирога, разсѣянно протягивала къ нему руку съ лучшимъ кускомъ, а дворовая собака, пользуясь этимъ, схватывала лакомый кусокъ и своимъ громкимъ чваканьемъ выводила ее изъ задумчивости, за что и бывала всегда бита кочергою. Даже оставила она любимыя свои занятія и не ѣздила на охоту, особливо когда, вмѣсто куропатки, застрѣлила ворону, чего никогда съ нею не бывало.

Наконецъ, спустя дня четыре послѣ этого, всѣ увидѣли выкаченную изъ сарая на дворъ бричку. Кучеръ Омелько, онъ же и огородникъ

и сторожь, еще съ раннего утра стучалъ молоткомъ и приколачивалъ кожу, отгоняя безпрестанно собакъ, лизавшихъ колеса. Долгомъ почитаю предувѣдомить читателей, что это была именно та самая бричка, въ которой ѣздили еще Адамъ; и потому, если кто будетъ выдавать другую за адамовскую, то это суццая ложь, и бричка непременно поддѣльная. Совершенно не извѣстно, какимъ образомъ спаслась она отъ потопа: должно думать, что въ новомъ ковчегѣ былъ особенный для нея сарай. Жаль очень, что читателямъ нельзя описать живо ея фигуры. Довольно сказать, что Василиса Кашпаровна была очень довольна ея архитектурою, и всегда изъявляла сожалѣнiе, что вывелись изъ моды старинныя экипажи. Самое устройство брички немного на-бокъ, то есть такъ, что правая сторона ея была гораздо выше лѣвой, ей очень нравилось, потому-что съ одной стороны можно, какъ она говорила, въѣзжать малорослый, а съ другой великорослый. Впрочемъ внутри брички могло помѣститься штукъ пять малорослыхъ и трое такихъ, какъ тетушка. Около полудня, Омелько, уравнившись около брички, вывелъ изъ конюшни тройку лошадей немно-

го чѣмъ моложе брички и началъ привязывать ихъ веревкою къ величественному экипажу. Иванъ Федоровичъ и тетушка, одинъ съ лѣвой стороны, другая съ правой, влѣзли въ бричку, и она тронулась. Попадавшіеся на дорогѣ мужики, видя такой богатый экипажъ (тетушка очень рѣдко выѣзжала въ немъ), почтительно останавливались, снимали шапки и кланялись въ-поясъ. Часа черезъ два кибитка остановилась передъ крыльцомъ, думаю, не нужно говорить: предъ крыльцомъ дома Сторченка. Григорія Григорьевича не было дома. Старушка съ барышнями вышла встрѣтить гостей въ столовую. Тетушка подошла величественнымъ шагомъ, съ большою ловкостію отставила одну ногу впередъ, и сказала громко:

«Очень рада, государыня моя, что имѣю честь лично доложить вамъ мое почтеніе; а вмѣстѣ съ рещнекомъ позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше къ племяннику моему, Ивану Федоровичу, который много имъ хвалится. Прекрасная у васъ гречиха, сударыня! я видѣла ее, подѣзжая къ селу. А позвольте узнать, сколько копѣ вы получаете съ десятины?»

Посль этого послѣдовало всеобщее лобызаніе. Когда же усѣлись въ гостиной, то старушка-хозяйка начала:

«Насчетъ гречихи я не могу вамъ сказать: это часть Григорья Григорьевича; я уже давно не занимаюсь этимъ; да и не могу: уже стара! Въ-старину у насъ, бывало, я помню, гречиха была по поясъ, теперь Богъ знаетъ что; хотя впрочемъ и говорятъ, что теперь все лучше». Тутъ старушка вздохнула, и какому-нибудь наблюдателю послышался бы въ этомъ вздохѣ — вздохъ стариннаго осмнадцатаго столѣтія.

«Я слышала, моя государыня, что у васъ собственныя ваши дѣвки отличныя умѣютъ выдѣлывать ковры» сказала Василиса Кашпаровна и этимъ задѣла старушку за самую чувствительную струну. При этихъ словахъ, она какъ-будто оживилась, и рѣчи у нея полилися о томъ, какъ должно красить пряжу, какъ готовить для этого нитку. Съ ковровъ быстро съехаль разговоръ на соленіе огурцовъ и сушеніе грушъ. Словомъ, не прошло часу, какъ обѣ дамы такъ разговорились между собою, будто вѣкъ были знакомы. Василиса Кашпаровна мно-

гое уже начала говорить съ нею такимъ тихимъ голосомъ, что Иванъ Федоровичъ ничего не могъ разслушать.

«Да не угодно ли посмотрѣть?» сказала, вставая, старушка-хозяйка. За нею встали барышни, и Василиса Кашпаровна, и всѣ потянулись къ дѣвичью. Тетушка однакожь дала знакъ Ивану Федоровичу остаться и сказала что-то тихо старушкѣ.

«Машенька!» сказала старушка, обращаясь къ бѣлокурой барышнѣ: «останься съ остемъ, да поговори съ нимъ, чтобы гостю не было скучно!»

Бѣлокурая барышня осталась и сѣла на диванъ. Иванъ Федоровичъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, какъ на иголкахъ, краснѣлъ и потуплялъ глаза; но барышня, казалось, вовсе этого не замѣчала и равнодушно сидѣла на диванѣ, рассматривая прилежно окна и стѣны или слѣдуя глазами за кошкою, трусливо пробѣгавшею подъ стульями.

Иванъ Федоровичъ немного ободрился и хотѣлъ-было начать разговоръ; но казалось, что всѣ слова свои растерялъ онъ на дорогѣ. Ни одна мысль не приходила ему на умъ.

Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла.

Наконецъ Иванъ Федоровичъ собрался съ духомъ: «Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня!» произнесъ онъ полудрожающимъ голосомъ.

«Чрезвычайно много!» отвѣчала барышня. «Братецъ нарочно сдѣлалъ хлопнушку изъ стараго маменькинаго башмака; но все еще очень много».

Тутъ разговоръ опять прекратился, и Иванъ Федоровичъ, на какомъ образомъ уже не находилъ рѣчи.

Наконецъ хозяйка съ тетушкою и чернявою барышнею возвратилась. Поговоривши еще немного, Василиса Кашпаровна распростилась съ старушкою и барышнями, несмотря на всѣ приглашенія остаться почевать. Старушка и барышни вышли на крыльцо проводить гостей и долго еще кланялись тетушкѣ и племяннику, выглядывавшимъ изъ брочки.

«Ну, Иванъ Федоровичъ! о чемъ же вы говорили вдвоемъ съ барышнею?» спросила дорогою тетушка.

«Весьма скромная и благо нравная дѣвица Марья Григорьевна!» сказалъ Иванъ Федоровичъ.

«Слушай, Иванъ Федоровичъ! я хочу погово- рить съ тобою сурьезно. Въдь тебѣ, слава Бо- гу, тридцать осьмой годъ; чинъ ты уже имѣ- ешь хорошій: пора подумать и объ дѣтяхъ! Те- бѣ непременно нужна жена...»

«Какъ, тетушка!» вскричалъ, испугавшись, Иванъ Федоровичъ: «какъ, жена! Нѣтъ-съ, те- тушка, сдѣлайте милость... Вы совершенно въ стыдъ меня приводите.... я еще никогда не былъ женатъ... Я совершенно не знаю, что съ нею дѣлать!»

«Узнаешь, Иванъ Федоровичъ, узнаешь» про- молвила улыбаясь тетушка; и подумала про-се- бя: «куда жъ! ще зовсимъ молода дытына, ни- чего не знаетъ! Да, Иванъ Федоровичъ!» про- должала она вслухъ: «лучшей жены нельзя сы- скать тебѣ, какъ Марья Григорьевна. Тебѣ же она притомъ очень понравилась. Мы уже на- счетъ этого много переговорили съ старухою: она очень рада видѣть тебя своимъ зятемъ; еще неизвѣстно, правда, что скажетъ этотъ грѣхо- дѣй Григорьевичъ; но мы не посмотримъ на не- го, и пусть только онъ вздумаетъ не отдать приданаго, мы его судомъ...» Въ это время броч- ка подъѣхала къ двору и древнія клячи ожили,

чужь близкое стойло. «Слушай, Омелько! конямъ дай прежде отдохнуть хорошенько, а не веди тотчасъ распрегши къ водопою: они лошади горячія. Ну, Иванъ Федоровичъ!» продолжала, вылъзая, тетушка: «я совѣтую тебѣ хорошенько подумать объ этомъ; мнѣ еще нужно забѣжать въ кухню: я позабыла Солохъ заказать ужинъ, а она, негодная, я думаю, сама и не подумала объ этомъ».

Но Иванъ Федоровичъ стоялъ, какъ-будто громомъ оглушенный. Правда, Марья Григорьевна очень недурная барышня; но жениться!... это казалось ему такъ страшно, такъ чудно, что онъ никакъ не могъ подумать безъ страха. Жить съ женою!... непонятно! Онъ не одинъ будетъ въ своей комнатѣ, но ихъ должно быть вездѣ двое!... Потъ проступалъ у него на лицѣ по мѣрѣ того, какъ углублялся онъ въ размышленіе.

Ранѣе обыкновеннаго легъ онъ въ постель, но несмотря на всѣ старанія, никакъ не могъ заснуть. Наконецъ желанный сонъ, этотъ всеобщій успокоитель, посетилъ его; но какой сонъ! еще несвязныя сновидѣнія онъ никогда не выдывалъ: то снилось ему, что вокругъ него все шумить, вертится; а онъ бѣжить, бѣжить, не чув-
томъ 1.

ствуешь подь собою ногъ... вотъ уже выбивается изъ силъ... вдругъ кто-то хватаетъ его за ухо. «Ай! кто это?»—«Это я, твоя жена!» съ шумомъ говорилъ ему какой-то голосъ, — и онъ вдругъ пробуждался. То представлялось ему, что онъ уже женатъ, что все въ домикъ ихъ такъ чудно, такъ странно: въ его комнату стоитъ, вмѣсто одинокой, двойная кровать; на стулѣ сидитъ жена. Ему странно: онъ не знаетъ какъ подойти къ ней, что говорить съ нею, и замѣчаетъ, что у нея гусиное лицо. Нечаянно поворачивается онъ въ-сторону и видитъ другую жену, тоже съ гусинымъ лицомъ. Поворачивается въ другую сторону—стоитъ третья жена; назадъ—еще одна жена. Тутъ его беретъ тоска; онъ бросился бѣжать въ садъ, но въ саду жарко; онъ снялъ шляпу, видитъ: и въ шляпѣ сидитъ жена. Потъ выступилъ у него на лицъ. Ползъ въ карманъ за платкомъ — и въ карманѣ жена; вынулъ изъ уха хлопчатую бумагу — и тамъ сидитъ жена... То вдругъ онъ прыгалъ на одной ногѣ; а тетущка, глядя на него, говорила съ важнымъ видомъ: да, ты долженъ прыгать, потому-что ты теперь женатый человекъ. Онъ къ ней — но тетущка, уже не тетущка, а колокольня. И чув-

ствуешь, что его кто-то тащит веревкою на колокольню. «Кто это тащит меня?» жалобно проговорилъ Иванъ Федоровичъ. «Это я, жена твоя, ташу тебя, потому-что ты колоколь». — «Нѣтъ, я не колоколь, я Иванъ Федоровичъ!» кричалъ онъ. «Да, ты колоколь» говорилъ, проходя мимо, полковникъ П*** пѣхотнаго полка. То вдругъ снилось ему, что жена вовсе не человекъ, а какая-то шерстяная матерія; что онъ въ Могилевѣ приходитъ въ лавку къ купцу. «Какой прикажете матеріи? говоритъ купецъ: «вы возьмите жены, это самая модная матерія! очень добротная! изъ нея всѣ теперь шьютъ себѣ сюртуки». Купецъ мѣрлетъ и рѣжетъ жену. Иванъ Федоровичъ беретъ ее подъ мышку, идетъ къ жиду, портному. «Нѣтъ» говоритъ жидъ: «это дурная матерія! изъ нея никто не шьетъ себѣ сюртука...» Въ страхъ и безпамятствѣ просыпается Иванъ Федоровичъ; холодный потъ льется съ него градомъ.

Какъ только всталъ онъ поутру, тотчасъ обратился къ гадательной книгѣ, въ концѣ которой одинъ добродѣтельный книгопродавецъ, по своей рѣдкой добротѣ и безкорыстію, помѣстилъ сокращенный снотолкователь. Но тамъ совер-

шенно не было ничего, даже хотя немного похожаго на такой безсвязный сонъ.

Между-тѣмъ въ головѣ тетушки созрѣлъ совершенно новый замыселъ, о которомъ узнаете въ слѣдующей главѣ.

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ МЕСТО

ЗАКОЛДОВАННОЕ МѢСТО,

БЫЛЬ,

РАЗСКАЗАННАЯ ДЬЯЧКОМЪ ""СКОЙ ЦЕРКВИ.

Ейбогу, уже надоело рассказывать! да что вы думаете? право скучно: рассказывай, да и рассказывай, и отвязаться нельзя! ну, извольте, я расскажу, только, ей-ей, въ последний разъ. Да, вотъ вы говорили на-счетъ того, что человекъ можетъ совладать, какъ говорятъ, съ нечистымъ духомъ. Оно конечно, то есть, если хорошенько подумать, бываютъ на свѣтъ всякіе слу-

чай... однакожь не говорите этого: захочеть обморочить дьявольская сила, то обморочить; ей-богу обморочить! Вотъ извольте видѣть: насъ всѣхъ у отца было четверо; я тогда былъ еще дурень: всего мнѣ было лѣтъ одиннадцать; такъ нѣтъ же, не одиннадцать: я помню какъ теперь, когда разъ побѣжалъ-было на четверенькахъ и сталъ лаять по-собачьи, батько закричалъ на меня, покачавъ головою: «эй, Оома, Оома! тебя женить пора, а ты дурѣешь, какъ молодой лошакъ!» Дѣдъ былъ еще тогда живъ, и на ноги, пусть ему легко икнется на томъ свѣтѣ, довольно крѣпокъ; бывало вздумаетъ... да что жъ этакъ рассказывать? Одинъ выгребаетъ изъ печки цѣлый часъ уголь для своей трубки, другой зачѣмъ-то побѣжалъ за комору. Что, въ-самомъ-дѣль!... добро бы по неволѣ, а то вѣдь сами же напросились; слушать, такъ слушать! Батько еще въ началѣ весны повезъ въ Крымъ на продажу табакъ; не помню только, два, или три воза снарядилъ онъ; табакъ былъ тогда въ цѣнь. Съ собою взялъ онъ трехгодоваго брата, приучать заранѣе чумаковать; насъ осталось: дѣдъ, мать, я, да братъ, да еще братъ. Дѣдъ засѣялъ баштанъ на самой дорогѣ и перешелъ

жить въ курень; взялъ и насъ съ собою гонять воробьевъ и сорокъ съ баштана. Намъ это было, нельзя сказать, чтобы худо; бывало, нашься въ день столько огурцовъ, дынь, репы, цыбули, гороху, что въ животъ, ейбогу, какъ-будто нѣтухи кричатъ. Ну, оно притомъ же и прибыльно: проезжіе толкуются по дорогѣ, всякому захочется полакомиться арбузомъ, или дынею; да изъ окрестныхъ хуторовъ, бывало, нанесутъ на обивнѣ куръ, яицъ, индѣекъ; житье было хорошее. Но дѣду больше всего любо было то, что чумаковъ каждый день возовъ пятьдесятъ проедеть; народъ, знаете, бывалый: пойдетъ рассказывать — только уши развѣшивай! а дѣду это все равно, что голодному галушки; иной разъ, бывало, случится встрѣча со старыми знакомыми; дѣда всякій уже зналъ: можете посудить сами, что бываетъ, когда соберется старье: тара, тара, тогда-то, да тогда-то, такое-то, да такое-то было... ну, и разольются! вспомнать, Богъ знаетъ, когдашнее. Разъ, ну вотъ право, какъ-будто теперь случилось, солнце стало уже садиться; дѣдъ ходилъ по баштану и снималъ съ кавуновъ листья, которыми прикрывалъ ихъ днемъ, чтобы не попеклись на солнцѣ. «Смотри,

Остапъ!» говорю я брату: «вонъ чумаки ъдутъ!»— «Гдѣ чумаки?» сказалъ дѣдъ, положивши значекъ на большой дынь, чтобы на случай не съѣли хлопцы. По дорогѣ тянулось точно возовъ шесть. Впереди шелъ чумакъ уже съ сизыми усами; не дошедши шаговъ, какъ-бы вамъ сказать, на десять, онъ остановился. «Здорово, Максимъ! вотъ привелъ Богъ гдѣ увидѣться!» Дѣдъ прищурилъ глаза: «а! здорово, здорово! откуда Богъ несетъ? И Болячка здѣсь? здорово, здорово, братъ! Что за дьяволь! да тутъ всѣ: и Круто-трыщенко! и Печерыця! и Ковелекъ! и Стецько! здорово! А, га, га! го, го!...» и пошли цаловаться! Волонъ распрягли и пустили пастись на траву; возы оставили на дорогѣ, а сами съѣли всѣ въ кружокъ впереди куреня и закурили люльки. Но куда же тутъ до люлекъ? за розказнями, да за раздобарами врядъ-ли и по одной досталось. Послѣ полдника сталъ дѣдъ потчивать гостей дынями; вотъ, каждый взявши по дынь, обчистилъ ее чистенько ножикомъ (калаци всѣ были тертые, мыкали не мало, знали уже какъ ѣдятъ на свѣтъ — пожалуй и за панскій столъ, хотъ сейчасъ, готовы състь); обчистивши хорошенько, проткнулъ каждый пальцемъ дырочку,

вышилъ изъ нея кисель, сталъ рѣзать по кусочкамъ и класть въ ротъ. «Что жъ вы, хлопцы» сказалъ дѣдъ: «рты свои разинули? танцуйте, собачьи дѣти! Гдѣ, Остапъ, твоя сонникъ? А ну-ка казачка! Ома, берись въ боки! ну! вотъ такъ! гей, гопъ!» Я былъ тогда малый подвижной. Старость проклятая! теперь уже не пойду такъ; вмѣсто всѣхъ выкрутасовъ, ноги только спотыкаются. Долго глядѣлъ дѣдъ на насъ, сидя съ чумаками. Я замѣчаю, что у него ноги не постоятъ на мѣстѣ: такъ какъ-будто ихъ что-нибудь дергаетъ. «Смотри, Ома» сказалъ Остапъ: «если старый хрыпъ не пойдетъ танцевать!» Что жъ вы думаете? не успѣлъ онъ сказать — не вытерпѣлъ старичина! захотѣлось, знаете, прихвастнуть передъ чумаками. «Вишь чертovy дѣти! развѣ такъ танцуютъ? Вотъ какъ танцуютъ!» сказалъ онъ, поднявшись на ноги, протянувъ руки и ударивъ каблуками. Ну, нечего сказать, танцевать-то онъ, танцевалъ такъ, что хотѣ бы и съ гетманшею. Мы посторонились, и пошелъ хрыпъ вывертывать ногами по всему гладкому мѣсту, которое было возлѣ грядки съ огурцами. Только-что дошелъ однакожъ до половины и хотѣлъ разгуляться и выметнуть ногами

на вихорь какую-то штуку, не поднимаются ноги, да и только! Что за пропасть! разогнался снова, дошелъ до середины — не беретъ! что хочь дьлай: не беретъ, да и не беретъ! ноги, какъ деревянныя стали. «Вишь дьявольское мѣсто! вишь сатанинское наважденіе! впутается же Иродъ, врагъ рода человѣческаго!» Ну какъ надѣлать сраму передъ чумаками? Пустился снова и началъ чесать дробно, мелко, любо глядѣть; до середины — нѣтъ! не вытанцовывается, да и полно! «А, шельмовскій сатана! чтобъ ты подавился гнилою дынею! чтобъ еще маленькимъ издохнулъ, собачій сынъ! вотъ на-старость надѣлалъ стыда какого!» и въ-самомъ-дѣлѣ сзади кто-то засмѣялся. Оглянулся: ни баштану, ни чумаковъ, ничего; назадъ, впереди, по сторонамъ гладкое поле. «Э! ссс... вотъ тебѣ на!» Началъ прищуривать глаза — мѣсто, кажись, не совсѣмъ незнакомое: съ боку лѣсъ, изъ-за лѣса торчалъ какой-то шестъ и видѣлся прочь-далеко въ небѣ. Что за-пропасть: да это голубятня, что у попа въ огородъ! Съ другой стороны тоже что-то сѣрѣеть; взглядылся: гумно волостнаго писаря. Вотъ куда затащила нечистая сила! Поколесивши кругомъ, наткнулся онъ на дорожку.

Мѣсяца не было; блѣое пятно мелькало вмѣсто его сквозь тучу. «Быть завтра большому вѣтру!» подумалъ дѣдъ. Глядь, въ сторонѣ отъ дорожки на могилкѣ вспыхнула свѣчка. «Вишь!» сталъ дѣдъ и руками поднерся въ боки и глядять: свѣчка потухла; вдали и немного подалѣе загорѣлась другая. «Кладь!» закричалъ дѣдъ: «я ставлю, Богъ знаетъ что, если не кладь!» и уже пошлевалъ-было въ руки, чтобы копать, да спохватился, что нѣтъ при немъ ни заступа, ни лопаты. «Эхъ, жаль! ну, кто знаетъ, можетъ-быть, стѣбитъ только поднять дернъ, а онъ тутъ и лежить, голубчикъ! Нечего дѣлать, назначить по крайней-мѣрѣ мѣсто, чтобы не позабыть послѣ!» Вотъ перетанувши, сломанную видно вихремъ, порядочную вѣтку дерева, навалилъ онъ ее на ту могилку, гдѣ горѣла свѣчка и пошелъ по дорожкѣ. Молодой дубовый лѣсъ сталъ рѣдѣть; мелкнулъ плетень. «Ну, такъ! не говорилъ ли я» подумалъ дѣдъ: «что это попова левада; вотъ и плетень его! теперь и версты нѣтъ до баштана». Поздненько однакожь пришелъ онъ домой и галушекъ не захотѣлъ ѣсть. Разбудивши брата Остана, спросилъ только, давно ли уѣхали чумаки, и завернулся въ тулупъ. И когда

тотъ началъ-было спрашивать: «а куда тебя, дѣдъ, черти дѣли сегодня?» — «Не спрашивай» сказалъ онъ, завертываясь еще крѣиче: «не спрашивай, Остапъ; не то, посядѣешь!» и захрапѣлъ такъ, что воробьи, которые забрались-было на баштанъ, поподымались съ перепугу на воздухъ. Но гдѣ ужъ тамъ ему спалось? Нечего сказать, хитрая была бестія, дай Боже ему царствіе небесное! умѣлъ отдѣлаться всегда. Иной разъ такую запоетъ пѣсню, что губы станешь кусать.

На другой день, чуть только стало смеркаться въ полѣ, дѣдъ надѣлъ свитку, подпоясаясь, взялъ подъ мышку заступъ и лопату, надѣлъ на голову шапку, вынулъ кухоль сыровцу, утеръ губы полою и пошелъ прямо къ попову огороду. Вотъ минулъ и плетень и низенькій дубовый лѣсъ; промежъ деревьевъ вѣтся дорожка и выходитъ въ поле; кажись, та самая. Вышелъ и на поле: мѣсто точь-вточь вчерашнее: вонъ и голубятня торчитъ; но гумна не видно. «Нѣтъ, это не то мѣсто; то, стало-быть, подалѣе; нужно, видно, поворотить къ гумну!» поворотилъ назадъ, сталъ итти другою дорогою — гумно видно, а голубятни нѣтъ! Опять поворо-

тиль поближе къ голубятнѣ — гумно спряталось. Въ полѣ, какъ нарочно, сталъ накрапывать дождикъ. Побѣжалъ снова къ гумну — голубятня пропала; къ голубятнѣ — гумно пропало. «А чтобъ ты, проклятый сатана, не дождалъ дѣтей своихъ видѣть!» а дождь пустился, какъ изъ ведра. Вотъ, скинувши новые сапоги, и обернувши въ хустку, чтобы не покоробились отъ дождя, задалъ онъ такого бѣгуна, какъ-будто панскій иноходецъ. Влѣзъ въ курень, промокши насквозь, накрылся тулупомъ и принялся ворчать что-то сквозь зубы и приголубивать чорта такими словами, какихъ я еще отъ-роду не слыхивалъ; признаюсь, я бы, вѣрно, покраснѣлъ, если бы случилось это среди дня. На другой день проснулся, смотрю: уже дѣдъ ходитъ по бащтану, какъ ни въ чемъ не бывало и прикрываетъ лопухомъ арбузы. За обѣдомъ опять старичина разговорился, сталъ пугать меньшаго брата, что онъ обмѣняетъ его на куръ вмѣсто арбуза; а пообедавши сдѣлалъ самъ изъ дерева пищикъ и началъ на немъ играть; и далъ намъ забавляться дыню, свернувшуюся въ три погибели, словно змѣю, которую называлъ онъ турецкою. Теперь такихъ дынь я нигдѣ и не ви-

дывалъ; правда съмяна ему что-то издалека достались. Вечеру, уже повечеривши, дѣдъ пошелъ съ заступомъ прокопать новую грядку для позднихъ тыквъ. Сталъ проходить мимо того заколдованнаго мѣста, не вытерпѣлъ, чтобы не проворчать сквозь зубы: «проклятое мѣсто!» взошелъ на середину, гдѣ не вытанцовывалось позавчера и ударилъ въ сердцахъ заступомъ. Гладь, вокругъ него опять то же самое поле: съ одной стороны торчитъ голубятня, а съ другой гумно. «Ну, хорошо, что догадался взять съ собою заступъ. Вошь и дорожка! вошь и могилака стоитъ! вошь и вѣтка навалена! вошь-вошь горитъ и свѣчка! Какъ бы только не ошибиться». Потихоньку побѣжалъ онъ, поднявши заступъ вверхъ, какъ будто бы хотѣлъ имъ попотчевать кабана, затесавшагося на баштанъ, и остановился передъ могилакою. Свѣчка погасла; на могилѣ лежалъ камень, заросшій травою. «Этотъ камень нужно поднять!» подумалъ дѣдъ и началъ обкапывать его со всѣхъ сторонъ. Великъ проклятый камень! вотъ, однако жъ, упершись крѣпко ногами въ землю, пихнулъ онъ его съ могилы. «Гу!» пошло по долинь. «Туда тебѣ и дорога! теперь живѣе пойдетъ дѣлю». Тутъ дѣдъ остановился, досталъ

рожокъ, насыпалъ на кулакъ табаку, и готовился-было поднести къ носу, какъ вдругъ надъ головою его «чихи!» чихнуло что-то такъ, что покачнулись деревья и дѣду забрызгало все лицо. «Отворотился хоть бы въ сторону, когда хочешь чихнуть!» проговорилъ дѣдъ, протирая глаза. Осмотрѣлся, никого нѣтъ. «Нѣтъ, не любить, видно, чортъ табаку!» продолжалъ онъ, кладя рожокъ за пазуху и принимаясь за заступъ. «Дурень же онъ, а такого табаку ни дѣду, ни отцу его не доводилось нюхать!» Сталъ копать—земля мягкая, заступъ такъ и уходитъ; вотъ что-то звукнуло. Выкидавши землю, увидѣлъ онъ котель. «А, голубчикъ! вотъ гдѣ ты!» вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» запицалъ птичій носъ, кивнувши котель. Посторонился дѣдъ и выпустилъ заступъ. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заблела баранья голова съ верхушки дерева. «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты!» заревѣлъ медвѣдь, высунувши изъ-за дерева свое рыло. Дрожь проняла дѣда. «Да тутъ страшно слово сказать!» проворчалъ онъ про-себя. «Тутъ страшно слово сказать!» пискинулъ птичій носъ. «Страшно слово сказать!» заблела баранья голова. «Сло-

томъ 1.

во сказать!» ревнулъ медвѣдь. «Гм...» сказалъ дѣдь, и самъ перепугался. «Гм!» пропищалъ носъ. «Гм!» проблеялъ баранъ. «Гумъ!» заревѣлъ медвѣдь. Со страхомъ оборотился дѣдь: Боже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! и чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ какая-то харя: у! у! носъ какъ мѣхъ въ кузницѣ; ноздри — хотъ по ведру воды влей въ каждую! губы ейбогу, какъ двѣ колоды! красныя очи выкатились наверхъ, и еще и языкъ высунула, и дразнить! «Чортъ съ тобою!» сказалъ дѣдь, бросивъ котель: «на тебѣ и кладъ твой! экая мерзостная рожа!» и уже ударился-было бѣжать, да оглядѣлся и сталъ, увидѣши, что все было по-прежнему. «Это только пугаетъ нечистая сила!» Принялся снова за котель — нѣтъ, тяжелъ! что дѣлать? тутъ же не оставить! Вотъ, собравши всѣ силы, ухватился онъ за него руками: «ну, разомъ, разомъ! еще, еще, еще!» и вытащилъ! «Ухъ! теперъ понохатъ табаку!» Досталъ рожокъ; прежде, однако жъ, чѣмъ сталъ насыпать, осмотрѣлся хорошенько, нѣтъ ли кого: кажись, что

нѣтъ; но вотъ чудится ему, что пень дерева пыхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красные глаза, ноздри раздулись, носъ поморщился, и вотъ, такъ и собирается чихнуть. «Нѣтъ, не понохаю табаку!» подумалъ дѣдъ, спрятавши рожокъ: «опять заплюетъ сатана очи!» Схватилъ скорѣе котель и давай бѣжать, сколько доставало духу; только слышнть, что сзади, что-то такъ и чешетъ прутьями по ногамъ... «Ай! ай, ай!» покрикивалъ только дѣдъ, ударивъ во всю мочь; и какъ добѣжалъ до попова огорода, тогда только перевелъ немного духъ.

«Куда это зашелъ дѣдъ?» думали мы, дожидаясь часа три. Уже съ хутора давно пришла мать и принесла горшокъ горячихъ галушекъ. Нѣтъ, да и нѣтъ дѣда! Стали опять вечерять сами; послѣ вечера вымыла мать горшокъ и искала глазами, куда бы вылить помои, потому-что вокругъ все были гряды, какъ виднть, идетъ прямо къ ней на-встрѣчу кухва. На небѣ было-таки темненько. Вѣрно, кто-нибудь изъ хлопцевъ, шая, спрятався сзади и подталкиваетъ ее. «Вотъ кстати, сюда вылить помои!» сказала и вылила горячія помои. «Ай!» что-то закричало басомъ. Глядь—дѣдъ. Ну, кто его знаетъ! Ейбогу, думали,

что бочка лезетъ. Признаюсь, хоть оно и грѣшно немного, а право, смѣшно показалось, когда съдая голова дѣда вся была окунута въ помои и обвѣшена корками отъ арбузовъ и дынь. «Вишь, чортова баба!» сказалъ дѣдъ, обтиралъ голову по-лою: «какъ опарила! какъ-будто свинью передъ рождествомъ! Ну, хлопцы, будетъ вамъ теперь на бублики! будете, собачьи дѣти, ходить въ золотыхъ жупанахъ! Посмотрите-ка, посмотрите сю-да, чтò я вамъ принесъ!» сказалъ дѣдъ, и от-крылъ котель. Чтò жъ бы вы думали такое тамъ было? ну, по-малой-мѣрѣ, подумавши хорошень-ко: а? золото? вотъ то-то, что не золото: соръ, дризгъ... стыдно сказать, чтò такое. Понулъ дѣдъ, кинулъ котель, и руки послѣ того вы-мылъ.

И съ той поры заклялъ дѣдъ и насъ вѣрить когда-либо чорту. «И не думайте!» говорилъ онъ часто намъ: «все, чтò ни скажетъ врагъ Госно-да Христа, все солжетъ, собачій сынъ! у него правды и на копейку нѣтъ!» И, бывало, чуть только услышитъ старикъ, что въ иномъ мѣстѣ не спокойно: «а ну-те ребята, давайте крестить!» закричитъ намъ: «такъ его! такъ его! хоро-шенько!» и начнетъ класть кресты. А то прокля-

тое мѣсто, гдѣ не вытанцовывалось, загородили
плетнемъ, велѣвъ кидать все, что ни есть не-
потребнаго, весь бурьянъ и соръ, который вы-
гребалъ изъ баштана. Такъ вотъ какъ морочить
нечистаа сына челоуѣка! Я знаю хорошо эту зем-
лю: послѣ того нанимали ее у батьки подѣ баш-
танъ сосѣдніе казаки. Земля славная! и урожай
всегда бывалъ на-диво; но на заколдованномъ
мѣстѣ никогда не было ничего добраго. Засыютъ
какъ слѣдуетъ, а взойдетъ такое, что и разо-
братъ нельзя: арбузь не арбузь, тыква нетык-
ва, огурецъ не огурецъ.... чортъ знаетъ, что
такое!

Mon Domestique me
Di Mademoiselle.
vous devez absolument
saler tout ce que je
sais il s'ali votre
con encre vase quelle
maladie de pelle
votre deesse s'ince
K. D. M. 1777

que j'ai je vous envoie
je vous envoie dire que
je me sent plus mal
que je sente avant
mais vos medecine
changer ma maladie
si parouche et fi
vre et fièvre chaude
mal de tête et mal
ventre et mal de
et mal de poitrine je
vous envoie faire
que je sois votre
me que faire et ne
ma femme et vous
herceque j'ecris pour

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЪ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стран.
Предисловіе	X
✕ Сорочинская ярмарка	1
Вечеръ наканунѣ Ивана Купала.....	65
Майская ночь, или утопленница.....	99
Процвиная грамота.....	163

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Предисловіе	ПІ
✕ Ночь передъ рождествомъ.....	1
Странная мѣсть.....	91
Иванъ Федоровичъ Шпонька и его тетя.....	185
Закладованное мѣсто.....	243

Mon souvenir.

Imaginez vous j'en ai
jusqu'à présent mais

je ne sais pas que sera
de ma maladie

je suis resté ~~vous~~
toute l'année. Aimez

Pourriouff

Je vous aime je
vous adore mais

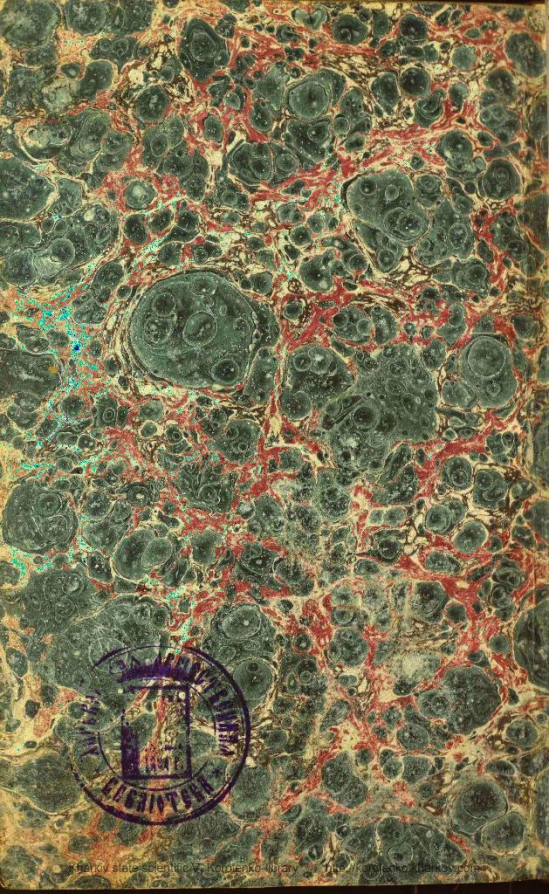
mais reposez vous
je vous aime je vous

adore ~~je vous~~
encore. Je vous aime

comme une fleur

mais une rose pour
un jour et de vous

pour toujours.
Après avoir vu de long
me répondre abro
hument et si vous
ne me répondez
pas je ne fache
rez contre vous pour
toujours, bon nuit
je vous souhaite et
être en bon santé.
Ceci parce que je
sais comme ce mal
d'avoir quelque ma
dié. mon oncle est
apprent malade.

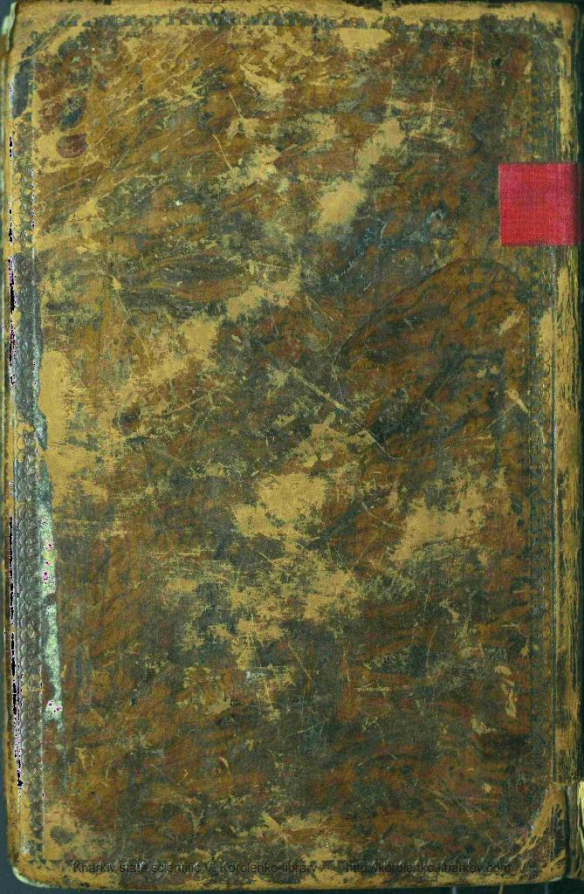
181

Перевірено 1948 р.

[8 p.]

66084

